PR
5219
R26afR

926

THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA
LOS ANGELES

926.

50
4

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи.

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

ПОЖАЛУЙСТ
не перегибайте книг ...

Digitized by the Internet Archive
in 2015

https://archive.org/details/vodoipoliesu00mayn

926

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ
МАЙНЪ-РИДА.

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи

ВОДОЙ ПО ЛѢСУ.

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

ЕРБУРГЪ.
ВО П. П. СОЙКИНА
№ 12, собств. д.

П. П. Сойкина, Спб., Стремянная, 12.

926.
PR
5314
FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

ПОЖАЛУЙСТА

не перегибайте книг при чтеніи.

I.

Корнвалисскій дворянинъ сэръ Треваньовъ умеръ лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Послѣ его смерти его родовое помѣстье со всѣми постройками перешло въ чужія руки. Сыновья его, Ричардъ и Ральфъ, остались безъ крова и почти безъ средствъ.

Стряпчій, долго занимавшійся дѣлами покойнаго, взялъ за долги его имѣніе, которое приносило значительный доходъ; наслѣдники же получили только по тысячѣ фунтовъ стерлинговъ, уцѣлѣвшихъ отъ всего отцовскаго состоянія. Несмотря на кажущуюся порядочность стряпчаго, многіе заподозрили его въ недобросовѣстномъ веденіи дѣлъ покойнаго; въ числѣ этихъ многихъ были братья Треваньовы.

Отдавая имъ деньги, стряпчій поставилъ въ условіе, чтобы они уѣхали изъ Корнвалиса. Молодые люди ничего не понимавшіе въ дѣлахъ, боялись всякой тяжбы и уступили требованію; они принуждены были покинуть страну, гдѣ жили ихъ предки чуть ли не со временъ финикіянъ.

Рѣшивъ во что бы то ни стало съ честью выйти изъ своего затруднительнаго положенія, братья стали подумывать о томъ, какъ бы имъ устроиться; они хотѣли искать счастья, гдѣ бы оно имъ ни улыбнулось.

Ральфу въ то время шелъ двадцатый годъ. Ричардъ былъ года на два моложе его. Оба получили хорошее воспитаніе и не боялись ни умственнаго, ни тяжелаго физическаго труда. Они съ одинаковымъ успѣхомъ могли пробить себѣ дорогу среди интеллигентныхъ и среди рабочихъ людей; энергіи и силы воли у обоихъ было достаточно.

Сначала они не знали, что предпринять и подумывали о военной службѣ, морской или сухопутной.

По протекціи старыхъ друзей покойнаго отца они легко могли поступить какъ на ту такъ и на другую. Но эта карьера не улыбалась ни одному изъ нихъ и они скоро сознались

799204

другъ другу, что предпочли бы менѣе почетную, но за то болѣе обезпечивающую службу. Она была необходима имъ для того, чтобы вернуть потерянное. Не боясь даже, въ случаѣ надобности, сдѣлаться чернорабочими, они рѣшили трудиться изо всѣхъ силъ до тѣхъ поръ, пока не выкупятъ все имущество своихъ предковъ.

— Куда же мы отправимся?—спросилъ Ричардъ.

— Въ Америку,—отвѣчалъ ему Ральфъ.

— Въ какую часть ея?

— На югъ, въ Перу,—сказалъ старшій братъ. Можно пробраться вдоль Андъ, отъ Чили до Панамскаго перешейка. Какъ уроженцы Корнвалиса, въ которомъ такъ развито горное дѣло, мы будемъ хорошими рудокопами. Въ Андахъ же мы всегда найдемъ работу; вмѣсто олова мы будемъ добывать тамъ золото.

— Страна эта мнѣ очень нравится,—но я долженъ тебѣ сказать, что твой проектъ мнѣ совсѣмъ не по душѣ. Я не хотѣлъ бы заниматься горнымъ дѣломъ и охотно предпочелъ бы ему торговлю.

— Это предпочтеніе, однако, нисколько не мѣшаетъ тебѣ поселиться въ Перу.—Многіе англичане именно тамъ нажили цѣлыя состоянія, занимаясь торговлей. Изберемъ различныя спеціальности, но не будемъ разлучаться. Тысяча фунтовъ, которыми каждый изъ насъ располагаетъ, помогутъ намъ начать дѣло;—ты будешь купцомъ, а я золотопромышленникомъ. Въ Перу найдется дѣло и для меня и для тебя. И такъ рѣшай. Дикъ. Ѣдешь ты или нѣтъ?

— Поѣдемъ, пожалуй.

— Ну,—значитъ рѣшено.

Мѣсяцъ спустя послѣ этого разговора, оба брата плыли на кораблѣ, который отправлялся изъ Англіи на юго-западъ; черезъ шесть мѣсяцевъ они были уже въ Каллао. Сначала братья направились въ Лиму, а оттуда въ горы, вершины которыхъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ; горы эти представляютъ собою высокія, скалистыя, неприступныя стѣны.

Авторъ этой книги совсѣмъ не имѣетъ въ виду разсказывать читателямъ исторію братьевъ Тревильяновыхъ. Вотъ почему онъ не описываетъ шагъ за шагомъ изъ жизни со дня прибытія въ Америку втеченіе пятнадцати лѣтъ, а передаетъ ее лишь въ общихъ чертахъ.

Утомленный жизнью рудокопа младшій Ричардъ, перепра-

ПОЖАЛОВСТА
не перегибайте книг при чтеніи.

вился черезъ Кордильеры и спустился въ лѣса Амазонки, въ Монтану, какъ называютъ эту мѣстность испанцы, живущіе въ Андахъ. Въ обществѣ нѣсколькихъ португальскихъ купцовъ онъ поплылъ внизъ по Амазонкѣ, стараясь завязать торговыя сношенія по берегамъ ея и другихъ второстепенныхъ рѣкъ. Наконецъ, онъ поселился въ цвѣтущемъ городѣ Парѣ, расположенномъ въ устьѣ Амазонки и занялся торговлей.

Познакомившись съ прелестной блондинкой, дочерью своего соотечественника, который, подобно ему, занимался торговлей, онъ женился на ней и немного лѣтъ спустя былъ уже отцомъ нѣсколькихъ дѣтей, изъ которыхъ только двое остались въ живыхъ.

Пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Ричардъ Треваньовъ покинулъ Англію. Ему не было еще и тридцати пяти лѣтъ, а онъ уже былъ вдовцомъ съ двумя дѣтьми. Всѣми уважаемый и любимый онъ занималъ видное общественное положеніе и былъ уже достаточно богатъ. Ему хотѣлось вернуться на родину.

Помнилъ ли онъ обѣтъ, данный когда то имъ и братомъ— вернуться въ Корнвалисъ и выкупить землю предковъ? Да, онъ не забылъ его. Онъ написалъ уже объ этомъ Ральфу и теперь только ждалъ его отвѣта.

Ричардъ былъ увѣренъ, что братъ тоже мечтаетъ о возвращеніи на родину и охотно присоединится къ нему.

За эти пятнадцать лѣтъ Ральфъ не имѣлъ такого успѣха въ жизни, какъ младшій братъ, но тѣмъ не менѣе онъ всетаки добился полной матеріальной независимости. Какъ и Ричардъ онъ рано женился; жена его была перуанка и отличалась необыкновенной красотой. Она также умерла, оставивъ двоихъ дѣтей: дѣвочку и мальчика. Дѣвочка была младше. Ей было только двѣнадцать лѣтъ, мальчику же шелъ уже четырнадцатый годъ.

Письмо Ричарда пришло какъ разъ въ то время, когда Ральфъ собирался исполнить свое обѣщаніе. Вопросъ этотъ не разъ возбуждался обоими братьями въ ихъ перепискѣ, которую они старались поддерживать, несмотря на трудность сообщенія.

Ричардъ просилъ Ральфа пріѣхать къ нему въ Пару: таким[illegible]разомъ, вмѣсто того чтобы огибать мысъ Горнъ, или ѣхать [illegible] перешеекъ, онъ могъ просто спуститься по Амазонкѣ [illegible] линіи экватора до самой Пары.

не перегибайте книг при чтеніи.

Предлагая брату этотъ путь, Ричардъ имѣлъ въ виду двѣ вещи; во первыхъ онъ хотѣлъ, чтобы Ральфъ ознакомился съ огромной рѣкой, а во вторыхъ, ему хотѣлось показать ее своему сыну, который въ это время гостилъ у дяди въ Церро-Паска.

Молодой человѣкъ жилъ въ Перу уже годъ. Онъ отправился туда на одномъ изъ отцовскихъ кораблей. Ему хотѣлось путешествовать по океану, посмотрѣть Анды и наконецъ познакомиться съ дядей и его дѣтьми, изъ которыхъ старшій былъ его ровесникомъ. Въ Тихій океанъ онъ отправился моремъ. Отецъ хотѣлъ, чтобъ въ Атлантическій онъ вернулся сушей, или вѣрнѣе рѣками.

Желанія Ричарда вполнѣ соотвѣтствовали желаніямъ его брата. Ральфъ былъ большой любитель путешествій и четырнадцать лѣтъ, проведенныхъ въ рудникахъ Церро, нисколько не измѣнили его въ этомъ отношеніи. При мысли о возвращеніи на родину онъ почувствовалъ себя бодрѣе и моложе. Тотчасъ же по полученіи письма брата, онъ сталъ приготовляться къ далекому путешествію.

Мѣсяцъ спустя онъ перебрался черезъ Кордильеры, при чемъ вся семья его и слуги ѣхали на мулахъ. Затѣмъ всѣ перебрались на «бальсу», (такъ называется особаго рода судно, на которомъ спускаются по рѣкѣ Гуальягѣ) и наконецъ на «галатею», которыя ходятъ обыкновенно по огромной рѣкѣ Солимоесъ.

Хотя путешествіе по горамъ представляетъ много интереснаго, но мы не будемъ останавливаться на немъ; ничего не скажемъ мы и о путешествіи по Гуальягѣ и по той части Амазонки, которая называется «Мараньономъ». Мы присоединимся къ Ральфу Треваньову только въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается величественный Солимоесъ, и не разстанемся съ нимъ за все время его странствованія по лѣсу.

II.

[illegible]омъ, въ началѣ декабря 18... года по Солимоесу [illegible]сь судно необыкновенной конструкціи. Оно направля[illegible] маленькому португальскому порту Коари, расположен[illegible] южномъ берегу рѣки. Это была галатея, или широкая барка съ мачтами, съ парусами и съ покрытой огромными пальмовыми листьями каютой, называемой тольдо. По палубѣ ходили чернокожіе люди. Нѣкоторые изъ нихъ держали въ ру-

кахъ гребки, которые замѣняютъ собою весла и состоятъ изъ длиннаго шеста съ прикрѣпленной къ нему весельной лопастью.

Чрезвычайно интересную картину представляли пассажиры и экипажъ этого судна. Экипажъ состоялъ изъ чернокожихъ; они были почти голые; весь костюмъ ихъ ограничивался короткими бѣлыми штанами.

Среди пассажировъ было двое бѣлыхъ. Третій, судя по его черному, какъ сажа лицу, былъ, вѣроятно африканскій негръ.

Кромѣ этихъ было еще трое пассажировъ. Двое юношей, почти однихъ лѣтъ, и дѣвочка со смуглымъ цвѣтомъ лица и съ волосами черными, какъ воронье крыло.

Одинъ изъ бѣлыхъ, хозяинъ галатеи и вмѣстѣ съ тѣмъ командиръ экипажа былъ Ральфъ Треваньовъ.

Молодая дѣвушка была его дочь, которую въ честь матери звали Роза, или Розита. Младшій юноша, тоже брюнетъ, былъ его сынъ Ральфъ; старшій, блондинъ съ голубыми глазами, былъ его племянникъ Ричардъ, носившій имя своего отца.

Другой бѣлый съ вздернутымъ носомъ и ярко рыжими, вьющимися волосами былъ ирландецъ Типперари Томъ. Онъ безпрестанно щурился и мигалъ глазами. Негръ не представлялъ изъ себя ничего особеннаго; онъ былъ родомъ изъ Мозамбика, вслѣдствіе чего всѣ называли его Мозей. Онъ поступилъ вмѣстѣ съ ирландцемъ къ Ральфу, какъ только этотъ послѣдній поселился въ горахъ Церро-Паско.

На суднѣ находились еще различные представители царства животныхъ; они были самой разнообразной формы, величины и породы. Тутъ можно было встрѣтить четвероногихъ и птицъ; между ними были жители полей и лѣсовъ. Одни сидѣли на крышѣ каюты, другіе спрятались подъ палубу, а третьи забрались на шкафутъ. На рею, вокругъ мачты, можно было видѣть цѣлый звѣринецъ, какъ это бываетъ обыкновенно на всѣхъ судахъ, плавающихъ по Амазонкѣ.

Экипажъ «галатеи» состоялъ изъ десяти человѣкъ; восемь гребли, размѣстившись по четыре съ каждой стороны судна, девятый же исправлялъ должность лоцмана и стоялъ на кормѣ. Экипажъ этотъ былъ временный; люди были наняты только отъ Эга до Коари, гдѣ ихъ должны были смѣнить цивилизованные индѣйцы или тапуйи. Къ несчастью, въ Коари не оказалось ни одного тапуйо. Всѣ отправились на рыбную ловлю. Владѣлецъ судна попытался нанять экипажъ изъ Эго для дальнѣйшаго пути, но люди отказались, такъ какъ это было непринято у нихъ.

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи.

Ни просьбы, ни угрозы судовладѣльца не помогали. Всѣ отказались за исключеніемъ одного. Это былъ старый индѣецъ; онъ не принадлежалъ къ племени Эго и не могъ устоять противъ щедрой платы, предложенный владѣльцемъ судна. Путешественникамъ оставалось одно изъ двухъ: остановиться въ Коари или же замѣнить самимъ гребцовъ и плыть дальше, пользуясь указаніями индѣйца.

Ральфъ Треваньовъ выбралъ послѣднее.

Итакъ, судно, на которомъ находился бывшій золотопромышленникъ со своей семьей и слугами, снова поплыло по водамъ Солимоеса; однако, теперь оно шло гораздо медленнѣе, такъ какъ гребцовъ было вдвое меньше и они были далеко не такъ ловки и сильны, какъ ихъ предшественники.

Ральфъ самъ исполнялъ обязанности рулевого.

Типперари Томъ, Мозей, старый индѣецъ «Мунди», называемый такъ потому, что онъ принадлежалъ къ племени мундруку, и Ричардъ Треваньовъ гребли. Этотъ послѣдній, не смотря на свою молодость, былъ самымъ лучшимъ гребцомъ, не считая индѣйца. Выросши въ Парѣ, на громадной рѣкѣ, онъ полъ жизни провелъ на водѣ.

Молодой Ральфъ, напротивъ, какъ истый горецъ, совсѣмъ не годился для экипажа галатеи. Ему, вмѣстѣ съ Розитой, былъ порученъ уходъ за животными.

Первый день прошелъ вполнѣ благополучно. Путешественникамъ предстояло долгое плаванье, такъ какъ до Пары оставалось еще около тысячи миль. Еслибъ они могли разсчитывать на то, что все время будутъ дѣлать по три мили въ часъ, имъ нечего было бы безпокоиться; при такой скорости они доплыли бы до мѣста назначенія черезъ двѣнадцать дней,—это совсѣмъ не такъ много.

Но они слишкомъ хорошо знали рѣку, а потому не очень разсчитывали на это. Они знали, что теченіе ея чрезвычайно медленно.

Отправляясь изъ Коари Ральфъ вовсе не намѣревался до конца путешествовать съ такимъ экипажемъ. Онъ хотѣлъ замѣнить его тапуйями въ Барѣ, расположенной въ устьѣ Ріо-Негро, въ Обидорѣ или Сантаремѣ.

До ближайшихъ изъ этихъ остановокъ, однако, можно было добраться только черезъ нѣсколько дней, и то при самомъ быстромъ плаваньѣ. Ральфъ съ петерпѣніемъ ожидалъ встрѣчи съ братомъ. Ужъ много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ они

видѣлись въ послѣдній разъ. Онъ путешествовалъ уже нѣсколько мѣсяцевъ водою и сушей, и всякій разъ, какъ ему казалось, что самый тяжелый путь уже пройденъ и свиданіе съ братомъ близко, его непремѣнно что нибудь задерживало.

Въ первую ночь по выходѣ изъ Коари, онъ рѣшилъ пристать къ берегу и простоять тамъ до разсвѣта. Но на вторую ночь онъ былъ менѣе остороженъ и не пожелалъ останавливаться.

Ночь была ясная. Кругомъ все было залито луннымъ свѣтомъ, явленіе черезвычайно рѣдкое на Солимоесѣ. Экипажъ сильно утомился, и потому рѣшено было перестать грести, предоставивъ судно теченію. Благодаря этому послѣднему, оно могло дѣлать около двухъ миль въ часъ, такъ что за ночь должно было пройти двадцать-тридцать миль.

Индѣецъ сталъ отговаривать хозяина продолжать путь ночью. Не понялъ его Ральфъ, или просто не желалъ слушать его совѣтовъ, но галатея поплыла дальше.

Типперари Томъ теперь замѣнялъ лоцмана. Всѣ прочіе спали. Треваньовъ съ дѣтьми помѣстился подъ навѣсомъ, а негръ и индѣецъ забрались въ трюмъ. Птицы и обезьяны тоже спали въ своихъ каютахъ.

Хотя лоцманъ и не отличался опытностью, но онъ всѣ старанія прилагалъ къ тому, чтобы какъ можно лучше исполнить свою обязанность.

Прежде чѣмъ поставить его у руля, ему объяснили, какъ нужно управлять имъ, чтобы удержать судно въ стрежнѣ рѣки, и онъ съ точностью исполнялъ все указанное.

Но вотъ онъ дошелъ до мѣста, гдѣ рѣка раздѣлялась на два рукава.

По которому изъ нихъ плыть?—Типперари Томъ задумался.

Сначала онъ хотѣлъ разбудить своего господина и посовѣтоваться съ нимъ; но потомъ взглянувъ еще разъ внимательно на оба рукава, онъ рѣшилъ, что ему слѣдуетъ избрать болѣе широкій. Въ этотъ послѣдній онъ и направилъ судно.

Галатея быстро поплыла по широкому рукаву и черезъ десять минутъ съ ея палубы уже не было видно другого рукава.

Въ полной увѣренности, что онъ избралъ правильный путь, лоцманъ болѣе не безпокоился и плылъ все дальше и дальше. Скоро онъ сталъ замѣчать, что берега становились все болѣе и болѣе неправильными; въ нихъ то и дѣло врѣзались глубокія бухты и заливы. Нѣкоторые изъ заливовъ представляли собою безпредѣльное водное пространство, на которомъ мѣстами были

разбросаны группы деревьевъ. Казалось, деревья эти росли не на сушѣ, а какъ бы выходили изъ воды.

По мѣрѣ того какъ галатея подвигалась впередъ, предположеніе это подтверждалось. Только тутъ Типперари Томъ замѣтилъ, что онъ плылъ уже не по рѣкѣ, текущей между двумя берегами, а по безпредѣльному водному пространству съ потонувшимъ лѣсомъ. Однако онъ довольно спокойно отнесся къ этому. Онъ думалъ что галатея плыветъ по такой части Солимоеса, гдѣ вода вышла изъ береговъ; это ему приходилось видѣть не разъ.

Но вотъ рѣка стала постепенно суживаться; обстоятельство это обезпокоило лоцмана. У него явилась мысль, что онъ избралъ неправильный путь. Вскорѣ ему пришлось окончательно убѣдиться въ этомъ, ибо галатея дошла до такого мѣста, гдѣ весла навѣрно задѣвали бы кусты, окаймлявшіе оба берега. Было ясно, чо онъ ушелъ далеко въ сторону отъ главнаго стрежня и что лодка плыла вовсе не по великому Солимоесу.

Лоцманъ растерялся. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія онъ долженъ былъ разбудить спутниковъ, сознаться имъ въ своей ошибкѣ и посовѣтоваться съ ними. Однако онъ не сдѣлалъ этого. Ему было стыдно, что онъ не исполнилъ, или вѣрнѣе, плохо исполнилъ свой долгъ, и онъ рѣшилъ не сознаваться. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о той рѣкѣ, по которой плылъ. Можетъ быть, просто это былъ проливъ, который дальше расширялся и опять переходилъ въ рѣку; можетъ быть все-таки направленіе, избранное имъ, совершенно правильно? Такъ думалъ Типперари Томъ.

Надежда на то, что онъ скоро выйдетъ въ главную рѣку, заставляла его плыть все дальше и дальше.

Вотъ проливъ дѣйствительно расширился, и галатея опять пошла по широкому водному пространству. Это окончательно успокоило лоцмана. Благопріятное плаванье, однако, не долго продолжалось. Судно опять попало въ узкій проливъ. Впереди виднѣлось нѣсколько рукавовъ, окаймленныхъ наполовину потонувшими кустами, а вдали возвышались большія деревья, угрожая загородить судну дальнѣйшій путь.

Типперари Томъ рѣшилъ, что далѣе плыть нельзя. Онъ налегъ на руль и повернулъ судно, намѣреваясь плыть обратно; но, благодаря ли теченію, или обманчивому блеску луны, онъ не могъ опредѣлить прежняго пути и, бросивъ въ отчаяніи руль, предоставилъ судно на произволъ судьбы.

Не успѣлъ онъ еще собраться съ духомъ, чтобы сообщить своимъ спутникамъ о случившемся, какъ вдругъ галатея наткнулась на вершину потонувшаго дерева и застряла. Трескъ поломанныхъ вѣтвей разбудилъ экипажъ. Ральфъ выскочилъ изъ каюты, дѣти послѣдовали за нимъ. Треваньовъ пришелъ въ ужасъ отъ случившагося. Мозей тоже испугался. Единственный человѣкъ, который, казалось бы понималъ положеніе, это былъ старый индѣецъ; онъ сильно волновался и безпрестанно повторялъ:

— Гапо! Гапо!

— Гапо!—воскликнулъ судовладѣлецъ. Что это такое значитъ, Мунди?

— Гапо! — повторилъ Типперари Томъ, — что это такое Мунди?

По отчаянію индѣйца онъ понялъ, что былъ причиной страшнаго несчастья.

Мундруку отвѣчалъ только жестами.

На суднѣ былъ одинъ лишь человѣкъ, который понималъ слово, съ такимъ ужасомъ произнесенное индѣйцемъ. Это былъ молодой Ричардъ Треваньовъ.

— Въ этомъ словѣ нѣтъ ничего ужаснаго, дядя,—сказалъ онъ, желая успокоить окружающихъ. Старый Мунди говоритъ, что мы вышли изъ канала Солимоеса и попали въ затопленный лѣсъ, вотъ и все.

— Затопленный лѣсъ?

— Да! Всѣ эти кусты, которые вы видите кругомъ, не что иное какъ вершины огромныхъ деревьевъ. Мы теперь сидимъ на вѣтвяхъ сапукайи; это родъ бразильскаго орѣшника, одно изъ самыхъ большихъ деревьевъ на берегу Амазонки. Сейчасъ вы убѣдитесь въ томъ, что я правъ.—Взгляните сюда, вотъ и самые орѣхи!

Онъ ухватился за вѣтку, чтобы сорвать околоплодникъ, но въ это время скорлупа лопнула и орѣхи градомъ посыпались на крышу каюты.

— Это называется «обезьяній горшокъ» сказалъ онъ, указывая на пустой околоплодникъ. Индѣйцы называютъ его такъ потому, что обезьяны очень любятъ орѣхи.

— Но всетаки я не понимаю, что же это такое:—гапо?— прервалъ его дядя. Онъ видѣлъ, что индѣецъ не переставалъ безпокоиться.

— Такъ называютъ индѣйцы очень сильное наводненіе,— спокойно отвѣчалъ Ричардъ.

— Что жъ въ этомъ ужаснаго? Почему Мунди такъ испугался и напугалъ всѣхъ насъ? Чего собственно онъ боится?

— На это я положительно не могу вамъ отвѣтить, дядя.—Я знаю только, что относительно «гапо» разсказываютъ всевозможныя изумительныя исторіи. Говорятъ, что въ немъ живутъ какія то чудовища, огромныя змѣи и гигантскія обезьяны. Я, конечно, не вѣрю въ это, но судя по испуганному виду Мунди, думаю, что индѣйцы принимаютъ всѣ эти сказки за чистѣйшую истину.

— Молодой господинъ ошибается, — сказалъ старый индѣецъ.—Мунди не вѣритъ въ чудовищъ, но онъ вѣритъ въ змѣй и обезьянъ, такъ какъ онъ ихъ видѣлъ собственными глазами.

— Неужели ты ихъ боишься, Мунди? — спросилъ Типпераріи Томъ.

Индѣецъ ничего не отвѣтилъ ирландцу; онъ только презрительно взглянулъ на него.

— Я все таки не понимаю,—сказалъ Треваньовъ,—почему старикъ въ такомъ отчаяніи? Судно, кажется, совершенно цѣло. Высвободить его изъ вѣтокъ. вовсе не трудно, слѣдуетъ только обрубить ихъ.

— Господинъ,—сказалъ серьезно индѣецъ,—положеніе наше далеко не такъ безопасно, какъ вы думаете. Чтобы освободиться отъ вѣтокъ, которыя держатъ судно, достаточно и десяти минутъ. Но намъ понадобятся десять дней, а можетъ быть и десять недѣль, чтобы выбраться изъ гапо. Вотъ почему такъ волнуется Мунди.

— Какъ!—Неужели ты думаешь, что намъ трудно будетъ напасть на прежній путь и снова войти въ стрежень главной рѣки?

— Я увѣренъ въ этомъ, господинъ,—иначе мнѣ нечего было бы бояться.

— Эту ночь ужъ мы не будемъ пробовать сдвинуться съ мѣста,—продолжалъ Треваньовъ.—Луны не будетъ и мы можемъ попасть еще въ большую бѣду. Не такъ ли Мунди?

— Совершенно вѣрно, господинъ.—Лучше подождемъ восхода солнца.

— Пойдемте же спать теперь, — сказалъ Треваньовъ, а завтра рано утромъ всѣ примемся за дѣло.

Необыча[illegible]ніе, извѣстное подъ названіемъ «гапо»

требуетъ болѣе подробнаго описанія; иначе исторія наша будетъ не совсѣмъ понятна читателямъ.

Рѣдко кому не случалось видѣть, какъ все заливается водою, когда рѣка выходитъ изъ береговъ; но это наводненіе продолжается не долго. Вода опять возвращается на свое русло, деревья и луга снова появляются изъ подъ воды.

Совсѣмъ другую картину представляетъ собою потопленный лѣсъ. Это чрезвычайно рѣдкое явленіе. Тутъ ужъ не береговые кусты залиты водою, а огромное безпредѣльное пространство суши, покрытой первобытными лѣсами. Цѣлые мѣсяцы, а иногда даже и годы на поверхности воды виднѣются однѣ только верхушки огромныхъ деревьевъ. Бываютъ и такіе случаи, что лѣсъ остается потопленнымъ на всегда.

Вотъ благодаря какому наводненію появляются такъ называемыя «гапо». Такой потопленный лѣсъ встрѣчается на протяженіи тысячи семисотъ миль вдоль береговъ Солимоеса. Онъ тянется и на сѣверъ и на югъ. Лѣсъ этотъ также неизвѣстенъ, какъ горы и пещеры на лунѣ, или какъ ледовитые океаны, которые дремлютъ у полюсовъ. Это огромное водное пространство, съ массою деревьевъ, далеко не такъ безопасно, какъ кажется. На немъ встрѣчаются водовороты и нерѣдко бываютъ бури и туманы, изъ-за которыхъ судно разбивается о стволъ какого-нибудь гигантскаго дерева и гибнетъ вмѣстѣ съ экипажемъ въ этой мрачной водной пустынѣ.

III.

Было бы неправильно, еслибъ мы сказали, что путешественники наши проснулись съ восходомъ солнца, такъ какъ ни одинъ лучъ дневного свѣтила не озарялъ поверхности воды. Кругомъ стоялъ густой туманъ, сквозь который положительно ничего не было видно. Всѣ поднялись очень рано. Озабоченный судьбою галатеи капитанъ спалъ очень мало.

Въ какой сторонѣ можетъ быть рѣка? Вотъ вопросъ, который путешественники задавали другъ другу.

Однако никто не могъ отвѣтить на это, такъ какъ не было видно ни солнца, ни неба. Впрочемъ еслибы даже они и были видны, то едва ли кто-нибудь съумѣлъ бы указать по нимъ правильный путь.

Исправляющій обязанности лоцмана никакъ не могъ сказать, куда онъ повернулъ, выйдя изъ канала: на сѣверъ,

или на югъ, на востокъ или на западъ. Да этого, вѣроятно, не сказалъ бы и человѣкъ гораздо смышленѣе Типперари Тома. Вдали показались было кустарники, но сейчасъ же снова потонули въ туманѣ. По всей вѣроятности это были верхушки деревьевъ. Вскорѣ путешественники замѣтили, что судно стало тихонько подвигаться впередъ. Убѣдившись въ этомъ, индѣецъ оживился. Онъ перевѣсился за бортъ и опустилъ въ воду руку; но черезъ нѣсколько минутъ онъ вынулъ ее оттуда и лицо его снова омрачилось. Повидимому только что произведенная имъ проба воды дала ему неуспокоительное указаніе.

Онъ долго смотрѣлъ на верхушки деревьевъ, онъ не сводилъ съ нихъ глазъ, пока не убѣдился, что судно удалялось отъ нихъ.

— Олля!—закричалъ онъ, передразнивая Типперари Тома, который не разъ такъ кричалъ.—Олля! Рѣка въ той сторонѣ!

Говоря это, онъ указывалъ на верхушки деревьевъ.

— Ты думаешь, что рѣка въ этомъ направленіи?—сказалъ Треваньовъ, обращаясь къ индѣйцу.

— Мундруку увѣренъ въ этомъ, господинъ. Также увѣренъ, какъ въ томъ, что тамъ наверху небо.

— Смотри, старикъ, чтобъ намъ опять не ошибиться. Мы уже и такъ значительно удалились отъ Солимоеса. Если мы уйдемъ еще дальше, мы погибли.

— Мундруку это знаетъ,—отвѣчалъ индѣецъ.

— Прежде чѣмъ направиться туда, мы должны знать, чѣмъ ты можешь доказать, что рѣка дѣйствительно тамъ?

— Вы знаете, господинъ,—какой теперь мѣсяцъ? Мартъ,—не такъ ли?

— Конечно, мартъ.

— Теперь какъ разъ «echente».

— Что это значитъ?

— Рѣка выходитъ изъ береговъ и разливается; «гапо» становится еще больше; вотъ это и есть «echente».

— Но я всетаки не понимаю, какъ ты узналъ,—гдѣ рѣка?

— Очень просто,—сказалъ индѣецъ.—Черезъ три мѣсяца, въ іюнѣ, начнется vasante!

— А это что такое?

— Вазанте,—это отливъ. Тогда «гапо» начнетъ уменьшаться; вода потечетъ къ рѣкѣ, теперь же она течетъ отъ рѣки.

— Ты разсуждаешь совершенно правильно и я думаю, что мы можемъ руководствоваться твоими соображеніями.—Не будемъ же терять времени, поплывемъ прямо къ тѣмъ деревьямъ.

—Становитесь всѣ на свои мѣста!—Постараемся наверстать то время, которое мы потеряли, благодаря небрежности Типперари Тома.—Гребите хорошенько.—Ну, впередъ!

По командѣ капитана четверо гребцовъ дружно налегли на весла, и судно быстро поплыло впередъ. Черезъ нѣсколько минутъ галатея была уже въ разстояніи полу-кабельтова отъ потонувшихъ деревьевъ.

Но тутъ путешественники увидѣли, что плыть дальше въ прямомъ направленіи было такъ же невозможно, какъ перелетѣть на лодкѣ черезъ деревья, стоявшія на ихъ пути.

Мало того, что вѣтви деревьевъ переплетались между собой, онѣ еще были окутаны различными вьющимися растеніями, которыя представляли собою такую крѣпкую сѣть, что даже пароходъ въ сто лошадиныхъ силъ не могъ бы прорвать ее.

Гребцы работали часъ, и другой, а прохода все еще не было.

Можетъ быть, рѣка дѣйствительно была въ томъ направленіи, какъ указывалъ индѣецъ, но какъ попасть туда?

Между деревьями не было даже просвѣта, куда бы лодка могла направиться. День и безъ того пасмурный, становился еще темнѣе. Наступила ночь. Утомленный продолжительной и безрезультатной работой, экипажъ пересталъ грести. Хозяинъ не препятствовалъ этому. Онъ тоже начиналъ отчаиваться.

Несмотря на то, что были приняты всѣ мѣры предосторожности и судну не угрожала никакая опасность, Мундруку никакъ не могъ успокоиться. Онъ взобрался на мачту и оттуда смотрѣлъ то на верхушки деревьевъ, то на темныя облака.

Солнце цѣлый день не появлялось; вѣроятно, уже было время его заката. Буря какъ будто, только и ждала этого времени. Она тотчасъ же разразилась со страшной силой. Къ урагану примѣшивались какіе то дикіе непонятные крики. Голоса птицъ, животныхъ и гадовъ сливались съ воемъ вѣтра, съ раскатами грома и съ трескомъ вѣтвей. Всѣ находившіеся на суднѣ были объяты ужасомъ. Они боялись, чтобы лодку не оторвало отъ деревьевъ и не унесло въ открытое мѣсто.

Вѣтромъ были подняты громадныя волны. Опасенія ихъ скоро оправдались.

Дерево, къ которому пристала лодка, было не изъ крѣпкихъ. Хрупкія вѣтви его не могли удержать судна и ломались одна за другою. Все это происходило такъ быстро, что экипажъ не успѣлъ опомниться, какъ оборвалась послѣдняя, привязывавшая судно къ дереву, веревка. Точно борзая, сорвавшаяся съ

лодка выскочила изъ-[illegible] понеслась по
мъ.

ипажъ понялъ, что спасаться [illegible] строжай-
соблюденіи равновѣсія. Необходи[illegible] напра-
судно по вѣтру. Однако это было [illegible] какъ
ь дулъ не въ одномъ направленіи. Онъ [illegible]
зныхъ сторонъ и подымалъ волны велич[illegible]
такъ и бросало; то носомъ, то кормой она [illegible]
ну.

конецъ стало свѣтать. Сначала появилась заря,
оказалось и солнышко; но оно не обрадовало нашихъ
твенниковъ, потому что буря продолжалась съ тою же
какъ и ночью. Ихъ вынесло снова на огромную водную
ну. Они не знали, было ли то озеро, или островъ, зали-
дой. Казалось они не были еще въ этой части гапо.

ругъ индѣецъ что то сталъ говорить; обезьяна, гримасни-
передразнивала его.

Что случилось?—Что ты говоришь Мунди?—спрашива-
снизу.

ъ отвѣчалъ только однимъ словомъ:—земля!

Земля! земля!—съ радостью повторяли всѣ.

Можетъ быть это вовсе не берегъ, а только верхушки
евъ такого же потопленнаго лѣса, въ какомъ мы были
—но я ясно вижу на горизонтѣ что-то темное, и вѣтеръ
насъ прямо въ ту сторону.

Слава Богу! — воскликнулъ Треваньовъ. Все будетъ
нашего теперешняго положенія. Если мы опять очутим-
еди деревьевъ, мы по крайнѣй мѣрѣ не утонемъ. Благода-
Бога, дѣти мои!

Русь унесло еще ночью и теперь приходилось подчиняться
который дулъ все съ той же силой и гналъ ихъ прямо къ
полосѣ, замѣченной индѣйцемъ.

то время какъ путешественники радовались, что лодку
въ такое мѣсто, гдѣ они могутъ укрыться отъ бури,
ними вдругъ появилось гигантское дерево. Оно одиноко
въ четверти мили отъ остального лѣса и такимъ обра-
ыло гораздо ближе къ лодкѣ, которая все еще билась съ
и. Несмотря на наводненіе стволъ его поднимался по-
мѣрѣ на десять футовъ надъ уровнемъ воды; какъ разъ

рыхъ каждая имѣла видъ цѣлаго дерева. Хотя это развѣтленіе и было надъ водою, но волны то и дѣло захлестывали его.

Судно неслось прямо на это дерево, какъ будто сама судьба направляла его туда. Вдругъ волна подбросила его и посадила какъ разъ на гигантское дерево такимъ образомъ, что киль его застрялъ между двумя огромными, вилообразными вѣтвями.

— Слава Богу!—вскричалъ судовладѣлецъ, теперь мы спасены. Благодаря Бога мы теперь на якорѣ!

Казалось Треваньовъ имѣлъ полное основаніе такъ думать. Гигантскіе стволы орѣшника, возвышавшіеся по обѣ стороны лодки между концами ея скамеекъ походили на подпорки, какія ставятся подъ судами въ докахъ.

Каждый старался какъ можно лучше выполнить приказаніе судовладѣльца. По его командѣ, нѣсколько еще дрожащихъ рукъ ухватились за веревку, чтобы хорошенько привязать лодку къ дереву.

Но вдругъ раздался страшный трескъ, и галатея разломилась на-двое.

Это произошло вслѣдствіе того, что киль надломился въ то время, когда волна, поднявшая лодку, снова отхлынула.

Нѣсколько секундъ обѣ части судна висѣли надъ водой; носовая часть со всѣми снастями находилась въ полномъ равновѣсіи съ кормой, на которой была устроена каюта.

Только благодаря тѣмъ, кто умѣлъ плавать, весь экипажъ былъ спасенъ и взобрался на дерево; оттуда они видѣли, какъ гибло судно, на которомъ они такъ долго путешествовали. Скоро обѣ части его скрылись въ волнахъ.

Трудно себѣ представить, въ какомъ ужасномъ положеніи очутились наши путешественники. Достаточно было одного сильнаго порыва вѣтра, чтобы лишить ихъ пристанища. Вѣтви скрипѣли подъ ними и такъ сильно наклонялись, что казалось, вотъ, вотъ онѣ обломятся. Несчастные судорожно цѣплялись за нихъ. То и дѣло отъ дерева отрывались вѣтки,обремененныя тяжелыми плодами и пролетали надъ сидѣвшими внизу, грозя разбить имъ головы.

Такое несчастье какъ разъ постигло Мозея,—мозамбикскаго негра; хорошо еще, что тяжесть упала на его голову,—другой черепъ раскололся бы отъ такого удар. Негръ от[illegible] лишь сильнымъ испугомъ, проявившимся въ дикомъ [illegible]

о томъ, чтобы какъ можно дольше удержать за собою ту небезопасную позицію, которую назначила ему судьба. Но вдругъ всеобщее настроеніе измѣнилось. Читателямъ вѣроятно извѣстно, что бури или ураганы подъ тропиками прекращаются также неожиданно, какъ и начинаются.

Очень скоро послѣ того, какъ Мозея ударило по головѣ, буря вдругъ стихла. Былъ уже полдень и солнце сіяло на безоблачномъ голубомъ небѣ, освѣщая почти гладкую поверхность воды. Такая перемѣна въ природѣ подбодрила и нашихъ несчастныхъ путешественниковъ. Не опасаясь болѣе за настоящее, они стали думать о будущемъ; прежде всего необходимо было найти болѣе удобное мѣсто, чѣмъ то, которое каждый изъ нихъ занималъ поневолѣ.

Кругомъ была вода; въ одномъ только мѣстѣ виднѣлась какъ бы лѣсная чаща. Это былъ вѣроятно такой-же потопленный лѣсъ, какъ тотъ, въ которомъ они наканунѣ думали укрыться отъ бури.

Какъ только волненіе утихло, взоры всѣхъ обратились въ эту сторону. Однако туда было не легко попасть. Несмотря на то, что этотъ зеленѣющій полуостровъ (какъ можно было назвать его по виду) былъ всего лишь въ четверти мили отъ орѣшника, только двое могли доплыть до него: Мундруку и Ричардъ Треваньовъ.

Это затрудненіе пришлось обсуждать цѣлый часъ.

Еслибъ у нихъ подъ руками былъ матеріалъ для постройки какой нибудь лодки, имъ не пришлось бы долго думать. Но вѣтви орѣшника были слишкомъ тяжелы для плаванья. Пришлось отказаться отъ этой мысли.

Однако, между деревьями, къ которымъ они стремились, можно было вѣдь найти болѣе подходящій матеріалъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ слѣдовало ознакомиться съ лѣсомъ, а такъ какъ плыть туда могли только Ричардъ и индѣецъ, то они, не долго думая, и бросились въ воду. Оставшіеся на деревѣ смотрѣли вслѣдъ своимъ товарищамъ до тѣхъ поръ, пока они не скрылись въ лѣсу. Всѣ были грустно настроены. Настоящее [illegible]станище ихъ могло быть только временнымъ, и еслибъ даже [illegible]лось добраться до тѣхъ деревьевъ, они опять будутъ [illegible] надъ водой.

[illegible] почти цѣлаго часа никто не сказалъ ни слова. [illegible]а обезьяны своимъ крикомъ изрѣдка нарушали [illegible]ю на деревѣ. На погибшей галатеѣ было пять,

шесть такихъ животныхъ, но двоимъ только удалось спастись:— маленькой уистити и большой обезьянѣ изъ породы atele, называемой черной каойтой. Остальныя погибли вмѣстѣ съ судномъ.

Кромѣ обезьянъ, на галатеѣ была еще цѣлая коллекція рѣдкихъ и очень красивыхъ птицъ, пріобрѣтенныхъ у индѣйцевъ въ верховьяхъ Амозонки за большія деньги. Тѣ изъ нихъ, которыя сидѣли въ клѣткахъ, погибли въ волнахъ, другихъ-же унесло съ дерева; изъ всѣхъ птицъ, какъ и изъ четвероногихъ, уцѣлѣло тоже только двѣ: великолѣпный попугай пурпуроваго цвѣта, такъ называемый «индѣйскій арарунa» (macrocerbus hyacinthius), и маленькій попугайчикъ, который вмѣстѣ съ уистити, пользовался особеннымъ расположеніемъ Розиты.

Уже часъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ пловцы отправились въ путь, а они и не думали возвращаться. Спутники ихъ, оставшіеся на деревѣ, съ безпкойствомъ поглядывали въ ту сторону, куда они направились. Не разъ имъ слышались голоса уплывшихъ, но они не могли ясно различить ихъ въ цѣломъ хорѣ какихъ то непонятныхъ и таинственныхъ звуковъ.

Прошло еще два часа, и всѣ стали терять надежду на возвращеніе Ричарда и индѣйца.

Пора бы уже было осмотрѣть лѣсъ. Почему же они не возвращались? Сначала доносились ихъ голоса, и казалось, это были крики ужаса. Теперь же ничего не было слышно. Ужъ не погибли ли они?

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи!

IV.

Какое бы ни было душевное состояніе человѣка, но физическія ощущенія, какъ голодъ и жажда, всегда напомнятъ ему о себѣ. Вскорѣ несчастные путешественники убѣдились въ этомъ и поспѣшили подкрѣпиться плодами орѣшника. По просьбѣ отца Ральфъ полѣзъ дальше на дерево; орѣхи висѣли преимущественно на концахъ вѣтвей, какъ это обыкновенно бываетъ въ Южной Америкѣ.

Юноша былъ ловокъ и смѣлъ, и въ одинъ моментъ очутился на верхушкѣ дерева. Попугай усѣвшись ему на голову, поднимался вмѣстѣ съ нимъ.

Вдругъ птица начала пронзительно кричать и метаться вокругъ дерева, какъ будто она увидѣла что то ужасное. Юноша поглядѣлъ во всѣ стороны, но не замѣтилъ ничего такого, что могло бы ему объяснить тревогу его спутн

Маленькій попугай сталъ вторить крикамъ араруны, между тѣмъ какъ обезьяны, дрожа отъ страха, прижались другъ къ другу. Видя, что птицы вертятся все на одномъ мѣстѣ, юноша сталъ внимательно разсматривать эту часть дерева. Онъ понялъ, наконецъ, что напугало птицъ; отъ такого зрѣлища могъ придти въ ужасъ даже и человѣкъ. На ліанѣ, тянувшейся отъ одной вѣтки къ другой, спала змѣя. Она была свѣтло-коричневаго цвѣта, почти такого же какъ и самая ліана, и еслибы не ея блестящая кожа, да красивые изгибы тѣла, то ее смѣло можно было бы принять за такой-же стволъ растенія, на которомъ она лежала.

Вдругъ голова ея задвигалась на длинной, вытянутой шеѣ; казалось, она хотѣла поймать птицу, которая летала вокругъ нея. Ральфъ не очень испугался. Ему не разъ приходилось видѣть змѣй и побольше этой. Первой его мысью было прогнать птицъ и такимъ образомъ спасти ихъ отъ страшнаго гада. Однако вмѣсто того, чтобы скорѣе улетѣть отъ своего врага, онѣ готовы были броситься на него. Чудовище все болѣе вытягивало шею и открывало пасть.

Маленькій попугай подлеталъ почти къ самому языку змѣи или же садился на ліану, вокругъ которой она обвивалась.

Ральфъ хотѣлъ взобраться еще выше, чтобы поймать попугайчика и унесли его оттуда, какъ вдругъ внизу раздался страшный крикъ. Онъ вырвался изъ груди Мозея, мозамбикскаго негра.

— Умоляю васъ, Ральфъ,—кричалъ негръ,—не дѣлайте этого! Мистеръ Ральфъ,—не поднимайтесь!—Вы не знаете этой змѣи! Вѣдь это ярарака!

— Ярарака?—машинально повторилъ юноша.

— Да! да!—самая ядовитая изъ всѣхъ змѣй въ Америкѣ. Умоляю васъ,—спускайтесь скорѣй оттуда.

Всѣ прислушивались къ разговору негра съ Ральфомъ. Треваньовъ и Типперари Томъ полѣзли на верхъ. Розита одна осталась на прежнемъ мѣстѣ.

Увидѣвъ змѣю, Треваньовъ понялъ, что негръ говорилъ правду; она была опаснѣе даже ягуара.

Одинъ видъ ея внушалъ ужасъ; трехугольная голова соединялась съ тѣломъ длинной, тонкой шеей. Глаза блестѣли, изо рта то и дѣло высовывался красный языкъ, что придавало ей еще болѣе отвратительный видъ. Однако, она была не очень велика [illegible] достигала даже и шести футовъ.

Никто не зналъ что дѣлать. Оружія никакого не было, оно все пошло ко дну. Ральфъ понялъ опасность своего положенія и сталъ спускаться.

До сихъ поръ змѣя только вытягивала шею и поворачивала голову въ разныя стороны; тѣло же ея оставалась неподвижнымъ. Но вотъ она вытянулась и не спѣша стала спускаться съ ліаны.

— Боже мой, чудовище ползетъ внизъ!—закричалъ вдругъ Треваньовъ.

Змѣя дѣйствительно сползла съ ліаны и направлялась по вѣткѣ прямо къ стволу.

Всѣ бросились въ сторону по горизонтальной вѣткѣ.

— О, Боже! Дитя мое погибло!—вскричалъ Треваньовъ.

Услышавъ взволнованные голоса друзей, молодая дѣвушка встала. Положеніе ея было чрезвычайно опасно. Змѣя ползла уже по вѣткѣ, ведущей къ стволу, къ которому прижалась Розита; чудовище не могло спуститься внизъ, не замѣтивъ молодой дѣвушки. Оно было уже въ десяти футахъ надъ ея головой. Треваньовъ намѣревался спуститься, чтобы защитить своего ребенка, но Мозей удержалъ его.

— Это безполезно,—сказалъ онъ ему,—теперь ужъ слишкомъ поздно. Прыгайте въ воду скорѣй, Розита! Старый Мозей не дастъ вамъ утонуть!

Чтобы подбодрить дѣвушку своимъ примѣромъ, онъ первый бросился въ воду.

Розита была не изъ трусливыхъ и, не долго думая, послѣдовала совѣту негра. Лишь только она упала въ воду негръ тотчасъ же схватилъ ее.

Благородный поступокъ Мозея привелъ въ восхищеніе его товарищей; они тѣмъ болѣе оцѣнили его самоотверженность, что онъ далеко не былъ хорошимъ пловцомъ.

Благодаря этому послѣднему обстоятельству, всѣ сильно боялись за Розиту. А вдругъ она утонетъ, да и спасетъ ли ее еще вода отъ чудовища? Ярарака, какъ животное земноводное прекрасно чувствуетъ себя въ водѣ; она можетъ броситься туда вслѣдъ за ними.

Тамъ ужъ, конечно, всѣ шансы будутъ на ея сторонѣ; она плаваетъ, какъ рыба, а Мозей съ трудомъ держится на водѣ съ своей ношей.

Треваньовъ пережилъ ужасныя минуты.

— Боже мой!—вскричалъ онъ.—Какъ же намъ избавиться отъ этого чудавища?

— Есть еще одно средство,—сказалъ Мозей, вдругъ осѣненный мыслью.—Надо постараться во что бы то ни стало отдѣлить ліану отъ дерева, а потомъ мы хорошенько встряхнемъ ее и чудовище полетитъ въ воду.

Говоря это, негръ ухватился за паразитъ, по которому ползла къ нимъ змѣя и изо всѣхъ силъ старался оттянуть его отъ дерева; остальные помогали ему. Вдругъ ліана оборвалась, и змѣя, уцѣпившись за нее, повисла въ воздухѣ. Немного покачавшись, она полетѣла въ воду.

Всѣ вскрикнули отъ радости; однако ликованье ихъ продолжалось не долго, такъ какъ ярарака снова поплыла къ нимъ. Но вотъ она повернула и направилась какъ разъ въ ту сторону куда поплылъ Ричардъ съ индѣйцемъ.

По мѣрѣ того, какъ сидѣвшіе на деревѣ успокоивались, они все болѣе и болѣе ощущали голодъ. Ральфъ снова полѣзъ на дерево. Скоро онъ собралъ съ дюжину орѣховъ и побросалъ ихъ внизъ своимъ спутникамъ. Въ пустую скорлупу набрали воды и такимъ образомъ утолили не только голодъ, но и жажду.

Теперь оставалось только терпѣливо ожидать возвращенія пловцовъ. Всѣ смотрѣли въ ту сторону, гдѣ они скрылись и сердца ихъ были полны страхомъ за нихъ и надеждой на ихъ возвращеніе.

V.

Послѣдуемъ теперь за пловцами, посланными товарищами на развѣдки.

Долгое плаваніе очень утомило ихъ и имъ очень хотѣлось бы скорѣе отдохнуть на первомъ попавшемся деревѣ. Имъ не трудно было опредѣлить характеръ той мѣстности, въ которой они находились.

— Гапо!—то и дѣло повторялъ индѣецъ, подплывая подъ деревья.

— Здѣсь нѣтъ суши, господинъ, сказалъ онъ, хватаясь за ліану,—и намъ придется возвратиться на вѣтку, чтобы отдохнуть. Тутъ по крайней мѣрѣ десять сажень глубины; Мундруку это видитъ по деревьямъ.

— Я ничего другого и не ожидалъ,—отвѣчалъ молодой Треваньовъ, усаживаясь на вѣтку, по примѣру своего спутника.—Я только думалъ, что мы найдемъ здѣсь какое либо пла-

вающее дерево, на которомъ бы наши спутники могли перебраться сюда, хотя здѣсь тоже не лучше; а вотъ какъ мы отсюда выберемся, этого, кажется, не знаю ни я, ни ты.—Не правда ли Мунди?

— Мундруку никогда не отчаивается, даже въ томъ случаѣ, когда онъ попадетъ въ гапо,—съ гордостью отвѣтилъ индѣецъ.

— Ты думаешь, что мы выберемся отсюда?—Что же, ты разсчитываешь найти здѣсь матеріалъ для постройки другого судна?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ индѣецъ,—я вовсе не думаю этого; мы слишкомъ далеко теперь отъ главной рѣки. Ничего подходящаго для постройки лодки мы здѣсь не найдемъ.

— Такъ зачѣмъ же мы плыли сюда?

— Еслибы мы вздумали искать здѣсь матеріалъ, то, конечно, намъ незачѣмъ было плыть. Но намъ и безъ лодки удастся переправить всѣхъ сюда.—Слѣдуйте только за мною, молодой господинъ. Намъ нужно забраться въ глубь лѣса; старый Мунди покажетъ вамъ, какъ можно безъ лодки перебраться сюда.

— Какъ же это?—воскликнулъ юноша. Я охотно помогъ бы тебѣ, но я представить себѣ не могу, что ты хочешь дѣлать.

— А вотъ вы увидите сейчасъ,—сказалъ Мундруку, снова пускаясь вплавь,—плывите за мной! Если я не ошибаюсь, мы скоро найдемъ то, что замѣнитъ намъ лодку. Плывемъ сюда!

Мундруку говорилъ что то еще, но за плескомъ воды словъ его не было слышно.

Они плыли подъ такимъ густымъ сводомъ перепутавшихся вѣтокъ, что тамъ было почти совсѣмъ темно. Индѣецъ плылъ переди, юноша слѣдовалъ за нимъ.

Вдругъ индѣецъ радостно вскрикнулъ и, указывая на одно изъ деревьевъ сказалъ:—вотъ какъ разъ то дерево, которое я ищу. Ого! да оно вдобавокъ покрыто «сипосами»,—это намъ очень кстати; и смола и веревки все къ нашимъ услугамъ. Великій Духъ покровительствуетъ намъ, господинъ!

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Ричардъ. Я вижу дерево, покрытое сипосами, какъ ты называешь. Но какой же въ немъ толкъ, когда оно зеленое, сочное и совершенно непригодное для постройки судна? Веревки могутъ намъ пригодиться, но дерево совсѣмъ ничего не стоитъ; даже еслибы у насъ были топоры какъ мы и тогда бы изъ него ничего не сдѣлали.

— Мундруку не нужно ни топоровъ, ни этого дерева; ему

только нуженъ древесный сокъ изъ нѣсколькихъ сипосовъ, которые повисли тутъ на вѣткахъ, а остальное мы найдемъ, когда вернемся къ орѣшнику.

— Сокъ этого дерева!—Но зачѣмъ?

— Взгляните повнимательнѣе, господинъ,—развѣ вы не знаете этого дерева?

Юноша сталъ присматриваться къ дереву, но оно было такъ обвито различными вьющимися растеніями, что отличить его листья отъ листьевъ паразитовъ было чрезвычайно трудно. Но вотъ наконецъ онъ нашелъ его листья и сразу узналъ, что это за дерево. Оно было извѣстно не только въ Парѣ, гдѣ онъ родился, но и по всей Амазонкѣ.

— Конечно, я его знаю,—отвѣчалъ онъ индѣйцу, это серинга,—каучуковое дерево. Но зачѣмъ оно тебѣ?—Неужели ты хочешь сдѣлать лодку изъ каучука?

— А вотъ увидите, молодой господинъ.

Во время этого разговора Мундруку взбирался на дерево, прося своего господина слѣдовать за нимъ. Уцѣпившись за ліану, юноша вылѣзъ изъ воды и усѣлся на ближайшую вѣтку.

Дерево, на которомъ находились наши пловцы, называлось siphonia elastica и принадлежало къ семейству молочайныхъ растеній. Такихъ каучуковыхъ деревьевъ очень много въ долинѣ рѣки Амазонки.

Не успѣлъ Ричардъ усѣсться на вѣтку, какъ вдругъ сверху раздался крикъ.

— Что случилось, Мунди?—спросилъ юноша, поднявъ голову.

— Я нашелъ что то очень вкусное, господинъ.

— Очень пріятно это слышать, такъ какъ я ужасно хочу ѣсть. Признаться, орѣхи не очень то сытны. Я бы съ удовольствіемъ съѣлъ еще мяса, или рыбы.

— Ну, это ни то, ни другое,—возразилъ Мундруку, хотя тоже очень вкусно. Это дичь!

— Дичь! Какая?

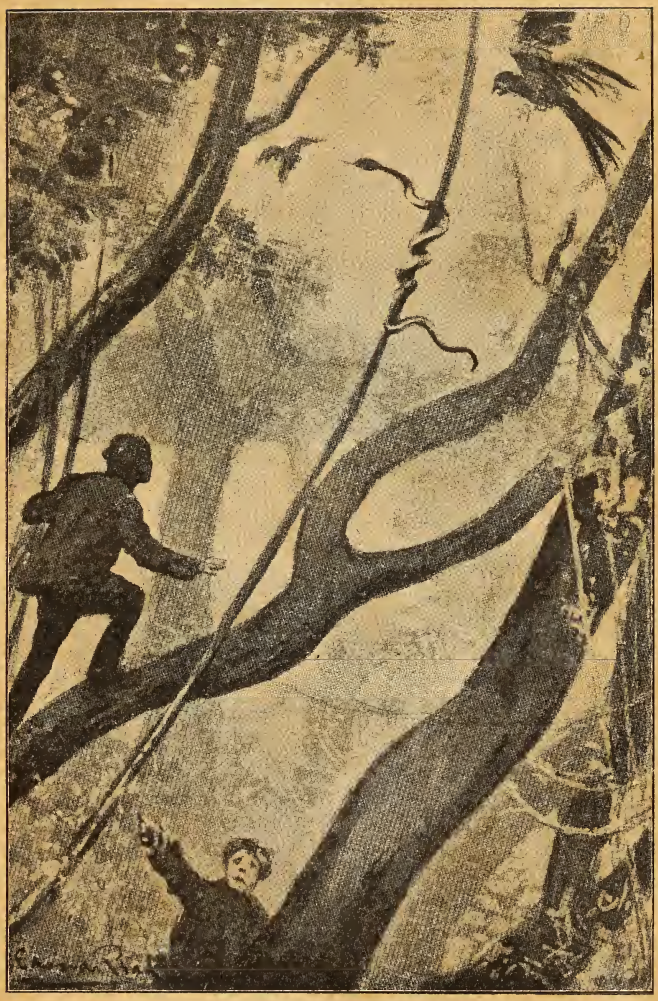
— Арара.

— А, изъ породы попугаевъ! Но гдѣ же онъ? Ты поймалъ его уже?

— Сейчасъ поймаю!—отвѣчалъ индѣецъ, и запустивъ руку въ дупло дерева, онъ вытащилъ оттуда еще не совсѣмъ оперившуюся птицу, величиной почти съ цыпленка.

— А! Тутъ цѣлое гнѣздо! И какіе жирные! Отлично, Мунди!

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи.



Индѣецъ и юноша взбирались на дерево.

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

Мы заберемъ ихъ всѣхъ съ собою. Наши друзья, вѣроятно, также голодны, какъ и мы, и очень обрадуются этой добычѣ.

Лишь только индѣецъ вытащилъ попугая, какъ этотъ послѣдній поднялъ страшный крикъ.

Къ нему присоединился его товарищъ, и вскорѣ можно было разобрать уже голосовъ двадцать, что ясно доказывало, что въ томъ деревѣ было еще нѣсколько гнѣздъ.

— Тутъ цѣлый зоологическій садъ! — сказалъ Ричардъ, смѣясь.—Намъ хватитъ этихъ птицъ на недѣлю.

Не успѣлъ онъ окончить этихъ словъ, какъ вдругъ послышался страшный шумъ. Это была какая-то смѣсь различныхъ звуковъ: нѣчто въ родѣ кудахтанья и человѣческихъ криковъ ужаса. Точно происходила ссора между паяцами.

Звуки эти сначала доносились издалека; но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ они стали раздаваться надъ самой головой Мундруку. Цѣлая стая большихъ птицъ своими крыльями почти закрывала его отъ солнца. Птицы безпокойно метались надъ индѣйцемъ. Это были, вѣроятно, родители птенцовъ, оставшихся въ гнѣздахъ; должно быть они улетали за кормомъ для своихъ малютокъ. Какъ индѣйцу, такъ и Ричарду и въ голову не приходило, что положеніе ихъ становится опаснымъ.

Однако скоро имъ пришлось въ этомъ убѣдиться. Какъ только птицы опустились на дерево, они тотчасъ набросились на непрошенныхъ гостей и стали бить ихъ крыльями, клевать и царапать когтями.

Сначала они напали на индѣйца. Въ то время какъ онъ защищался отъ нихъ, птенецъ выскочилъ у него изъ рукъ и улетѣлъ прямо въ воду. Его родители, вмѣстѣ съ своими друзьями, бросились его спасать. Тутъ они замѣтили, что немного ниже индѣйца, есть еще одинъ врагъ и тотчасъ же напали на него.

Хотя индѣйцу приходилось бороться съ большимъ количествомъ птицъ, нежели Ричарду, но этому послѣднему было очень трудно справиться и съ тѣми немногими, которыя на него нападали, такъ какъ у него не было никакого оружія и онъ былъ почти раздѣтъ.

У Мундруку былъ короткій ножъ, но для борьбы съ такимъ большимъ количествомъ враговъ, этого оружія было слишкомъ мало. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ тѣло обоихъ покрылось ранами.

Не дожидаясь своего спутника, Ричардъ бросился въ воду. Упустивъ врага, птицы поднялись къ индѣйцу и стали съ

большею яростью набросились на него. Мундруку послѣдовалъ примѣру юноши и скоро догналъ его. Молча плыли они рядомъ, оставляя за собою кровавый слѣдъ; такъ сильно они были изранены.

Птицы не стали преслѣдовать своихъ враговъ, а потому наши пловцы рѣшили остановиться недалеко отъ каучуковаго дерева. Добившись того, что враги покинули ихъ жилище, птицы занялись водвореніемъ порядка въ своихъ гнѣздахъ. Скоро онѣ всѣ успокоились, и путешественникамъ нечего было опасаться новаго ихъ нападенія.

Но вотъ индѣецъ остановился и сталъ осматриваться. Онъ что то задумалъ и сталъ уговаривать своего спутника вернуться къ каучуковому дереву.

— Зачѣмъ?—спросилъ Ричардъ.

— Вопервыхъ, за тѣмъ, зачѣмъ мы уже разъ взобрались на него, а вовторыхъ, за тѣмъ, чтобы отомстить,—сказалъ онъ, сверкая глазами. Мундруку не долженъ прощать своихъ ранъ даже птицамъ.—Я не уйду изъ лѣса, пока не убью, или не выгоню съ дерева послѣдняго птенца.

— Какъ же ты думаешь сдѣлать это?

— А вотъ поплывемъ, и вы увидите.

Съ этими словами индѣецъ направился къ группѣ деревьевъ. Они взобрались на дерево, походившее на гигантскую мимозу.

— Это намъ пригодится,—сказалъ индѣецъ, подрѣзая ножемъ одну изъ вѣтокъ; затѣмъ онъ сдѣлалъ изъ нея двѣ палки, длиною около двухъ футовъ. Оструга въ хорошенько обѣ палки, онъ сказалъ: — теперь у насъ есть оружіе и мы можемъ надѣяться одержать побѣду надъ попугаями.

Они спустились съ дерева и опять поплыли къ серингѣ.

Поднявшись къ гнѣздамъ, они снова стали бороться съ птицами, на этотъ разъ уже съ большимъ успѣхомъ. Птицы падали подъ ударами палокъ, или же, испугавшись, улетали въ глубь лѣса.

Мундруку въ точности исполнилъ свою угрозу: онъ не оставилъ на деревѣ ни одной птицы. Убивая ихъ одну за другой, онъ связывалъ ихъ за лапки и складывалъ въ дупло.

— Пусть онѣ полежатъ здѣсь пока; мы скоро вернемся.— Ну, а теперь за дѣло!

Ричардъ не зналъ, что индѣецъ собирался предпринять и съ любопытствомъ смотрѣлъ на него.

Бросивъ палку, которой было убито столько птицъ, онъ снова взялся за ножъ.

Не теряя времени, онъ воткнулъ его въ кору каучуковаго дерева и сдѣлалъ глубокій надрѣзъ, изъ котораго тотчасъ же потекъ густой сокъ. Надобно было скорѣе собирать его. Для этого Мундруку захватилъ съ орѣшника пару обезьяньихъ горшковъ. Одинъ изъ нихъ онъ далъ Ричарду, прося его держать скорлупу у самого отверстія; самъ же принялся дѣлать второй надрѣзъ.

Скоро обѣ скорлупы наполнились густымъ и липкимъ веществомъ, походившимъ на хорошія сливки. Затѣмъ скорлупу закрыли, и перевязали сипосами; этихъ льянъ, очень похожихъ на веревки, они забрали съ собою большое количество.

Когда все было сдѣлано, Мундруку объявилъ, что теперь пора возвратиться къ ожидавшимъ ихъ товарищамъ. Раздѣливъ между собою ношу, они снова бросились въ воду. Минутъ черезъ десять они выплыли изъ подъ свода на освѣщенную солнцемъ лагуну и почувствовали себя такъ, какъ будто только что вышли изъ подземелья.

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи.

VI

Ричардъ очень обрадовался, что они снова выбрались на свѣтъ Божій. Вдругъ спутникъ его задрожалъ, поднялъ голову надъ водой и вскрикнулъ.

Юноша тоже приподнялся надъ водой и сталъ смотрѣть въ ту сторону, куда были обращены взоры индѣйца.

— Чудовище!—закричалъ Мундруку.

— Чудовище? Какое? Гдѣ?

— Тамъ дальше, за деревьями; тѣло его наполовину прикрыто вѣтвями.

Ричардъ посмотрѣлъ въ сторону, указанную индѣйцемъ.

— Я вижу что-то въ родѣ плавающаго дерева.—Это и ес[ть] чудовище, Мунди?

— Это не дерево, а тѣло гада, который можетъ проглоти[ть] насъ обоихъ. Онъ называется жакаранассу.—Развѣ вы [не] слыхали какъ онъ бросился въ воду?

— Нѣтъ.

— Смотрите, смотрите, вотъ онъ плыветъ къ намъ.

Темный предметъ, который юноша принялъ за сухое [дре]рево, дѣйствительно, приближался къ нимъ. Позади животна[го]

оставался слѣдъ и слышно было какъ оно ударяло хвостомъ по водѣ.

— Жакаранассу!—повторилъ индѣецъ и объяснилъ, что такъ называется особый родъ огромныхъ амазонскихъ крокодиловъ.

Этотъ былъ какъ разъ одинъ изъ самыхъ большихъ; туловище его протягивалось по водѣ на цѣлые семь ярдовъ. Пасть, которую онъ безпрестанно открывалъ въ видѣ угрозы, или просто, чтобы подышать, смѣло могла вмѣстить нашихъ пловцовъ.

Въ водѣ имъ не было спасенья отъ такого врага; не могли же они плыть быстрѣе огромнаго каймана.

— Скорѣе на дерево!—закричалъ индѣецъ, убѣдившись въ томъ, что чудовище преслѣдуетъ ихъ.

Сдѣлавъ нѣсколько сильныхъ взмаховъ руками, Мундруку очутился подъ деревьями. Юноша скоро догналъ его.

— Да защититъ васъ Великій Духъ!—сказалъ индѣецъ, взбираясь на дерево.—Я вижу по глазамъ чудовища, что оно хочетъ насъ съѣсть!

Животное, которое они разсматривали сверху, было дѣйствительно необычайныхъ размѣровъ; глаза его имѣли какое то особенное хищное выраженіе.

Трудно себѣ представить существо, отвратительнѣе того, которое подкарауливало нашихъ пловцовъ. Въ природѣ нѣтъ ничего противнѣе крокодила и змѣи. Эта послѣдняя, впрочемъ, хотя и страшна, но блескъ кожи ея и гибкость туловища иногда ласкаетъ глазъ, тогда какъ ящеричныя животныя, тѣло которыхъ нѣсколько напоминаетъ собою человѣческое, особенно противны. Крокодилъ не только гадокъ по внѣшнему виду, но и по своимъ нравамъ.

Взобравшись на дерево наши путешественники успокоились; крокодилъ не могъ достать ихъ оттуда, слѣдовательно, они были въ полной безопасности. Больше всего ихъ огорчало то, что они не могли вернуться къ товарищамъ, которые, вѣроятно, съ нетерпѣніемъ ждали ихъ. Они хотѣли было закричать имъ, что они тутъ, но потомъ рѣшили, что это ни къ чему не приведетъ. Вся надежда ихъ была на то, что чудовище, потерявъ ихъ изъ виду, удалится.

Однако Мундруку далеко не былъ въ этомъ увѣренъ. [illegible] не предвѣщалъ ничего хорошаго.

[illegible] одкарауливаетъ онъ насъ?—спро-
[illegible]

— Я думаю, что да.—Онъ можетъ караулить насъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, даже до заката солнца.

— Это было бы очень печально. Что то наши тамъ подумаютъ?—Какъ-же намъ быть?

— Надо только терпѣливо ждать, чтобъ онъ ушелъ.—Больше намъ ничего не остается, господинъ.

— Но это невыносимо, быть въ такомъ осадномъ положеніи—воскликнулъ юноша.—Мы всего лишь въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ нашихъ друзей, а между тѣмъ мы не можемъ къ нимъ плыть!

— Ахъ, чортъ бы его побралъ!—Онъ насъ видѣлъ и теперь будетъ поджидать насъ.

— Неужели же у него хватитъ на это ума?

— Конечно!—Эти гады иногда цѣлыми недѣлями караулятъ свою добычу.—Я увѣренъ, что теперь онъ только и думаетъ какъ бы полакомиться нами.

Прошелъ часъ, прошелъ и другой, а путешественники наши оставались все въ томъ же грустномъ положеніи.

— Что бы намъ придумать?—шепталъ Ричардъ индѣйцу, терпѣніе котораго тоже истощалось

— Попробуемъ перебраться на ту сторону лѣса по верхушкамъ деревьевъ.—Если намъ удастся скрыться отъ него,—мы спасены. Досадно, что мнѣ раньше это не пришло въ голову. Пора ужъ мнѣ знать, что кайманъ можетъ ждать безъ конца свою жертву.—Смотрите, что я буду дѣлать и поступайте такъ же.

— Отлично, Мунди!—промолвилъ юноша, я постараюсь подражать тебѣ.

Мысль индѣйца можетъ показаться невѣроятной, но тому, кто хоть десять минутъ провелъ въ лѣсахъ Южной Америки, она будетъ вполнѣ понятна. Во многихъ мѣстахъ такое путешествіе даже не представляетъ большого труда. На Амазонкѣ есть такіе участки лѣса, гдѣ деревья, переплетаясь между собою, образуютъ почти сплошную стѣну. Цѣлая сѣть изъ паразитовъ соединяетъ одни деревья съ другими.

Среди этой роскошной растительности живетъ множество птицъ, животныхъ и насѣкомыхъ, которыхъ на сушѣ встрѣтить нельзя. Итакъ, путешествіе индѣйца и [illegible] по вершинамъ деревьевъ не представляло [illegible] труда. Оно было [illegible] безопаснѣе, чѣмъ на [illegible] съ дерева не

ПОЖАЛУЙСТА

влекло за собою никакого увѣчья; путешественники рисковали лишь окунуться въ воду и потерять немного времени.

Мундруку храбро двинулся впередъ, еще разъ высказавъ сожалѣніе о томъ, что не сдѣлалъ этого раньше. Конечно, они подвигались не очень быстро. Все зависѣло отъ породы деревьевъ и паразитовъ. На ихъ счастіе, растительность въ этомъ мѣстѣ была самая подходящая для подобнаго путешествія. Посмотрѣвъ сквозь зелень на предстоящій имъ путь, Мундруку рѣшилъ, что перебраться на ту сторону вовсе не такъ ужъ трудно. Онъ съ увѣренностью подвигался впередъ, и товарищъ его молча слѣдовалъ за нимъ. Индѣецъ вполнѣ допускалъ, что аллигаторъ не отстанетъ отъ нихъ, и будетъ за ними плыть. Путешествіе ихъ было чрезвычайно утомительно; мѣстами они должны были всей тяжестью держаться на рукахъ и, раскачавшись, перебрасываться съ одного дерева на другое. Не разъ имъ приходилось дѣлать крюкъ, брать далеко въ сторону, благодаря тому, что чаща мѣстами была совершенно непроходима, или же на пути ихъ вдругъ попадалось нѣчто въ родѣ озера. Однако имъ нужно было пройти всего лишь около двухсотъ ярдовъ. Путешествіе ихъ продолжалось около двухъ часовъ; вдругъ они увидѣли передъ собою широкое водное пространство и забыли всю усталость. Глазамъ ихъ представилось очень пріятное зрѣлище: друзья ихъ сидѣли на освѣщенной солнцемъ сапукайѣ.

Точно желая убѣдиться въ томъ, что они всѣ цѣлы, Ричардъ глазами пересчиталъ ихъ. Граціозная фигура Розиты особенно приковывала къ себѣ его вниманіе.

Чтобы показать, что они тутъ, близко, онъ хотѣлъ закричать, но индѣецъ знакомъ остановилъ его.

— Отчего нельзя, Мунди?

— Прошу васъ, не говорите ни слова. Мы вѣдь еще въ лѣсу.—Кайманъ можетъ услышать насъ.

— Но вѣдь крокодилъ остался тамъ, около каучуковаго дерева?

— Да, онъ былъ тамъ.—Но мы не знаемъ, гдѣ онъ теперь.—Можетъ быть онъ тутъ гдѣ-нибудь поджидаетъ насъ.

Разговаривая такимъ образомъ, они оглядывались по сторонамъ.

Кругомъ ничего не было видно. Подъ деревьями было тихо. Вода блестѣла какъ зеркало.

— Мы, кажется, славно обманули его.—Что ты скажешь, дружище?

— Какъ будто такъ,—отвѣчалъ индѣецъ. Мундруку ничего не слышитъ, ни единаго звука. Вѣроятно, чудовище осталось тамъ, подъ деревомъ.

— Чего же мы тутъ будемъ ждать?—Мы и такъ потеряли уже нѣсколько часовъ.—Я думаю, что дядя и всѣ другіе страшно безпокоятся за насъ. Хотя мы ихъ и видимъ, но мнѣ кажется, что они не замѣчаютъ насъ; иначе они насъ окликнули бы.

Выждавъ еще минутъ двадцать индѣецъ сказалъ:—я думаю, теперь мы можемъ плыть. Юноша только и ждалъ этого. Онъ тотчасъ же бросился въ воду. Мундруку послѣдовалъ за нимъ.

Едва лишь они выплыли изъ-подъ деревьевъ какъ услышали чей то радостный крикъ. Онъ доносился съ той стороны, гдѣ сидѣли друзья пловцовъ; очевидно ихъ уже замѣтили. Ободряемые этими криками, пловцы быстро подвигались впередъ. Ричарду и въ голову не приходило оглянуться. То, что онъ видѣлъ передъ собою придавало ему мужество и всецѣло поглощало его вниманіе: на деревѣ стояла молодая дѣвушка и радостно махала ему руками. Индѣецъ былъ занятъ совсѣмъ другимъ. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть впередъ, онъ сосредоточивалъ все вниманіе на томъ, что дѣлалось позади.

Они проплыли уже почти половину того разстоянія, которое отдѣляло лѣсъ отъ орѣшника. Юноша быстро подвигался впередъ, индѣецъ слѣдовалъ за нимъ.

Крокодила нигдѣ не было видно, и Мундруку совершенно успокоился. Вѣроятно, животное все еще караулило ихъ подъ каучуковымъ деревомъ, не подозрѣвая, что они были уже далеко. Индѣецъ поровнялся съ Ричардомъ и они, не спѣша, поплыли рядомъ.

Къ счастію пловцовъ, друзья ихъ слѣдили за поверхностью воды, и какъ разъ въ то время, когда индѣецъ и Ричардъ менѣе всего думали объ опасности, крикъ ужаса раздался съ сапукайи. Достаточно было нѣсколькихъ минутъ, чтобы чудовище нагнало пловцовъ. Отчаяніе придало имъ силы, друзья протянули руки, чтобы помочь имъ взобраться на дерево, и они были спасены.

Крокодилъ тоже подплылъ къ дереву, какъ разъ къ тому мѣсту, куда взобрались пловцы.

Онъ былъ внѣ себя отъ бѣшенства, увидѣвъ, что добыча опять ускользнула отъ него. Со злости онъ билъ хвостомъ по водѣ и страшно кричалъ; крикъ его напоминалъ то ревъ быка, то лай собаки.

Сверху его было прекрасно видно. Онъ весь былъ освѣщенъ солнцемъ. Тѣло его, длиною въ восемь ярдовъ, въ поперечникѣ имѣло не менѣе десяти футовъ; роговые бугры въ видѣ пирамидъ, которыми была покрыта вся его спина, доходили до семи дюймовъ. Не удивительно послѣ этого, что Розина закричала отъ ужаса, взглянувъ на это животное, и что всѣ боялись его.

Казалось, кайманъ хотѣлъ взобраться на дерево; онъ то и дѣло цѣплялся зубами за кору и своими короткими лапами, напоминавшими человѣческія руки, изо всѣхъ силъ старался обнять стволъ дерева. Люди, сидѣвшіе на верху, съ ужасомъ слѣдили за его движеніями; но полная неудача животнаго скоро успокоила ихъ.

Мундруку съ своей стороны тоже прибавилъ, что имъ нечего безпокоиться, такъ какъ крокодилъ не въ состояніи взобраться на дерево. Однако, чудовище и не думало отступать. Оно стало плавать вокругъ дерева, не сводя глазъ съ сидѣвшихъ на немъ. Этимъ послѣднимъ надоѣло, наконецъ, слѣдить за его движеніями, и они только изрѣдка поглядывали на него. Въ данный моментъ присутствіе чудовища не представляло опасности, но нужно было подумать и о будущемъ. Вѣдь нельзя [illegible] сидѣть на деревѣ. Хотя они и не знали, что [illegible] въ лѣсу, но тѣмъ не менѣе всѣмъ хотѣлось скорѣе [illegible] туда. Мундруку увѣрялъ, что за лѣсомъ должна [illegible] Итакъ, надо было плыть къ лѣсу; они надѣялись, [illegible] во всякомъ случаѣ не будетъ.

Мундруку обѣщалъ имъ устроить переправу, но какимъ образомъ, этого еще никто не зналъ.

Пора было однако ознакомить товарищей со своими планами и индѣецъ приступилъ къ дѣлу.

Читатель помнитъ, конечно, что перебивъ всѣхъ птицъ, индѣецъ вскрылъ кору и собралъ сокъ въ скорлупу отъ орѣховъ. Все это вмѣстѣ съ льянами, сипосами, которыми можно было пользоваться какъ веревками, онъ захватилъ съ собой. Во время плаванья, лодка эта была привязана у него къ спинѣ. Индѣецъ велѣлъ принести какъ можно больше орѣховъ. Вытащивъ ядра, онъ снова закрывалъ скорлупу и обмазывалъ ее каучукомъ. Такимъ образомъ она дѣлалась непромокаемой. Работа быстро подвигалась впередъ, такъ какъ Ральфъ и Ричардъ помогали индѣйцу.

Кромѣ Ричарда, который былъ посвященъ въ это дѣло, никто не догадывался о намѣреніяхъ индѣйца. Но вотъ онъ сталъ

связывать при помощи силосовъ по двѣ, по три скорлупы вмѣстѣ; затѣмъ онъ соединялъ двѣ такія пачки толстымъ жгутомъ изъ той же льяны, оставляя между двумя пачками разстояніе въ три фута. Тутъ только всѣ поняли, что онъ мастерилъ.

— Это плавательные пояса!—воскликнулъ Ральфъ.

Онъ не ошибся. Именно это и хотѣлъ сдѣлать Мунди.

VII.

Мунди сдѣлалъ всего пять плавательныхъ поясовъ; Мозей плавалъ довольно плохо, и у него не хватило бы силъ на такое большое разстояніе. До лѣсу было по крайней мѣрѣ четыреста ярдовъ.

Двое изъ семерыхъ плавали хорошо. Попугай могъ долетѣть до лѣса, а маленькую обезьяну кто нибудь долженъ былъ посадить на плечи.

О большой обезьянѣ никто не заботился. У нея не было хозяина. Хотя она и оказывала предпочтеніе Тому, но онъ относился къ ней болѣе чѣмъ равнодушно. Эта порода обезьянъ никому не внушаетъ симпатіи. Изобрѣтеніемъ Мунди нельзя было воспользоваться тотчасъ же. Каучукъ долженъ былъ хорошенько просохнуть, а на это потребовалось по крайней мѣрѣ часъ времени.

Сборы были не долги, такъ какъ путешественникамъ слѣдовало только обвязать вокругъ таліи плавательный поясъ. Они собрались уже въ путь, какъ вдругъ вспомнили о крокодилѣ. Животное все еще было подъ деревомъ. Оно, то вытянувшись лежало на водѣ, то медленно плавало вокругъ дерева, глядя на людей. По лукавымъ глазамъ его можно было подумать, что оно отлично понимаетъ назначеніе поясовъ и то, что люди намѣрены дѣлать. Казалось крокодилъ былъ теперь увѣренъ, что больше ужъ его не обманутъ. Броситься при такихъ условіяхъ въ воду, было все равно, что броситься въ пасть чудовища, а потому объ этомъ нечего было и думать.

Еще часъ путешественники наши просидѣли на деревѣ; терпѣніе ихъ истощилось.

Чтобы какъ нибудь сократить время они стали говорить объ аллигаторахъ. Треваньовъ задавалъ индѣйцу разные вопросы, на которые тотъ охотно отвѣчалъ. Онъ много видалъ на своемъ вѣку и ему было что поразсказать о кайманахъ. Мунди замѣтилъ, что ему приходилось встрѣчать пять или шесть

различныхъ породъ крокодиловъ. Случалось, что самые большіе изъ нихъ, жакаранассу, водились въ одной рѣкѣ съ жакарасетенга, или маленькими алигаторами.

Впрочемъ, слово «маленькій» не совсѣмъ подходитъ къ этимъ животнымъ, такъ какъ они всетаки достигаютъ пятирехъ футовъ длины. Не разъ ему приходилось видѣть и такъ называемыхъ «куруа», которые никогда не бываютъ болѣе двухъ футовъ. Эти послѣдніе встрѣчаются довольно рѣдко; они водятся только въ маленькихъ бухтахъ. Какъ только начинается развивъ, крокодилы уходятъ изъ устьевъ рѣкъ и изъ озеръ и направляются въ «гапо».

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Солимоеса, какъ только вода убываетъ, озера совсѣмъ высыхаютъ; крокодилы зарываются тогда въ грязь и лежатъ тамъ до тѣхъ поръ, пока вода снова не вернется и не отмочитъ глину, изъ которой они вылѣзаютъ еще безобразнѣе, чѣмъ были раньше. Они устраиваютъ свои гнѣзда [illegible] регу и покрываютъ яйца цѣлыми грудами вялыхъ частей [illegible] анныхъ съ грязью. Яйцо большого каймана [illegible], величиною съ кокосовый орѣхъ; толстая и крѣпкая [illegible] пка сильно шуршитъ, если потереть яйцо обо что нибудь [illegible]. Когда самка удаляется отъ гнѣзда, то стоитъ только потереть одно яйцо о другое и она тотчасъ же приползетъ.

Крокодилы питаются главнымъ образомъ рыбой; но это только потому, что ее очень много и ловить ее черезвычайно легко; они также охотно ѣдятъ и мясо и дичь, словомъ все, что имъ попадается. Бросьте имъ кость, они и ту проглотятъ. Если какой нибудь кусокъ не входитъ въ пасть крокодила, онъ подбрасываетъ его вверхъ и наровитъ какъ можно ловчѣе схватить его зубами. Иногда имъ приходится вести жестокую борьбу съ ягуарами, но эти послѣдніе рѣдко нападаютъ на самихъ крокодиловъ; они предпочитаютъ ихъ дѣтенышей.

Крокодилы очень охотно ѣдятъ черепахъ и истребляютъ ихъ въ огромномъ количествѣ. Самцы поѣдаютъ иногда своихъ собственныхъ дѣтенышей, если съ ними нѣтъ самки и имъ некому защитить. Больше всего, однако, они любятъ собакъ. Услышавъ ихъ лай, они забѣгаютъ далеко въ лѣсъ, въ надеждѣ поймать ихъ.

Крокодилы очень любятъ отдыхать на солнышкѣ. Часто они вытягиваются на пескѣ и спятъ съ открытыми устами. Ибо [illegible] другія птицы въ это время спокойно [illegible] по [illegible] мые ужасные изъ крокодиловъ это [illegible] питаются

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи.

Индѣецъ прыгнулъ на шею крокодила.

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи.

вѣческимъ мясомъ; они подстерегаютъ людей недалеко отъ ихъ селеній, или же около рѣкъ, когда тѣ купаются.

Наконецъ и Мундруку потерялъ терпѣнье. Онъ рѣшилъ, во чтобы то ни стало, покончить съ чудовищемъ. Хотя съ нимъ и не легко было справиться, но тѣмъ не менѣе и у него были слабыя мѣста, какъ, напримѣръ, горло, глаза и ушныя отверстія. Именно этими мѣстами и рѣшилъ воспользоваться индѣецъ, чтобы избавиться отъ своего врага. О, еслибъ онъ былъ моложе лѣтъ на двадцать! Онъ навѣрно не ждалъ бы такъ терпѣливо, пока животное добровольно уйдетъ.

Прошелъ еще часъ. Положеніе путешественниковъ нисколько не измѣнилось, и Мундруку вышелъ изъ себя. Онъ вскочилъ, бросилъ въ сторону пояса, надъ которыми работалъ, взялъ ножъ и крѣпко сжалъ его въ рукѣ.

— Что ты задумалъ, Мунди?—спросилъ Трезаньовъ, съ безпокойствомъ слѣдя за нимъ.—Надѣюсь, ты не собираешься бороться съ животнымъ? Съ этимъ оружіемъ ты долженъ какъ можно ближе подойти къ нему, и прежде чѣмъ ты успѣешь замахнуться, оно проглотитъ тебя. — Брось, пожалуйста, эту затѣю!

— Я вовсе не разсчитываю на свой ножъ, господинъ —отвѣчалъ индѣецъ.—Я прекрасно знаю, что кайманъ тотчасъ же нырнетъ и увлечетъ меня съ собою, а мнѣ совсѣмъ не улыбается купанье въ его обществѣ.

— Послушай, другъ мой!—Брось ты это.—Подождемъ до утра.—За ночь все можетъ измѣниться.

— Мундруку не согласенъ съ вами, господинъ.—Крокодилъ, очевидно, хочетъ полакомиться нами и не уйдетъ отсюда пока не наѣстся; намъ придется, можетъ быть, сидѣть здѣсь до тѣхъ поръ, пока мы не умремъ съ голоду, или же, отъ слабости не попадаемъ одинъ за другимъ ему въ пасть.

— Ну, подождемъ только до завтра!

— Нѣтъ, господинъ мой, Мундруку не будетъ ждать ни одного часа больше. Онъ во всемъ подчинялся вамъ, какъ хозяину судна, пока былъ на галатеѣ, но теперь его пѣсня договоръ конченъ; Мундруку свободный человѣкъ и можетъ дѣлать что хочетъ. Послушайте господинъ, мое племя не приметъ меня больше, если я буду терпѣть это долѣе. Одинъ изъ насъ долженъ погибнуть.

Трезаньовъ былъ принужденъ уступить.

Спутники Мундруку поняли, что онъ взялъ ножъ только

ПОЖАЛУЙСТА

Не перегибайте книг при чтеніи.

ля того, чтобы сдѣлать имъ болѣе подходящее оружіе для на-
аденія на крокодила. Вскорѣ, дѣйствительно, въ рукахъ его
оявилась «макана». Такъ называлъ онъ дубинку, вырѣзанную
въ тяжелаго дерева. Она была длиною въ два фута и окан-
лвалась очень толстымъ шаровиднымъ наконечникомъ.

Спрятавъ ножъ, и вооружившись этой дубинкой, индѣецъ
устился на горизонтальную часть ствола, о которой мы уже
оминали, и пополз по ней. Никакая обезьяна не превзошла
его въ ловкости. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже показ-
лся на самомъ концѣ вѣтки, которая была всего лишь въ
ехъ футахъ надъ водою.

Привлечь вниманіе гада было очень легко. Стоило толко
ломать и бросить въ воду нѣсколько вѣтокъ и чудовище
ло тутъ, какъ тутъ; оно думало вѣроятно, что кто нибудь, по
осторожности, упалъ съ дерева и открыло уже пасть, чтобы
ватить свою жертву. Однако человѣкъ упалъ ему не въ пасть,
прямо на спину и въ одинъ мигъ перескочилъ къ нему на-
ю. Онъ сѣлъ верхомъ на крокодила и воткнулъ ему одну руку
глазъ, а другой со всей силой ударилъ его дубинкой по
овѣ. Проломивъ ему черепъ, что было даже слышно, онъ
ыгнулъ съ него. Чудовище перевернулось; животъ его,
товато-бѣлаго цвѣта, былъ еще противнѣе спины. Если
ке крокодилъ и не былъ убитъ, онъ всетаки былъ уже безопа-
ъ. Товарищи встрѣтили побѣдителя радостными криками.

Теченье скоро унесло чудовище, которое такъ долго дер-
ло нашихъ путешественниковъ въ осадномъ положеніи.

Они тотчасъ же собрались въ путь. Имъ ужъ очень надоѣло
ѣть на деревѣ, хотя, по словамъ развѣдчиковъ, то, къ чему
стремились, было не лучше того, что они спѣшили по-
уть; разница была лишь въ величинѣ площади. Здѣсь в
распоряженіи было лишь одно дерево, а тамъ они могли
ирать изъ тысячи. Тѣмъ не менѣе они всетаки стремились
лѣсу, надѣясь, что хуже, во всякомъ случаѣ, тамъ не
ѣтъ.

Ричардъ разсказывалъ, что въ лѣсу много деревьевъ съ
ами, что ліаны, переплетаясь съ вѣтвями образуютъ
шную сѣть; это уже представляло для путешественниковъ
шое удобство. Здѣсь имъ приходилось стоять или сидѣть
омъ, тогда какъ тамъ они могли очень удобно разм
а зеленой сѣти. Кромѣ того, по словамъ мол

вѣка, тамъ попадались деревья, плоды которыхъ были очень соблазнительны на видъ; ихъ навѣрно можно было ѣсть.

Каждый изъ плавательныхъ поясовъ вполнѣ соотвѣтствовалъ вѣсу того, для кого онъ предназначался. Такъ, пояса Ральфа и Розиты были гораздо меньше другихъ. Всѣ безпокоились о молодой дѣвушкѣ и Мундруку объявилъ, что все время будетъ плыть рядомъ съ ней. Осмотрѣвшись вокругъ, и убѣдившись, что опасность не угрожаетъ болѣе ни съ какой стороны, путешественники наши спустились въ воду.

Мундруку плылъ впереди всѣхъ вмѣстѣ съ Розитой. Для большей безопасности онъ привязалъ къ своему кушаку одинъ конецъ веревки, которая была обмотана вокругъ таліи молодой дѣвушки. Треваньовъ слѣдовалъ за ними. Немного далѣе плылъ Ральфъ вмѣстѣ съ Ричардомъ, который подобно индѣйцу, привязалъ двоюроднаго брата къ себѣ.

Мозей и Типперари Томъ плыли послѣдними.

VIII.

Предводительствуемые индѣйцемъ, пловцы добрались наконецъ до того самаго дерева, которому они были обязаны своими поясами. На немъ теперь было тихо, какъ въ могилѣ. Ни одного попугая не было видно. Очевидно тѣ, которые уцѣлѣли отъ избіенія, навсегда покинули это дерево.

Солнце уже садилось и о дальнѣйшемъ путешествіи нечего было и думать. На каучуковомъ деревѣ, вѣтви котораго были переплетены ліанами, можно было прекрасно устроиться на ночь. Несмотря на то, что ложе ихъ было далеко неудобно, путешественники чувствовали себя гораздо лучше, чѣмъ въ предыдущую ночь.

Дичь, оставленная здѣсь индѣйцемъ, всѣхъ очень обрадовала. Нѣкоторые были такъ голодны, что рѣшились было ѣсть попугаевъ сырыми.

Треваньовъ запротествовалъ однако противъ такой кровожадности и настоялъ на томъ, чтобы птица была изжарена. Но какъ добыть огня? За это взялся индѣецъ.

— Подождите только десять минутъ, господинъ,—сказалъ онъ. Черезъ десять минутъ у васъ будетъ огонь, а черезъ двадцать—жаркое.

— Но какимъ образомъ?—Ты забываешь, что у насъ нѣтъ огнива,—возразилъ Треваньовъ.

— Посмотрите вонъ на то дерево, —продолжалъ Мундруку.

— Съ гладкой блестящей корой и съ листьями, похожими на большія бѣлыя руки?

— Да, да.—Это имбауба, дерево, которому обязаны своимъ питаньемъ лѣнивцы Южной Америки.

— Ахъ! значитъ это то дерево, которое извѣстно подъ названіемъ «сесгоріа реПаіа»! Какъ, и отъ него ты думаешь достать огня?

— Черезъ десять минутъ, если вы позволите, при помощи имбаубы у насъ будетъ огонь.—Нужно только найти совершенно сухую вѣтку.

Говоря это, Мундруку бросился въ воду и поплылъ къ цекропіи. Доплывъ до нея онъ какъ бѣлка взобрался на дерево и исчезъ въ серебристой листвѣ. Но вотъ послышался трескъ сухой вѣтки и индѣецъ снова показался на деревѣ. Спустившись съ него онъ поплылъ къ своимъ друзьямъ, держа вѣтку высоко надъ водой.

Онъ разсказалъ своимъ спутникамъ, что индѣйцы его племени, а также другіе, живущіе на Амазонкѣ, всегда пользуются сухими вѣтками имбаубы для добыванія огня. Говоря это, онъ приступилъ къ дѣлу, то есть сталъ тереть одинъ кусокъ вѣтки о другой.

Друзья его собрали цѣлую груду сухихъ листьевъ, хворосту и коры и достаточно было одной искры, чтобы запылалъ большой костеръ. Птица быстро изжарилась на вертелѣ, орѣхи тоже спеклись и ужинъ вышелъ на славу.

Путешественники наши хорошо выспались въ эту ночь; однако пробужденіе ихъ было далеко не радостно. О завтракѣ имъ нечего было безпокоиться, такъ какъ отъ ужина осталось достаточно жареной птицы. Они принялись за нее съ восходомъ солнца.

Поккрѣпившись, всѣ стали думать о томъ, какъ бы выбраться изъ гапо. Вопросъ этотъ, однако, было не легко рѣшить. Даже приблизительно нельзя было опредѣлить какое разстояніе прошла галатея, прежде чѣмъ она остановилась. Можетъ быть она прошла двадцать, можетъ быть и пятьдесятъ миль. Ясно было только одно, что выйдя изъ Солимоеса, она попала въ гапо. Путешественники не имѣли ни малѣйшаго представленія о томъ, гдѣ они находились и были точно на лунѣ.

Благодаря топографическимъ свѣдѣніямъ индѣйца, можно

было опредѣлить въ какомъ направленіи рѣка; но нечего было и думать о томъ, гдѣ найти каналъ, ведущій въ нее. Главною цѣлью ихъ было теперь добраться до суши. Странно было бы стремиться къ рѣкѣ, не имѣя возможности плыть по ней! Надѣяться же на встрѣчу съ какимъ либо судномъ было очень легкомысленно. Трудно было вообразить, чтобъ какое нибудь судно зашло въ гапо.

И такъ, слѣдовало позаботиться о томъ, чтобы найти ближайшій путь къ сушѣ; а для этого нужно было направиться въ сторону, противоположную рѣкѣ.

Разливъ все еще продолжался и благодаря находчивости индѣйца, они могли правильно опредѣлить свой путь. Вода текла со стороны рѣки, слѣдовательно, чтобъ добраться до суши имъ нужно было направиться по теченію. Можетъ быть земля была отъ нихъ гораздо дальше, чѣмъ рѣка, но имъ все таки необходимо было добраться до нея, иначе имъ грозила гибель.

— Но какъ добраться? Вотъ вопросъ который обсуждался совѣтомъ, засѣдавшимъ на каучуковомъ деревѣ. Нельзя же было допустить, что они доплывутъ до суши? Вѣдь до нея было миль двадцать, если не больше.

На лодкѣ? Но изъ чего ее построить? Во всемъ лѣсу не найдется дерева, которое было бы на столько легко, чтобъ могло свободно плавать по водѣ. И такъ мысль о лодкѣ нужно было оставить.

Наконецъ, одно предложеніе было всѣми одобрено. Авторомъ его былъ индѣецъ, который, благодаря своей опытности, оказалъ уже не мало услугъ товарищамъ.

Передъ ними былъ каналъ, какъ бы подъ зеленымъ сводомъ. Отчего бы имъ не воспользоваться еще своими поясами и не проплыть дальше? Всѣ согласились съ индѣйцемъ и тотчасъ же, въ прежнемъ порядкѣ, пустились въ плаванье.

Теперь ужъ не было надобности въ томъ, чтобъ кто нибудь указывалъ дорогу; въ каналѣ нельзя было заблудиться. Узкій проливъ, по которому они плыли назывался на языкѣ туземцевъ «игарапе», то есть, проходъ для лодки; такъ называются и самыя лодки, на которыхъ туземцы плаваютъ по гапо. Проливъ этотъ имѣлъ видъ канала, проведеннаго черезъ рощу: по обоимъ сторонамъ его возвышались огромныя стѣны изъ тропическихъ деревьевъ, верхушки которыхъ сплетались цѣлою сѣтью чужеядныхъ растеній. Въ противоположность обыкновеннымъ кана-

ламъ, этотъ не отличался правильной формой, такъ какъ то тутъ, то тамъ, онъ разливался въ маленькія озера; затѣмъ, снова сузившись, онъ тянулся до тѣхъ поръ, пока деревья не загораживали ему окончательно дорогу, образуя нѣчто въ родѣ бесѣдки.

Наши путешественники плыли вдоль зеленой стѣны. Они съ большимъ трудомъ подвигались впередъ; хорошимъ пловцамъ то и дѣло приходилось помогать, то одному, то другому. Впрочемъ, плаванье въ значительной степени облегчалось самимъ теченіемъ.

Однако, теченіе было едва замѣтно; оно помогало плыть, но скорости не прибавляло. Пловцы дѣлали не больше мили въ часъ.

До суши, по ихъ мнѣнію, было, во всякомъ случаѣ, не болѣе пятидесяти миль. Надо было только плыть все время въ одномъ и томъ же направленіи.

Индѣецъ долго думалъ прежде чѣмъ выбрать этотъ путь и это вполнѣ понятно, такъ какъ малѣйшая ошибка могла затянуть ихъ тяжелое путешествіе на цѣлыя недѣли и даже мѣсяцы.

По счастью игарапе тянулось какъ разъ въ этомъ направленіи. Плаванье продолжалось уже нѣсколько часовъ. Отъ времени до времени путешественники отдыхали, держась за ліаны, или за вѣтви, висѣвшія надъ самой водой.

Въ полдень индѣецъ предложилъ сдѣлать привалъ; предложеніе его было охотно принято, такъ какъ всѣ давно устали и проголодались.

О пищѣ не приходилось безпокоиться;—у индѣйца за спиною было еще нѣсколько жареныхъ попугаевъ.

Подплывъ къ толстому, вѣтвистому дереву, путешественники взобрались на него и принялись закусывать. Они разсчитывали, что между этимъ приваломъ и предыдущимъ они пробыли въ водѣ около шести часовъ и проплыли миль шесть. Хорошо что за все это время они не встрѣтили никакого чудовища въ родѣ каймана. Однако индѣецъ далеко не былъ увѣренъ, что подобныя встрѣчи не повторятся; онъ все время присматривался и прислушивался.

Немного отдохнувъ, путешественники наши снова пустились вплавь. Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ они хотя и медленно, но безпрепятственно подвигались впередъ. Игарапе тянулось почти по прямой линіи и направлялось къ сѣверу. Это открытіе они сдѣлали ночью, но не при помощи полярной звѣзды

такъ какъ на экваторѣ ее совсѣмъ не видно. Она всегда прячется въ туманѣ, который окутываетъ горизонтъ.

Сиріусъ и другія сѣверныя звѣзды и созвѣздія помогли путешественникамъ опредѣлить направленіе игарапе. Солнце свѣтило весь день и, казалось бы, опредѣлить страны свѣта было не трудно; однако это возможно только въ ширинахъ болѣе высокихъ, на тропикахъ же можно опредѣлить страны по солнцу только въ томъ случаѣ, если путешественникъ точно знаетъ время года.

Треваньовъ приблизительно зналъ, что скоро должно быть весеннее равноденствіе, когда солнце пересѣкаетъ экваторіальную линію, около которой они находились. Поэтому то въ серединѣ дня солнце было какъ разъ надъ ихъ головами и даже самый опытный астрономъ не могъ бы отличить сѣвера отъ юга и востока отъ запада. Если бы игарапе тянулось не въ прямомъ направленіи, а слегка уклонялось въ сторону, то среди дня, они не могли бы плыть дальше и принуждены были бы дожидаться захода солнца, чтобы опредѣлить страны свѣта. Но, къ счастью, имъ не пришлось дожидаться вечера, такъ какъ теченіе было ихъ лучшимъ путеводителемъ; оно направлялось въ ту же сторону, какъ и игарапе.

Прежде чѣмъ отправиться въ путь путешественники точно опредѣлили, что теченіе склоняется къ сѣверо-востоку. Значитъ они должны были плыть на сѣверъ. Благодаря теченію, они узнали, что удаляясь отъ Солимоеса, они приближались къ устью большой рѣки Япуры.

Старикъ индѣецъ, казалось, не особенно этому обрадовался; онъ прекрасно зналъ, что русло Япуры особенно широко въ этомъ мѣстѣ, а слѣдовательно и до суши было еще очень далеко.

Для того, чтобы выбраться изъ потонувшаго лѣса оставалось только плыть въ прежнемъ направленіи; руководимые этой надеждой они снова пустились въ путь.

Однако неожиданное препятствіе остановило ихъ: — тутъ былъ конецъ игарапе. Странный каналъ вдругъ оканчивался группою деревьевъ и пробраться черезъ нихъ не было никакой возможности. Плыть дальше было некуда.

Сначала путешественники подумали, что каналъ продолжался за деревьями; но индѣецъ, попробовавшій было пробраться дальше, увѣрялъ, что каналъ дальше не шелъ.

Деревья, которыя тянулись по обоимъ сторонамъ заканчива-

лись полукругомъ; по самой серединѣ его стояло дерево колоссальной вышины. Оно было значительно выше всѣхъ своихъ сосѣдей; стройное, могучее, оно какъ стражъ лѣса стояло тутъ и, казалось, говорило путешественнику:

— Ты не долженъ идти дальше, вернись.

Солнце уже садилось. Отложивъ всѣ заботы и размышленія до слѣдующаго дня, путешественники только старались поудобнѣе устроиться на ночь. Исполинское дерево, грозно стоявшее на пути, было для нихъ самымъ подходящимъ убѣжищемъ. Не раздумывая долго, они поспѣшили воспользоваться гостепріимствомъ гиганта.

Дерево, на которомъ они находились, былъ настоящій бразильскій орѣшникъ, «bertholettia excelsa». Это дерево растетъ преимущественно въ низменныхъ и сырыхъ мѣстахъ и достигаетъ значительной высоты. Стволъ его иногда бываетъ на сорокъ футовъ въ водѣ, во время сильнаго разлива. У бертолетіи большіе пышные цвѣты и огромные околоплодники въ видѣ сумокъ; въ каждой изъ нихъ около двадцати орѣховъ.

Бразильскіе орѣхи являются однимъ изъ главныхъ предметовъ торговли на Амазонкѣ. Описывать ихъ подробно нѣтъ никакой надобности, такъ какъ они слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстны; какъ въ Америкѣ такъ и въ Европѣ нѣтъ дома, въ которомъ бы ихъ не ѣли.

Въ лѣсу, гдѣ они не составляютъ ничьей собственности, ихъ собираетъ, кто хочетъ; преимущественно ими пользуются индѣйцы, живущіе по берегамъ гапо. Время сбора орѣховъ—это сухое время года; хотя нѣкоторыя племена собираютъ орѣхи и во время розлива. Съ наступленіемъ отлива, то есть когда деревья снова стоятъ на твердой землѣ, жители цѣлыхъ деревень занимаются сборомъ орѣховъ, которые валяются вокругъ деревьевъ.

Околоплодники, наполненные орѣхами, по тяжести нисколько не уступаютъ пушечному ядру, а потому сборщики орѣховъ, чтобы предохранить голову отъ паденія такого околоплодника, одѣваютъ деревянную шапку, напоминающую каску пожарныхъ. Обезьяны Южной Америки до такой степени боятся паденія этихъ громадъ, что не смотря на свою страсть къ бразильскимъ орѣхамъ, никогда не подходятъ близко къ бертолетіи.

До бразильскихъ орѣховъ не такъ легко добраться, потому что они заключены въ толстой, деревянной оболочкой. Обезьяны

сами никакъ не могутъ вскрыть околоплодника; онѣ ждутъ, пока какое нибудь животное, съ болѣе острыми зубами, не прогрызетъ оболочку. Услугу эту имъ оказываютъ грызуны. Въ лѣсахъ южной Америки нерѣдко можно наблюдать такое зрѣлище. Группа обезьянъ издали наблюдаетъ за грызуномъ, который всѣми силами старается прогрызть околоплодникъ бертолетіи; лишь только грызунъ добивается желательнаго результата, обезьяны бросаются на него и отнимаютъ добычу.

Наши путешественники прекрасно устроились на бертолетіи. Мундруку тотчасъ же сталъ жарить оставшихся птицъ, и вскорѣ всѣ принялись за нихъ съ большимъ аппетитомъ.

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТ
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

IX.

Поужинавъ, наши путешественники ожидали заката солнца, чтобы тотчасъ же лечь спать. Они уже приготовили себѣ постели, или вѣрнѣе то, что должно было ихъ замѣнить на горизонтальной сѣти изъ чужеядныхъ растеній. Ложе ихъ было далеко не удобно, но они съ каждымъ днемъ становились все менѣе требовательными. Плаванье утомило ихъ и всѣмъ хотѣлось спать; однако имъ не суждено было уснуть.

Въ глубинѣ лѣса вдругъ послышался шумъ. Путешественники тотчасъ же узнали его и совершенно успокоились. Очевидно, къ нимъ приближалась стая обезьянъ.

Эхо такъ и разносилось по лѣсу. Иногда бываетъ довольно и одного ревуна, чтобы наполнить лѣсъ самыми разнообразными звуками.

— Это гуариба,—сказалъ Мундруку.

— Вы хотите сказать ревуны?—спросилъ Треваньовъ.

— Да, господинъ, и вѣроятно самые голосистые изъ этой породы. Ихъ сейчасъ еще лучше будетъ слышно, такъ какъ они направляются въ нашу сторону. Они теперь въ верстѣ отъ насъ; это доказываетъ, что въ ту сторону лѣсъ тянется на разстояніи болѣе версты. О, еслибы мы могли пробираться по верхушкамъ деревьевъ! Намъ не пришлось бы такъ долго странствовать по гапо....—Я не ошибся,—сказалъ индѣецъ, помолчавъ немного, онѣ дѣйствительно приближаются.—Я слышу даже трескъ вѣтвей, которыя онѣ ломаютъ попути. Мы скоро ихъ увидимъ.

Хотя обезьяны и перестали кричать, но приближеніе ихъ было слышно по треску вѣтвей.

Вдругъ онѣ показались на высокомъ деревѣ, въ нѣсколькихъ

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи.

шагахъ отъ нашихъ путешественниковъ. Лишь только вожакъ ихъ, который былъ, вѣроятно, старшимъ между ними, замѣтилъ на своемъ пути проливъ, онъ тотчасъ же остановился и закричалъ. Крикъ этотъ былъ, вѣроятно, командой своего рода, такъ какъ слѣдовавшіе за нимъ сейчасъ же остановились.

Ясно было, что проливъ являлся препятствіемъ на ихъ пути. Какъ то они переберутся черезъ него?—думали путешественники.

Какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ остановились обезьяны, каналъ замѣтно суживался. Тѣмъ не менѣе разстояніе между горизонтальными вѣтками, тянувшимися по обѣимъ его сторонамъ, было около двадцати футовъ. Казалось, что на ту сторону можно было перелетѣть только на крыльяхъ.Очевидно, обезьяны не были такого мнѣнія; они подготовлялись къ прыжку и только ждали команды своего предводителя. Пока они размѣщались по вѣткамъ, среди нихъ царило глубокое молчаніе.

Замѣтно было, что нѣкоторыхъ сильно стѣсняло присутствіе дѣтенышей, которые сидѣли на спинѣ или на рукахъ у своихъ матерей.

Медленно поднявшись на самый верхъ, чтобъ его всѣмъ было видно, предводитель обезьянъ сталъ держать рѣчь. Его слушали въ глубокомъ молчаніи. Когда онъ кончилъ, всѣ что-то заговорили. Казалось предложеніе вождя было всѣми принято.

Самая сильная обезьяна тотчасъ же бросилась на конецъ сука, раскачалась и перелетѣла черезъ воду на дерево, стоявшее на другомъ берегу. Слѣдующая повторила съ мельчайшими подробностями всѣ жесты своей предшественницы. За ними послѣдовали остальныя, строго соблюдая очередь.

Наши путешественники были крайне удивлены ловкостью и точностью движеній этихъ животныхъ. Хотя зрѣлище это было чрезвычайно интересно, но то, что путешественники увидѣли дальше, еще болѣе поразило ихъ. Не только всѣ самцы, но и самки были уже на противоположной сторонѣ; на деревѣ оставалась только одна мать съ очень маленькимъ дѣтенышемъ.

Казалось ему не было и девяти дней. Несмотря на это, однако, онъ, какъ будто понималъ опасность своего положенія; изо всѣхъ силъ цѣпляясь своими крошечными рученками за шерсть матери, онъ крѣпко обвилъ свой хвостъ вокругъ ея хвоста. Мать вѣроятно еще не совсѣмъ оправилась послѣ родовъ и поэтому, не разсчитывая на свои силы, не рѣшалась прыгнуть.

Изъ группы обезьянъ, сидѣвшихъ уже на противоположной

сторонѣ, тотчасъ же выдѣлился одинъ самецъ; онъ подошелъ къ самому концу того сука, на которомъ всѣ сидѣли и сталъ уговаривать самку прыгать скорѣе. На его убѣжденія мать что то отвѣчала и жесты ея ясно говорили:—мнѣ все равно не перескочить. Въ тонѣ ея слышалось столько мольбы, что отецъ дѣтеныша не настаивая болѣе, перескочилъ снова къ ней и, взявъ малютку на плечи, перелетѣлъ съ нимъ на другую сторону. Побуждаемая этимъ примѣромъ и криками друзей, старавшихся ее подбодрить, она тоже прыгнула, но не успѣла ухватиться хвостомъ за вѣтку и полетѣла внизъ головой.

Обезьяны вскрикнули и стали спускаться по дереву. Штукъ двадцать бросились спасать погибающую. Всѣ были страшно взволнованы; точно дѣйствіе происходило между людьми. Однако инстиктъ скорѣе разсудка заставляетъ дѣйствовать. Начальникъ что то прокричалъ. Десятокъ обезьянъ тотчасъ же бросился на конецъ роковой вѣтки, цѣпляясь хвостами другъ за друга, и быстро вытащили погибавшую. Она посадила своего малютку на плечи и вмѣстѣ съ другими двинулась въ путь.

Солнце уже садилось и путешественники рѣшили, что обезьяны возвращались на ночь домой. Треваньовъ увѣрялъ, что они направлялись къ сушѣ и совѣтовалъ слѣдовать за ними. Однако, Мундруку не соглашался съ нимъ.

— Нѣтъ, господинъ мой,—сказалъ онъ,—вы можете ошибиться. То, что обезьяны идутъ по направленію къ сушѣ такъ же вѣроятно, какъ и то, что онѣ отъ нея удаляются. Имъ все равно гдѣ ночевать: надъ землей или надъ водой; лишь бы были деревья, на которыхъ можно повиснуть. Мнѣ часто случалось видѣть, какъ онѣ играютъ на деревьяхъ. Онѣ очень любятъ собирать плоды и кокосовые орѣхи.

— А какъ онѣ спятъ?—спросилъ Ральфъ. Онѣ устраиваютъ себѣ гнѣздо или просто сидятъ на вѣткахъ?

— О, онѣ не такъ избалованы, какъ мы! Въ гнѣздахъ спятъ только самки, да и то лишь тогда, когда онѣ ожидаютъ маленькаго. Обыкновенно всѣ спятъ просто на деревѣ, зацѣпившись хвостомъ за нижнюю вѣтку. Иногда онѣ спятъ даже въ висячемъ положеніи.

— Вотъ странныя животныя!—вскричалъ Ральфъ.

— Да, очень!—Ихъ хитрость и нѣкоторые поступки иногда заставляютъ думать, что онѣ, подобно человѣку, одарены разумомъ. Вы видѣли какъ онѣ спасали несчастную самку, которая упала въ воду?—Очень интересно смотрѣть какъ онѣ достаютъ

плоды, находящіеся отъ нихъ на значительномъ разстояніи. Они цѣпляются другъ за друга и такъ добираются наконецъ до плодовъ и срываютъ ихъ.

— Сейчасъ онѣ тоже цѣпью висѣли надъ водою,—сказалъ Треваньовъ.—Я помню, Мунди, ты разсказывалъ что то еще болѣе интересное.

— Охъ, да!—Я видѣлъ какъ онѣ дѣлаютъ мостъ.

— Какимъ-же образомъ?

— Онѣ также спускаются цѣпью, какъ вы это сегодня видѣли.

— Но зачѣмъ имъ мостъ?

— Для того, чтобы перебраться черезъ какой нибудь быстрый ручей.

— Какъ же онѣ это дѣлаютъ?—разспрашивалъ Ральфъ.

— А вотъ какъ,—отвѣчалъ индѣецъ. Онѣ выбираютъ два толстыхъ дерева, стоящихъ на противоположныхъ берегахъ. Затѣмъ, спустившись цѣпью съ одного изъ этихъ деревьевъ, онѣ до тѣхъ поръ раскачиваются въ воздухѣ, пока послѣднему не удастся зацѣпиться за намѣченное дерево на противоположномъ берегу. Какъ только онъ добьется этого,—мостъ готовъ. Тогда больные, старики и самки съ дѣтьми ловко переправляются на другую сторону по тѣламъ своихъ, болѣе сильныхъ, товарищей. Когда всѣ пройдутъ, тотъ, который заключаетъ цѣпь, выпускаетъ вѣтку изъ рукъ и летитъ въ воду. Это не опасно, такъ какъ онъ сейчасъ же по своимъ товарищамъ взбирается на дерево; тѣ, въ свою очередь, дѣлаютъ то же самое и, такимъ образомъ, всѣ переправляются на другую сторону.

— Это превосходно!—вскричалъ Типперари Томъ.—А ты не видѣлъ, Мунди, какъ онѣ прыгаютъ съ деревьевъ?

— Я видѣлъ, какъ одна обезьяна соскочила съ пальмы во сто футовъ вышины.

— И, конечно, разбилась на смерть?

— Не успѣла она коснуться земли, какъ снова прыгнула на дерево такой же вышины.

— Вотъ, такъ штука!

— Какъ жаль,—сказалъ Треваньовъ, что мускулы наши не обладаютъ такой эластичностью! Богъ знаетъ, что ожидаетъ насъ. Помолимся-же прежде, чѣмъ ложиться спать, и попросимъ Бога, чтобы онъ поскорѣе прекратилъ наши мученья.

Послѣ молитвы всѣ размѣстились какъ можно удобнѣе, чтобъ хорошенько выспаться и запастись новыми силами.

X.

Была полночь и наши путешественники спали такъ крѣпко, какъ мирные граждане, почивающіе на своихъ перинахъ. Ирландецъ и негръ громко храпѣли. Вдругъ дуэтъ этотъ былъ нарушенъ трескомъ вѣтвей, на которыхъ сидѣлъ Типперари Томъ. За трескомъ послышался крикъ и плескъ воды; казалось, что то тяжелое полетѣло въ воду съ значительной вышины. Всѣ тотчасъ же проснулись; не успѣли они придти въ себя, какъ раздался второй крикъ и ко всеобщему удивленію еще что то полетѣло въ воду.

Въ то время, какъ всѣ перекликались, голосовъ Мозея и ирландца на деревѣ не было слышно.

Но вотъ снизу раздались ихъ вопли, они какъ будто задыхались и взывали о помощи.

— Въ чемъ дѣло?—Что съ вами? Мозей! Томъ!—кричали со всѣхъ сторонъ.

— Ахъ!—Помогите!—Я захлебнусь!

— Спа.... спасите!—молилъ негръ, причемъ голосъ его едва можно было узнать. Спасите, я тону!

Дѣло принимало серьезный оборотъ; всѣ знали, что Типперари Томъ совсѣмъ не умѣлъ плавать. Ричардъ и Мундруку тотчасъ же бросились въ воду.

Ночь была темная и кругомъ ничего не было видно; но еслибы даже луна и показалась на небѣ, свѣтъ ея все равно не могъ бы проникнуть сквозь чащу вѣтвей, перепутанныхъ безчисленнымъ множествомъ ліанъ. Треваньову съ дѣтьми оставалось только прислушиваться къ тому, что происходило внизу. Оттуда то и дѣло доносились какіе то отрывистые звуки и крики ужаса.

Ричарду и индѣйцу не легко было въ такую темноту спасти товарищей. Пока они ощупью розыскивали Типперари Тома и вытаскивали его, негръ совсѣмъ выбился изъ силъ. Онъ и такъ былъ весьма посредственный пловецъ, а попавъ въ воду соннымъ, онъ совсѣмъ обезумѣлъ отъ страха и не могъ даже держаться на водѣ.

Весьма естественно, что такое пробужденіе окончательно парализовало его слабую голову.

Вытащивъ товарищей изъ воды, Ричардъ и Мундруку положительно не знали, что съ ними дѣлать. Сначала имъ пришла мысль тащить ихъ по стволу дерева, съ котораго они сва-

лились; но потомъ пришлось отказаться отъ этой мысли, такъ какъ внизу не было ни одной вѣтки, самый же стволъ былъ покрытъ тиной и руки по немъ скользили, какъ по стеклу.

Днемъ они взбирались на это дерево по ліанамъ, теперь же во тьмѣ они никакъ не могли ихъ нащупать.

Но вотъ счастливая мысль озарила Ричарда.

— Бросьте намъ плавательные пояса!—закричалъ онъ.

Просьба его была тотчасъ же исполнена. Пояса такъ удачно упали, что они ихъ сразу схватили и надѣли на спасенныхъ; такимъ образомъ эти послѣдніе уже не рисковали больше пойти ко дну. Черезъ нѣсколько минутъ нашлась и ліана, по которой днемъ всѣ взбирались на дерево.

Какъ казалось, несчастіе произошло изъ за небрежности Типперари Тома, который не хотѣлъ привязать себя и потому во снѣ свалился въ воду; крики падающаго ирландца такъ напугали негра, что онъ вскочилъ отъ ужаса и потерявъ равновѣсіе, полетѣлъ вслѣдъ за ирландцемъ.

Мундруку разсердился на товарищей за то, что они помѣшали ему спать и что благодаря имъ онъ теперь былъ совершенно мокрый; чтобы подобный случай не повторился, онъ привязалъ обоихъ потерпѣвшихъ такъ крѣпко къ дереву, что даже при самомъ безпокойномъ снѣ они не могли бы упасть въ воду.

Весь слѣдующій день прошелъ въ развѣдкахъ. Хотя путешественники наши отошли всего лишь на шестьсотъ шаговъ отъ того дерева, на которомъ ночевали, однако это утомило ихъ больше, чѣмъ если бы они прошли двадцать миль по сушѣ.

Трудно себѣ представить, сквозь какую чащу имъ приходилось пробираться; это была смѣсь деревьевъ съ чужеядными. Тутъ можно было встрѣтить и ползучую пальму, и тростниковый шиповникъ, сплошь покрытый острыми иглами, которыя больно колются.

Солнце уже садилось, когда Ричардъ и Мундруку, ушедшіе далеко впередъ, вернулись съ очень грустными вѣстями. Кругомъ была вода, на всемъ своемъ пути они не видали ни кусочка суши. Индѣецъ увѣрялъ, что по нѣкоторымъ признакамъ земля еще очень далека. Это подтверждалось и сильнымъ теченіемъ. Путешественники остановились и стали обдумывать какъ имъ быть дальше.

Какъ разъ въ этомъ мѣстѣ каналъ въ лѣсу оканчивался, и вслѣдъ за чащей, которая была передъ ними, по словамъ развѣдчиковъ, начиналось большое водное пространство; бли-

жайшій берегъ его былъ отъ нихъ въ двухстахъ саженяхъ, то есть, какъ разъ въ такомъ разстояніи, которое они прошли за весь день. Вдали виднѣлись верхушки деревьевъ; къ нимъ то Мунди и предложилъ всѣмъ плыть.

— Зачѣмъ?—спросилъ Треваньовъ.—Мы вѣдь не можемъ переплыть такое огромное пространство; лодку же сдѣлать немыслимо изъ этихъ сочныхъ деревьевъ. Зачѣмъ же намъ направляться туда, если тамъ нѣтъ суши?

— Господинъ мой,—сказалъ индѣецъ,—больше намъ идти некуда, вся наша надежда на эту воду.

— Но мы ее уже достаточно видѣли.—Позади насъ осталось не мало такихъ водныхъ равнинъ.

— Это правда, господинъ,—но тамъ вода текла совсѣмъ въ другомъ направленіи. Поймите же, вѣдь это разливъ и если мы вернемся,—то придемъ къ устью рѣки; а тамъ вѣдь мы погибнемъ безъ лодки. Хотя суша и далеко, но плывя въ эту сторону, мы будемъ приближаться къ ней.

— На чемъ же мы пустимся въ это огромное водное пространство?

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи.

— Вплавь.

— Вѣдь ты самъ говоришь, что береговъ почти не видно и что вода тянется болѣе чѣмъ на десять миль?...

— Да,—я такъ думаю.

— Но ты не думаешь,—надѣюсь, что мы можемъ переплыть разстояніе въ десять миль?

— Отчего же нѣтъ?—У насъ есть плавательные пояса, которые будутъ поддерживать насъ на водѣ. Если ихъ будетъ не достаточно мы сдѣлаемъ еще.

— Никакъ не могу понять,—зачѣмъ намъ туда плыть, если тамъ нѣтъ суши.

— Суша есть,—только я думаю, что очень далеко.—Намъ необходимо плыть въ ту сторону,—иначе мы никогда не выберемся изъ гапо. Если же мы въ немъ останемся, то умремъ съ голода, или просто отъ истощенія. Мы мѣсяцами будемъ блуждать по лѣсу, не находя выхода. Послушайтесь меня, господинъ, и поплывемъ дальше съ восходомъ солнца.

Съ гибелью судна отношенія между Треваньовомъ и индѣйцемъ совершенно измѣнились. Теперь этотъ послѣдній сталъ главнымъ руководителемъ и бывшій руководитель всегда подчинялся его рѣшеніямъ. Такъ случилось и въ этотъ разъ. На

разсвѣтѣ наши путешественники двинулись въ путь, указанный наканунѣ индѣйцемъ.

Кругомъ была непроглядная тьма, ни одинъ лучъ не проникалъ сквозь чащу деревьевъ.

Подобно обезьянамъ наши путешественники пробирались по верхушкамъ деревьевъ; однако они въ значительной степени уступали этимъ животнымъ, какъ въ быстротѣ такъ и ловкости движеній. Послѣ долгой и утомительной гимнастики (имъ приходилось и прыгать, и взбираться на верхушки, и сползать внизъ), они добрались наконецъ до опушки лѣса; тутъ они увидѣли то громадное водное пространство, о которомъ говорилъ имъ Мундруку. Глаза ихъ наконецъ отдохнули послѣ темноты, въ которой имъ приходилось пробираться по лѣсу.

— Мнѣ очень интересно, Мунди,—сказалъ Треваньовъ, что ты придумаешь, чтобъ переправить насъ на ту сторону?

— Но вѣдь я же сказалъ вамъ,—мы опять поплывемъ.

— Это невозможно, — до того берега не менѣе десяти миль.—Тамъ съ трудомъ можно разобрать деревья.

— Развѣ мы уже не проплыли столько-же, послѣ того какъ буря разбила лодку?

— Да,—но мы не разъ отдыхали въ это время. Тутъ же намъ не одинъ день придется пробыть на водѣ.

— Очень можетъ быть,—но если мы этого не сдѣлаемъ, то намъ придется пять,—шесть мѣсяцевъ пробыть на этихъ деревьяхъ, питаясь только кокосовыми орѣхами, да плодами. Мы окончательно потеряемъ силы, и попадаемъ другъ за другомъ въ воду, или въ пасть крокодила.

Треваньовъ не могъ возражать на такіе доводы индѣйца.

Теперь нужно было хорошенько отдохнуть и запастись силами на слѣдующій день; путешественники выбрали для этой цѣли самое удобное дерево. Къ несчастью имъ не удалось подкрѣпиться какъ слѣдуетъ; дичь они доѣли наканунѣ, и у нихъ оставались лишь бразильскіе орѣхи.

Немножко закусивъ Мундруку и Ричардъ стали дѣлать себѣ плавательные пояса. Имъ предстояло длинное и тяжелое путешествіе и пренебрегать теперь вспомогательными средствами было бы очень рискованно.

Треваньовъ, между тѣмъ, старался развлечь дѣтей разговорами.

— Посмотрите, точно озеро,—сказалъ онъ, указывая на воду.

— Это и есть озеро,—замѣтилъ индѣецъ,—оно только стало гораздо больше, благодаря разливу.

— Почему ты это думаешь?

— По многимъ признакамъ.—Во-первыхъ, еслибъ это не было озеро, то надъ водою возвышались бы деревья,—а во-вторыхъ я вижу тамъ «піозоку»; и это уже ясно доказываетъ что тутъ озеро.

Говоря это, Мундруку указывалъ на два темныхъ предмета, которыхъ до того времени никто не замѣчалъ. Присмотрѣвшись внимательно можно было ясно различить двухъ большихъ птицъ, напоминающихъ собою журавлей. Онѣ были темныя съ красноватыми крыльями, отливавшими на солнцѣ зеленымъ цвѣтомъ. Путешественники замѣтили въ ихъ сложеніи нѣкоторыя особенности; такъ, напримѣръ, съ верхней части туловища, около крыльевъ, у нихъ были большіе острые отростки, въ видѣ шпоръ, а длинныя и тонкія ноги оканчивались огромными лапами, которыя въ видѣ звѣздъ изъ четырехъ лучей, лежали горизонтально на поверхности воды. Птицы эти представляли собою странное зрѣлище; онѣ не погружались въ воду, а стояли на ея поверхности, точно на льду. Особенно же они поразили нашихъ путешественниковъ, когда побѣжали въ разныя стороны, точно онѣ были не на водѣ, а на сушѣ.

— Неужели онѣ ходятъ по водѣ? — спрашивали индѣйца его спутники.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—онѣ бѣгаютъ по водяной лиліи, называемой Викторія Регія. Ея листья съ загнутыми краями напоминаютъ собою огромныя сковороды.

Птица, которую индѣецъ называлъ піозокою водится какъ въ Африкѣ такъ и въ Америкѣ.

Наши путешественники не замѣтили какъ индѣецъ спустился съ дерева и поплылъ подъ вѣтками прямо къ птицамъ; но вотъ они увидѣли, какъ онъ крѣпко схватилъ за ноги одну изъ нихъ. Другая съ громкимъ крикомъ полетѣла къ лѣсу. Вскорѣ на деревѣ загорѣлся костеръ, а вслѣдъ за нимъ появилось и жаркое. Закусивъ мясомъ жареной птицы, путешественники легли спать.

На разсвѣтѣ всѣ поднялись и снова отправились въ путь. Плавательные пояса были пересмотрѣны индѣйцемъ, такъ какъ малѣйшая дырочка могла повлечь за собою самыя печальныя послѣдствія. Мунди покрылъ орѣховую скорлупу вторымъ слоемъ каучука и тщательно осмотрѣлъ связки, которыя составля-

ли самый поясъ. Наши путешественники пустились въ плаванье далеко не въ веселомъ настроеніи. Ясно было, что и Мундруку совсѣмъ не увѣренъ въ благополучномъ исходѣ предложеннаго имъ путешествія. Большую обезьяну рѣшили оставить въ лѣсу такъ какъ тащить ее на плечахъ было бы очень тяжело.

Даже Типперари Томъ отказался отъ нея, несмотря на ея сильную привязанность къ нему; онъ не могъ забыть какъ обезьяна чуть не задушила его своимъ хвостомъ, когда они плыли къ лѣсу. Тихонько спустился онъ съ дерева и поплылъ впереди всѣхъ. Путешественники были уже далеко, когда животное замѣтило ихъ отсутствіе. Убѣдившись, что его покинули, оно стало жалобно кричать.

Попугай, тоже предоставленный самому себѣ, не пожелалъ оставаться въ обществѣ обезьяны. Онъ полетѣлъ вслѣдъ за пловцами и снова занялъ свое любимое мѣсто на курчавой головѣ негра. Хотя Мозею не особенно лестно было такое предпочтеніе, тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ ему подчиниться.

Путешественники наши подбодрились; плыть было довольно легко и они уже сдѣлали больше мили. Плавая все время съ такою скоростью они смѣло могли добраться до противоположнаго берега до заката солнца.

Веселое настроеніе ихъ однако скоро измѣнилось. Мундруку нахмурилъ брови и радостныя надежды тотчасъ же покинули его спутниковъ. Индѣецъ то и дѣло оглядывался. Безпокойство его передалось Треваньову и онъ тоже сталъ посматривать назадъ; однако онъ ничего не видалъ тамъ, кромѣ верхушекъ деревьевъ, да и тѣ уже были едва замѣтны.

— Что ты все оглядываешься, Мунди?—спросилъ онъ индѣйца.—Можетъ быть намъ грозитъ снова опасность?—Я положительно ничего тамъ не вижу, кромѣ верхушекъ деревьевъ, да и тѣ уже пропадаютъ.

— Въ этомъ то и бѣда; скоро мы ихъ потеряемъ изъ виду и тогда.... признаюсь,—господинъ, что тогда дѣло будетъ плохо. —Я совсѣмъ не подумалъ объ этомъ, отправляясь въ путь.

— Ахъ,—я понимаю, что ты хочешь сказать.—До сихъ поръ ты плылъ по деревьямъ и, потерявъ ихъ изъ виду ты боишься заблудиться?

— Да, господинъ мой. Тогда только Великій Духъ можетъ насъ спасти.

Вдругъ онъ быстро поплылъ впередъ; онъ желалъ убѣдиться, удастся ли ему плыть въ прямомъ направленіи, не руководству-

ясь ничѣмъ. Обогнавъ товарищей саженъ на сто, онъ снова оглянулся. Дерево, на которомъ они ночевали, было прямо противъ него. Опытъ удался какъ нельзя лучше, и индѣйца снова озарила надежда благополучно добраться до противоположнаго берега.

Успокоивъ своихъ спутниковъ онъ попросилъ ихъ какъ можно скорѣе слѣдовать за нимъ. Онъ нѣсколько разъ останавливался и провѣрялъ себя; при послѣдней остановкѣ онъ посовѣтовалъ товарищамъ держаться ближе другъ къ другу, плыть тише, чтобы не утомляться и не останавливаться для отдыха и наконецъ все время молчать.

Всѣ безпрекословно повиновались ему. Тишину нарушалъ только плескъ воды, да изрѣдка надъ ними проносился крикъ орла.

Но вотъ они наплыли на трупъ большой обезьяны и уистити, сидѣвшая на плечахъ Ричарда, подняла жалобный вой. Обезьянка дрожала всѣмъ тѣломъ. Она думала, вѣроятно, что и ей грозитъ та же участь. Но такъ какъ никто не обращалъ на нее вниманія, то она скоро замолкла и надъ водою воцарилось молчаніе.

Прошло еще полчаса. Вдругъ уистити вытянулась во весь ростъ и снова жалобно завыла.

Желая узнать, что безпокоитъ обезьянку, пловцы осмотрѣлись и увидали въ десяти шагахъ отъ нея другой трупъ. Они подумали, что въ лагунѣ утонуло нѣсколько обезьянъ.

Однако индѣецъ не раздѣлялъ ихъ мнѣній и посовѣтовалъ имъ остановиться. Плывя мимо первой обезьяны, онъ замѣтилъ на ея трупѣ нѣкоторыя особенности. Тѣ же особенности онъ нашелъ и на трупѣ второй обезьяны. Словомъ, они второй разъ встрѣчали одинъ и тотъ же трупъ. Обстоятельство это ясно доказывало, что они уклонились отъ прямой линіи и, описавъ кругъ, снова возвращались къ тому мѣсту, отъ котораго плыли; трупъ обезьяны не могъ догнать ихъ, передвигаясь только по теченію и отъ вѣтра.

— Мы заблудились, господинъ,—сказалъ Мундруку.—Полчаса тому назадъ мы были на этомъ самомъ мѣстѣ. Вѣрно такъ угодно Великому Духу. Здѣсь оставаться больше нельзя,—поплывемъ опять къ деревьямъ.

— До нихъ теперь не трудно добраться—сказалъ Треваньовъ.

Мундруку сомнительно покачалъ головой. Треваньовъ за-

думался. Онъ понялъ, что они напрасно кружились на одномъ мѣстѣ и, что если такъ будетъ дальше, то они не скоро доберутся до деревьевъ.

Индѣецъ то и дѣло высовывался изъ воды; онъ напоминалъ собою охотничью собаку, выслѣживающую дичь. Судя по отчаянью, которое выражалось на его лицѣ, товарищи не должны были ожидать ничего хорошаго. Увидя, что индѣецъ взвалилъ себѣ на плечи мертвую обезьяну, они поняли, что онъ запасается провизіей, и что, слѣдовательно, имъ предстоитъ еще долгое путешествіе. Онъ просилъ спутниковъ не оставать отъ него и несмотря на то, что онъ уже разъ ошибся, товарищи все-таки слѣдовали за нимъ; больше вѣдь имъ ничего не оставалось.

Благодаря плавательнымъ поясамъ, они могли долго держаться на водѣ. Жажду они могли легко утолить, голода пока не ощущали; они хорошо закусили мясомъ жареной птицы и бразильскими орѣхами. Но что будетъ дальше?—это заставляло ихъ призадуматься.

XI.

Теперь нечего было и думать о томъ, чтобы переплыть лагуну; слѣдовало только какъ можно скорѣе выбраться изъ нея. Путешественники желали съ какой бы то ни было стороны доплыть до лѣса, но и это было не такъ легко. Глядя на безпокойство и озабоченный видъ своего вожака, путешественники думали, что имъ не добраться даже до затопленнаго лѣса. Они могли кружиться какъ въ водоворотѣ, до тѣхъ поръ пока не обезсилѣютъ, а тамъ ихъ ожидаетъ голодъ и смерть. Слабые, неспособные защищаться, они попадутъ въ пасть какого нибудь чудовища, или же будутъ растерзаны хищными птицами. Въ крикахъ орла, летѣвшаго надъ ними, имъ слышалось уже торжество побѣдителя; казалось, страшная птица понимаетъ, что они должны погибнуть.

Было, вѣроятно, около полудня. Съ самаго утра небо покрылось свинцовыми тучами и солнца совсѣмъ не было видно. Но вотъ стало свѣтлѣть и Мундруку оживился.

— Если солнце покажется,—все будетъ хорошо, господинъ, —отвѣчалъ онъ на вопросы Треваньова. Теперь пока пользы отъ него нѣтъ, но черезъ часъ появится тѣнь и тогда мы смѣло поплывемъ впередъ.—Не бойтесь. къ вечеру мы выберемся отсюда.

Можно себѣ представить, какъ обрадовали всѣхъ слова индѣйца.

— Мнѣ кажется, — продолжалъ Мундруку, что намъ не мѣшало бы теперь остановиться и отдохнуть пока не выяснится направленіе по тѣни отъ солнца.—Продолжая плыть, мы рискуемъ уклониться отъ надлежащаго пути.

Усталые пловцы охотно приняли предложеніе товарища. Мундруку еще разъ высунулся изъ воды, чтобъ взглянуть нѣтъ-ли гдѣ деревьевъ, но убѣдившись, что кругомъ ничего не видно, онъ снова поплылъ.

Прошло около часа. Пловцы, словно на зеленомъ лугу, отдыхали на своемъ водяномъ ложѣ, не спуская глазъ съ неба. Судьба ихъ была теперь въ его рукахъ; покройся оно снова тучами и положеніе ихъ станетъ еще хуже прежняго, такъ какъ они съ отдыхомъ потеряли много времени. Мундруку тоже смотрѣлъ на небо и старался опредѣлить солнечный путь.

Вдругъ онъ попросилъ всѣхъ лежать спокойно и когда поверхность воды стала совершенно гладкая, онъ вынулъ изъ кармана ножъ и поставилъ его вертикально надъ водою; подобно ученому, со страхомъ слѣдящему за результатомъ какихъ нибудь сложныхъ опытовъ, онъ слѣдилъ за своимъ ножомъ. Вскорѣ онъ разглядѣлъ тѣнь и былъ совершенно удовлетворенъ. Сначала тѣнь эта была едва замѣтна, но затѣмъ она стала дѣлаться все длиннѣе и длиннѣе. Опредѣливъ съ помощью тѣни страны свѣта индѣецъ спряталъ ножъ; онъ попросилъ товарищей слѣдовать за нимъ и поплылъ на востокъ. Отъ времени до времени онъ останавливался и повторялъ свой опытъ съ ножомъ, чтобы убѣдиться, что плыветъ въ надлежащемъ направленіи. Скоро, однако, ему уже не надо было прибѣгать къ этому опыту, такъ какъ на горизонтѣ показался лѣсъ.

Солнце садилось, когда они подплыли къ деревьямъ и стали взбираться на нихъ. Если бы они не были такъ измучены и не стремились бы какъ можно скорѣе выбраться изъ воды, они очень огорчились бы, увидѣвъ, что находятся на томъ же мѣстѣ, гдѣ провели прошлую ночь.

Потонувшая обезьяна, которую Мунди захватилъ на лагунѣ, пошла имъ на ужинъ. Въ то время какъ они взбирались на дерево, произошелъ интересный случай, о которомъ нельзя не упомянуть. Съ дерева вдругъ послышались какіе то странные крики, напоминавшіе собою крикъ обезьяны коаиты. Дѣйствительно, ихъ радостно привѣтствовало покинутое ими животное.

Коаита была такъ счастлива при видѣ ихъ, что забыла даже на нихъ разсердиться.

Измученные безрезультатнымъ плаваньемъ, путешественники просидѣли на деревѣ до слѣдующаго полудня. Ихъ дальнѣйшая участь приводила ихъ въ отчаяніе.

Однако, по мѣрѣ того, какъ тѣло отдыхало, нервы тоже успокаивались и путешественники наши становились бодрѣе. Скоро они принялись обсуждать, какъ выйти изъ тяжелаго положенія. Не пуститься ли снова въ путь? Не попробовать ли еще разъ переплыть лагуну? Но едва ли можно было надѣяться на большій успѣхъ, чѣмъ наканунѣ. Они и второй разъ могли также заблудиться, какъ первый и плаванье ихъ могло кончиться не такъ благополучно какъ этотъ разъ. Всѣ говорили, кромѣ Мундруку. Индѣецъ не высказывалъ никакого мнѣнія; его молчаніе и сумрачный видъ ясно говорили о томъ, что онъ былъ страшно огорченъ вчерашней неудачей. Хотя никто и не думалъ упрекать его въ этой неудачѣ, однако, всеобщее довѣріе къ нему сильно поколебалось.

На этотъ разъ планъ дѣйствій былъ составленъ самимъ Треваньовомъ. Всѣ были согласны съ тѣмъ, что земля находилась по ту сторону лагуны; слѣдовательно, нужно было во чтобы то ни стало добраться до ея противоположнаго берега. Плыть больше никто не рѣшался. Пробираться по деревьямъ нечего было и думать; хотя на всемъ пути деревья росли очень близко другъ отъ друга, но на такое путешествіе понадобилось бы недѣли, а можетъ быть даже и мѣсяцы.—А развѣ возможно прокормиться въ теченіи такого времени?

Итакъ переплыть лагуну было невозможно, подвигаться впередъ по деревьямъ тоже, слѣдовательно оставалось только плыть вдоль опушки потонувшаго лѣса, подъ тѣнью деревьевъ, на которыхъ въ случаѣ надобности можно было отдохнуть и провести ночь. Мнѣніе это было единодушно принято всѣми путешественниками. Даже индѣецъ призналъ эту мысль гораздо удачнѣе своего вчерашняго предложенія.

Для выполненія этого плана не требовалось никакихъ особыхъ приготовленій: нужно было только, одѣвъ пояса, спуститься въ воду и все время плыть возлѣ деревьевъ.

Всѣ тотчасъ же пустились въ путь.

Пловцы дѣлали около мили въ часъ. Если бы они могли плыть безъ остановки, то подвигались бы въ день миль на десять, на двѣнадцать и дня черезъ два, черезъ три, они были бы

на той сторонѣ лагуны; однако это было невозможно и они отъ времени довремени останавливались и, ухватившись за вѣтки, отдыхали.

Плаванью ихъ сильно мѣшала огромная водяная лилія, о которой упоминали выше; ея круглые листья лежали на поверхности воды одинъ около другого, а толстые стебли такъ крѣпко переплетались между собою, что плыть между ними не было никакой возможности. Огромныя пространства были усѣяны этими лиліями. Пловцамъ не разъ приходилось изъ за нихъ дѣлать крюкъ, описывая круги въ нѣсколько саженъ. Вотъ почему они за весь день проплыли только три мили.

Мысль о привалѣ возникла у нихъ не потому, что было уже поздно, или что они очень устали, а просто потому, что всѣ были ужасно голодны.

— Мнѣ очень хочется ѣсть, господинъ,—сказалъ Мундруку,—надо бы подумать объ ужинѣ.

— Что же у насъ будетъ на ужинъ?—спросилъ Треваньовъ.

—Тутъ много дервьевъ, но кромѣ листьевъ на нихъ ничего нѣтъ.

—Что же мы можемъ ѣсть?

— У насъ будетъ молоко на ужинъ,—если вы позволите остановиться на одномъ изъ деревьевъ, недалеко отсюда.

— Молоко!—съ удивленіемъ воскликнулъ Типперари Томъ.

—Неужели, Мунди, тебѣ доставляетъ удовольствіе дразнить насъ? Какое тутъ можетъ быть молоко, когда намъ нужно пройти по крайней мѣрѣ сто миль, чтобъ добраться до хвоста коровы?

— Ты ошибаешься, Томъ; въ гапо какъ и на сушѣ тоже водятся коровы. Только эти коровы не съ ногами и хвостами; она совсѣмъ особенная. Ихъ тутъ много. Ты, навѣрно, видѣлъ ихъ, когда мы спускались по рѣкѣ.

— Ты говоришь, вѣроятно, о морской коровѣ? спросилъ Томъ, полагая, что индѣецъ подразумѣвалъ подъ этимъ названіемъ большую породу тюленя, ламантина, которая часто встрѣчается на Амазонкѣ.—Да и то,—продолжалъ ирландецъ,—подоить ее въ то время, какъ она плыветъ, довольно мудрено. Вотъ если бъ намъ удалось поймать такую корову!—Впрочемъ, тогда было-бы ужъ не до молока, мы гораздо охотнѣе полакомились бы ся мясомъ.

— Вотъ тамъ,—сказалъ Мундруку, указывая на верхушки деревьевъ, стоитъ корова, которая снабдитъ насъ не только молокомъ, но и хлѣбомъ.—Неужели вы не видите массарандубы?

Всѣ посмотрѣли въ сторону, указанную индѣйцемъ. Сначала никто не замѣтилъ ничего особеннаго. Надъ водою поднималась цѣлая стѣна изъ всевозможныхъ листьевъ. То тутъ, то тамъ изъ общей массы выдѣлялись нѣкоторыя верхушки деревьевъ. Слѣдуя указаніямъ вожака, путешественники замѣтили наконецъ особенное дерево; оно было настолько выше другихъ, что имѣло видъ великана, стоящаго посреди пигмеевъ.

Это и была амазонская массарандуба, одно изъ замѣчательнѣйшихъ деревьевъ, даже въ такомъ лѣсу, гдѣ встрѣчаются самыя разнообразныя и необыкновенныя растенія.

Только Треваньовъ и Ричардъ знали какимъ образомъ дерево можетъ снабдить хлѣбомъ и молокомъ; для другихъ же это было совершенно непонятно. Молодой человѣкъ съ радостью смотрѣлъ на дерево, которое обѣщало имъ хорошій ужинъ.

Массарандуба—это знаменитое «palo de vaca», или деревокорова. Оно извѣстно еще подъ названіемъ «arbol del leche», или «молочное дерево», и растетъ въ Южной Америкѣ. Гумбольдъ описывалъ его подъ названіемъ «galactodendron», а впослѣдствіи ботаники назвали его «brosimum». Оно принадлежитъ къ тому же семейству крапивныхъ, къ которому относится и хлѣбное дерево. Но еще удивительнѣе то, что къ этому семейству принадлежитъ и знаменитый анчаръ, древо смерти. Какъ въ одной семьѣ бываютъ часто и добрыя, и злыя дѣти, такъ и къ одному семейству принадлежатъ не только деревья, дающія здоровую пищу, но и такія, въ соку которыхъ заключается одинъ изъ злѣйшихъ ядовъ.

Массарандуба не единственный представитель такъ называемыхъ молочныхъ деревьевъ. Къ этому виду принадлежатъ и другія деревья, сокъ которыхъ похожъ на молоко, и болѣе, или менѣе безвреденъ. Нѣкоторыя изъ нихъ даютъ очень вкусное и питательное молоко, какъ напримѣръ: clusia, сем. лютиковыхъ, и др.

Массарандуба одно изъ самыхъ большихъ деревьевъ на Амазонкѣ; оно бываетъ болѣе двухсотъ футовъ вышины, при чемъ верхушка его имѣетъ видъ огромнаго купола. Иногда изъ него получаются бревна въ сто футовъ длины. Дерево это очень крѣпкое.

Какъ большинство американскихъ деревьевъ, массарандуба растетъ въ одиночку, такъ что на разстояніи мили, можно встрѣтить два, три, очень рѣдко шесть такихъ деревьевъ. Его легко узнать по красноватой, шершавой корѣ, изъ которой

индѣйцы приготовляютъ темно-красную краску. Плодъ его, величиною въ яблоко, очень сочный и вкусный. Его то Мундруку и имѣлъ въ виду, говоря о хлѣбѣ своимъ голоднымъ товарищамъ. Однако, главное значеніе имѣетъ не плодъ, а сокъ этого дерева; стоитъ только сдѣлать на корѣ надрѣзъ и оттуда потечетъ бѣлая жидкость, сильно напоминающая собою молоко. Если-бы не бальзамическій запахъ этого сока можно было бы подумать что это настоящее густое коровье молоко. Постоявъ немного на воздухѣ, сокъ сгущается и образуетъ нѣчто похожее на сыръ. Чтобъ оно не густѣло нужно подлить къ нему воды. Туземцы ѣдятъ его съ маисовымъ хлѣбомъ. Его употребляютъ также съ чаемъ, кофе и шоколадомъ. Многіе изъ за бальзамическаго аромата предпочитаютъ его настоящимъ сливкамъ.

Молоко масарандуба въ большомъ ходу среди испанцевъ и португальцевъ Южной Америки. Оно никогда не приносило никому вреда; вотъ почему молочное дерево причисляется не только къ самымъ необыкновеннымъ, но и къ самымъ полезнымъ произведеніямъ щедрой природы.

Къ этому то дереву и направились наши путешественники. Оно стояло въ глубинѣ лѣса, такъ что отъ опушки пришлось проплыть до него ярдовъ двѣсти. Какъ и слѣдовало ожидать, стволъ и вѣтви этого дерева были обвиты чужеядными растеніями, изъ которыхъ большинство составляли ліаны. По этимъ послѣднимъ путешественники легко взобрались на дерево и прекрасно устроились на немъ. Толстые, продолговатые, съ заостренными концами, листья защищали ихъ отъ солнца. Дерево было сплошь покрыто плодами; эти яблоки всѣмъ очень понравились. Впрочемъ, еслибы даже они и не были вкусны, то и тогда голодные и усталые путешественники нашли бы ихъ превосходными.

Мунди прежде всего позаботился объ угощеніи товарищей; съ этою цѣлью онъ сдѣлалъ своимъ ножомъ около дюжины надрѣзовъ въ корѣ молочнаго дерева и къ каждому изъ нихъ подставилъ скорлупу орѣха сапукайи, отвязавъ ее отъ плавательныхъ поясовъ.

Результаты этой операціи не заставили себя ждать. Не прошло и двадцати минутъ послѣ нея, какъ каждый изъ путешественниковъ уже наслаждался великолѣпными сливками.

Всѣ были такъ рады поужинать, что никому и въ голову не приходило позаботиться о томъ, чѣмъ они будутъ питаться

завтра, но индѣецъ сообщилъ имъ, что и на слѣдующій день они могутъ получить такую же вкусную пищу.

Это счастливое открытіе ободрило ихъ; они рѣшили, что Провидѣніе, такъ неожиданно пришедшее имъ на помощь, печется о нихъ и что оно оградитъ ихъ отъ всѣхъ опасностей, которымъ они будутъ подвергаться во время путешествія. Всѣ были хорошо настроены и много говорили. Главной темой для разговора послужило, конечно, дерево, которое въ этотъ вечеръ пріютило и накормило ихъ. Ричардъ разсказалъ, что въ Парѣ негритянки продаютъ на рынкахъ не только плоды этого дерева, но и молоко, и что это молоко прекрасно замѣняетъ клей. Сломается ли гитара, или скрипка, разобьется ли фарфоръ, стоитъ только помазать ихъ сокомъ массарандуба и вещь склеится; мало того, она, будучи склеена, прекрасно переноситъ и жаръ и сырость.

Другая интересная особенность этого сока заключается въ томъ, что его можно получить и послѣ того, какъ дерево срубятъ; въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ рабочіе лѣсопильнаго завода добываютъ для своего кофе сливки изъ бревенъ массарандуба. Въ противоположность обыкновеннымъ коровамъ, дерево это даетъ молоко и послѣ смерти.

Солнце уже зашло, и собесѣдники рѣшили, что пора отдохнуть. Только что они принялись устраиваться на ночь, какъ вдругъ произошло обстоятельство, которое помѣшало имъ лечь спать.

Когда путешественники поплыли вдоль лѣса, коаита осталась на деревѣ. Даже ея любимецъ Томъ не позаботился о ней. Ловцы рѣшили, что обезьяна прекрасно проживетъ и безъ нихъ въ потонувшемъ лѣсу и нисколько не жалѣли, что бросили ее; тѣмъ не менѣе когда вблизи массарандуб[illegible] послышался ея крикъ, всѣ очень обрадовались. Вскорѣ [illegible] появилась на томъ деревѣ, на которомъ сидѣли [illegible] ственники и тотчасъ же бросилась къ Тому. [illegible] животное, не теряя пловцовъ изъ виду, слѣдовало [illegible] деревьямъ. Послѣ разлуки всѣ были рады коаитѣ [illegible] старался приласкаться.

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи.

XII.

Поблагодаривъ Бога за спасенье, путешественники легли спать. На слѣдующій день они снова пустились въ плаванье. Какъ и наканунѣ, путь ихъ то и дѣло заграждали заросли Вик-

торіи регіи; несмотря на всѣ старанія они проплыли до полудня всего лишь три мили. Оглянувшись они могли еще ясно разсмотрѣть массарандубу. Даже подъ вечеръ, проплывъ около десяти миль, они не потеряли еще изъ виду этого огромнаго дерева.

Съ закатомъ солнца они остановились. Однако, кругомъ не было видно ни одного подходящаго дерева, на которомъ они могли бы отдохнуть. Между деревьями, плотно прижавшимися другъ къ другу, нельзя было найти ни одного большого, горизонтальнаго сука, на которомъ можно было бы расположиться на ночь. Приходилось ночевать въ водѣ. Положеніе было предпріятное, къ тому же индѣецъ зналъ, что оно могло повлечь за собою весьма серьезныя послѣдствія. Провести ночь въ водѣ очень рискованно даже не подъ тропиками. Слѣдовало во чтобы то ни стало, какъ нибудь устроиться хоть на верхушкахъ деревьевъ.

Такъ они и сдѣлали, хотя это стоило имъ большого труда. Вѣтви были такъ тонки, что не было никакой возможности лечь на нихъ; приходилось все время держаться и стараться не спать, чтобъ не упасть въ воду

Съ разсвѣтомъ пытка эта кончилась. Они снова пустились въ путь, но плыли такъ медленно, какъ никогда, потому что силы ихъ все уменьшались, а препятствія, въ видѣ различныхъ водяныхъ растеній,—увеличивались. Лагуна у самаго берега была сплошь покрыта водорослями. Ко всему этому нужно еще прибавить, что они со вчерашняго вечера ничего не ѣли и [illegible] сильно мучилъ ихъ.

[illegible] увидѣли на поверхности воды какой то странный предметъ. Казалось, что онъ былъ въ четверти мили отъ [illegible] длина его достигала двѣнадцати ярдовъ. Отъ воды до [illegible]няго края было около шести футовъ. Предметъ этотъ былъ темнаго цвѣта и походилъ на сухую, илистую мель, на которой торчали какіе то огромные колья. Сердца пловцовъ радостно забились. Имъ такъ хотѣлось вѣрить, что это не мель, а часть материка! Вѣроятно, это только островокъ, такъ какъ онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ водою. Ничего! Лишь бы только это была суша, они такъ выспятся на ней, какъ не спали еще ни разу со дня гибели галатеи. Кромѣ того, островокъ этотъ доказывалъ близость материка.

Высунувшись изъ воды, Мундруку внимательно разгляды-[illegible]

очень далеко. Несмотря на такое непріятное извѣстіе пловцы не падали духомъ и изо всѣхъ силъ стремились къ темному предмету, породившему въ нихъ столько радостныхъ надеждъ. Вдругъ то, что они принимали за колья, отдѣлилось отъ земли и оказалось просто на просто темными птицами. Распустивъ свои широкія, треугольныя крылья, они летали надъ головами путешественниковъ и своимъ крикомъ, казалось, выражали полное удивленіе. Присутствіе птицъ еще болѣе подтверждало, что темная масса дѣйствительно часть суши.

Однако, когда они подплыли ближе къ темному предмету и когда до него оставалось всего лишь сто ярдовъ, они узнали, наконецъ, что жестоко ошиблись.

— Это не земля!—вскричалъ индѣецъ съ отчаяніемъ въ голосѣ.—Это ни островокъ, ни мель, ни какая другая часть суши, а просто палое дерево!

— Что же это значитъ?—спросилъ Треваньовъ.

— Старое дерево, монгуба, засохло и упало; вѣтви его давно обвалились, а стволъ теченьемъ занесло сюда.

Никто не понималъ индѣйца. Слова его были ясны только одному Ричарду.

— Это стволъ упавшаго дерева,—дядя,—сказалъ онъ. По тому, какъ оно держится на водѣ, я уже вижу, что это дѣйстви[illegible] монгуба, какъ сказалъ Мунди. Кажется, стебли викто[illegible] ему плыть дальше.

[illegible] это было прервано радостнымъ крикомъ индѣйца; онъ чѣмъ то былъ ужасно доволенъ.

— Господи, Боже!—воскликнулъ онъ высовываясь изъ воды.—Господинъ мой, вѣдь Мундруку совсѣмъ сумасшедшій человѣкъ!—Гдѣ же у него голова?—Вѣроятно она потонула въ гапо вмѣстѣ съ галатеей!

— Пресвятая Богородица! Что съ нимъ?—спросилъ Типперари Томъ, на лицѣ котораго, какъ въ зеркалѣ, отразилась радость, свѣтившаяся въ глазахъ индѣйца. Ужъ не видитъ ли онъ землю?

— Въ чемъ дѣло, Мунди?—Почему ты называешь себя сумасшедшимъ?

— Подумайте только, господинъ мой, до какой степени я былъ глупъ, когда пришелъ въ отчаяніе при видѣ ствола сухого дерева! Да какого еще дерева! Огромной монгубы, изъ которой можно сдѣлать прекрасную лодку для всѣхъ насъ. С[illegible]за Великому Духу—мы спасены!

Не перегибайте книг при чтеніи.

— Дѣйствительно!—вскричалъ Треваньовъ, это как[illegible] то, что намъ было нужно. Изъ этого большого дерева мы м[illegible] сдѣлать лодку. Слава Богу! Теперь я могу надѣяться снов[illegible] дѣть родную Англію!

Тотчасъ же пловцы стали взбираться на плавающій с[illegible] Однако это не скоро имъ удалось, такъ какъ плавательны[illegible] са сильно мѣшали имъ и они не разъ снова падали в[illegible] Кромѣ того взбираться было довольно трудно еще и по то[illegible] чинѣ, что стволъ возвышался на шесть футовъ надъ вод[illegible] вотъ наконецъ, всѣ устроились на немъ и принялись его [illegible] сматривать. Это былъ стволъ дерева изъ рода Bombax и[illegible] мейства мальвовыхъ, дерево родственное съ баобабомъ и [illegible] чатникомъ.

Существуетъ нѣсколько видовъ американскаго бом[illegible] Деревья эти приносятъ большую пользу. Такъ, напримѣр[illegible] стволовъ монгубы, растущей въ лѣсахъ Амазонки выдѣль[illegible] лодки. Изъ одного ствола выходитъ огромная лодка, в[illegible] ющая двадцать бочекъ сахару и цѣлый экипажъ индѣ[illegible] Легкость,—отличительная черта этого дерева, а потому для [illegible] стройки судовъ оно положительно не замѣнимо.

Шелкъ, или хлопокъ, окружающій сѣмена этихъ поро[illegible] деревьевъ хотя и выглядитъ очень хорошо, но для выдѣл[illegible] всѣмъ не пригоденъ; онъ легко р[illegible] выпрясть нитки. Онъ продается [illegible] ка, и его употребляютъ обыкнове[illegible] вановъ и подушекъ. Индѣйцы, живу[illegible] ютъ его, на пыжи, при заряжаніи р[illegible]

Монгуба и другія родственныя деревья имѣютъ стр[illegible] особенность: на стволѣ ихъ часто образуются большіе на[illegible] Иногда на стволѣ хлопчатника можно встрѣтить два на[illegible] въ видѣ огромныхъ досокъ, покрытыхъ корой, какъ и само де[illegible] во и образующихъ нѣчто въ родѣ лошадинаго стойла. И[illegible] эти перегородки достигаютъ пятидесяти футовъ вышины.

Хлопковое дерево(populus angulata)и миссисипскій [illegible] рисъ (toxodium disctichum) имѣетъ туже особенность.

Монгуба является однимъ изъ интереснѣйшихъ дере[illegible] въ лѣсахъ Южной Америки. Огромные его размѣры, стра[illegible] наросты, сѣро-зеленая кора, громадныя вѣтви и роскошна[illegible] ство,—все это д[illegible] монгубу замѣтной даже въ такомъ

гдѣ растительное царство имѣетъ множество интереснѣйшихъ и самыхъ разнообразныхъ представителей.

Какъ разъ на стволѣ такого дерева, давно лишеннаго вѣтвей и листьевъ, наши путешественники и нашли себѣ пріютъ.

Впрочемъ нужно замѣтить, что ни одну нерадушную хозяйку гости такъ скоро не покидали, какъ путешественники наши покинули пріютившее ихъ дерево.

Читателю, конечно, кажется странной поспѣшность, съ которой они покинули убѣжище, такъ обрадовавшее ихъ сначала. Тѣмъ болѣе, что причиною этого быстраго отступленія было насѣкомое, величиною не больше муравья. Взобравшись на стволъ, путешественники принялись внимательно разсматривать его. Треваньовъ соображалъ, какъ лучше пустить въ ходъ это судно; на парусахъ, хотя устроить ихъ было довольно мудрено, или же на веслахъ, что сдѣлать гораздо легче?

— Токандейра! Токандейра!—вдругъ закричалъ индѣецъ и въ голосѣ его слышался ужасъ. Товарищи его страшно испугались. Невольно всѣ стали смотрѣть въ сторону, указанную индѣйцемъ. Въ противоположномъ концѣ ствола, въ углубленіи между двумя наростами, кора вдругъ измѣнилась. Она стала красная, какъ кровь и какъ будто дрожала.

— Токандейра!—повторялъ Мунди, указывая на это мѣсто

— Ужъ не эти-ли красненькія насѣкомыя нагнали на тебя такой страхъ?—спросилъ Треваньовъ.

— Да.—А вы знаете, что это за насѣкомыя?

— Это муравьи!

— Въ томъ-то и дѣло, господинъ мой,—это страшные жгучіе муравьи. Мы ихъ потревожили. Благодаря нашей тяжести, монгуба погрузилась въ воду и вода залила ихъ жилище. Это выгнало ихъ наружу и теперь они злѣе чорта. Господи, Боже! —Надо скорѣе бѣжать отъ нихъ, а то черезъ десять минутъ у насъ на кожѣ не останется живого мѣста, все будетъ искусано.

— Это правда, дядя, сказалъ Ричардъ. Мунди нисколько не преувеличиваетъ. Если эти насѣкомыя нападутъ на насъ, они закусаютъ насъ до смерти.—Надо скорѣе бросаться въ воду.

Тонъ, которымъ это было сказано, и видъ говорившаго, ясно доказывали, что все это правда. Между тѣмъ насѣкомыя широкой полосой подползали къ нашимъ путешественникамъ.

что дѣлать дальше. Никто не допускалъ и мысли объ уст
муравьямъ сухого дерева. Мундруку увѣрилъ товарищей,
насѣкомыя не будутъ преслѣдовать ихъ въ водѣ, а потому
отплыли отъ ствола лишь на нѣсколько футовъ и остановил
чтобъ обсудить свое положеніе.

Нужно было, во что бы то ни стало, прогнать муравьев
овладѣть монгубой. Насѣкомыя, между тѣмъ массами пок
вали ея кору. Мѣстами они двигались цѣлыми колоннами, к
солдаты, выступающіе въ бой.

Мундруку глубоко задумался.

— Какъ бы намъ отъ нихъ пзбавиться?—спросилъ Т
ваньовъ.

Индѣецъ молчалъ. Онъ твердо помнилъ урокъ, получен
имъ послѣ совѣта переплыть лагуну.

— Попробуемъ зажечь на деревѣ костеръ; огонь бы
истребитъ всѣхъ насѣкомыхъ,—сказалъ Типперари Томъ.

— Подумай только, Томъ, что ты говоришь.—Если ог
истребитъ насѣкомыхъ, то онъ несомнѣнно сожжетъ вмѣстѣ
ними и стволъ.—Что же въ этомъ будетъ хорошаго?

— Ну,—если огонь не годится, то не поможетъ ли намъ
да?—Попробуемъ потопить муравьевъ. Мундруку увѣряе
что они не умѣютъ плавать; значитъ, попавъ въ воду, они по
нутъ.

— Но какимъ же образомъ потопить ихъ?—спросилъ Т
ваньовъ.

— Ничего нѣтъ проще. Стоитъ только перевернуть ство
окунувъ его въ воду верхней стороной.

Пловцы одобрили эту мысль и принялись перевертыва
монгубу. Однако сдѣлать это было мудрено; во первыхъ, ство
самъ по себѣ былъ ужасно тяжелъ, а во вторыхъ, нижняя час
его разбухла отъ воды, да и наросты сильно мѣшали. Слово
удалось погрузить въ воду только незначительную часть вс
окружности. Пловцы работали руками и плечами, но не смот
на всѣ ихъ старанія стволъ только слегка наклонился, а пото
снова принялъ прежнее положеніе. Ясно было, что задача э
имъ не по силамъ и они хотѣли уже прекратить свои старані
какъ вдругъ крикъ одного изъ нихъ заставилъ товарищей бр
ситься прочь отъ ствола. Кричалъ Типперари Томъ и въ голос
его слышался не только испугъ, но и страданье.

Пловцы начали было осыпать вопросами своего товари

Не перегибайте книг при чтеніи.

но вдругъ сами стали также кричать, испытавъ на себѣ причину крика Типперари Тома. Оказалось, что въ то время когда они плечами напирали на стволъ, съ этого послѣдняго свалилось десятка два муравьевъ, которые спасались на нихъ отъ воды. Вмѣсто того, чтобы поблагодарить людей за спасеніе отъ вѣрной смерти, злыя насѣкомыя впились въ нихъ своими ядовитыми жалами, какъ бы желая отомстить имъ.

Пловцы метались во всѣ стороны и, то и дѣло, окунались съ головой. Хотя кожа ихъ была расцарапана до крови и сильно болѣла, но они все-таки рѣшили ни за что не уступать муравьямъ монгубы.

Нѣсколько минутъ всѣ думали о томъ, какимъ образомъ избавиться отъ враговъ, завладѣвшихъ плавающею колодою. Рѣшено было плыть снова къ опушкѣ лѣса и тамъ, во время отдыха на какомъ нибудь деревѣ обсудить этотъ вопросъ. Однако Типперари Томъ уже придумывалъ новый планъ дѣйствій.

— Если мы не можемъ прогнать насѣкомыхъ со ствола, то, навѣрно, намъ удастся смыть ихъ съ него водою.—Не правда ли, господинъ?

—Ты думаешь потопить ихъ, заливая водою?—спросилъ Ричардъ.

— Да,—господинъ.

— Это хорошая мысль,—попробуемъ послѣдовать твоему совѣту. И такъ за дѣло!—сказалъ Треваньовъ.—Окружимъ стволъ со всѣхъ сторонъ. Роза, ты будь тутъ. Трое изъ насъ встанутся на этой сторонѣ, а трое пойдутъ на ту.—Будемъ стараться плескать воду всѣ разомъ.

Темный цвѣтъ дерева вдругъ смѣнился багрово-краснымъ. Точно потоки крови потекли по всѣмъ направленіямъ.

По командѣ Треваньова, всѣ осаждающіе разомъ принялись плескать воду на дерево. Вода заливала весь стволъ, цѣлые ручьи пѣнились и бѣжали съ него, унося съ собою муравьевъ.

Успѣхъ обрадовалъ путешественниковъ; всѣ радостно кричали. Больше всѣхъ торжествовалъ Типперари Томъ. Онъ очень гордился своей выдумкой и съ удовольствіемъ принималъ благодарность товарищей.

XIII.

Дѣйствительно, на тѣлѣ у него было видно съ полъ сотни муравьевъ, которые жестоко кусали его. Товарищамъ нѣкогда было жалѣть ирландца, такъ какъ муравьи напали и на нихъ. Каждый изъ нихъ думалъ лишь о своемъ спасеніи и спѣшилъ отплыть какъ можно дальше отъ маленькихъ враговъ. По дорогѣ они захватили Розиту и направились къ деревьямъ.

Выбравъ дерево, на которое было легче взобраться, они усѣлись на его вѣтвяхъ. Надо было отдохнуть и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшить вопросъ какъ бы прогнать враговъ.

Однако солнце уже садилось, и путешественники ничего не могли предпринять до слѣдующаго дня. Приходилось опять ночевать на деревѣ; впрочемъ на этотъ разъ они могли расположиться довольно комфортабельно, такъ какъ чужеядныя растенія, переплетаясь между собою, образовали нѣчто похожее на гамаки. Всѣ были очень довольны своимъ новымъ убѣжищемъ, и тѣмъ, что Мунди, менѣе всѣхъ пострадавшій отъ муравьевъ, скоро приготовилъ имъ постели. Не прошло и двадцати минутъ послѣ ихъ бѣгства отъ муравьевъ, какъ вдругъ всѣ кромѣ Мунди и Розы, почувствовали сильнѣйшіе приступы лихорадки. Жгучіе муравьи жалятъ очень больно, почти такъ, какъ скорпіонъ. Страданія потерпѣвшихъ прекратились только нѣсколько часовъ спустя, когда подулъ прохладный вѣтерокъ. Лежа на своихъ воздушныхъ постеляхъ, они слушали Мунди, который разсказывалъ о странномъ обычаѣ, существующемъ въ его племени, и извѣстномъ подъ названіемъ «праздника Муравьевъ».

Когда юноша изъ племени Мундруку или родственнаго ему племени Махейе достигаетъ совершеннолѣтія, то онъ подвергается обыкновенно испытанію. Испытаніе это имѣетъ особенно важное значеніе, если юноша собирается быть воиномъ, или хочетъ занять какой нибудь важный постъ въ своемъ племени.

Оно принимается добровольно, но слѣдуетъ замѣтить, что молодой человѣкъ, не пожелавшій подвергнуться ему считается, если не совсѣмъ опозореннымъ, то по крайней мѣрѣ не достойнымъ уваженія и ни одна дѣвушка не согласится стать его женою.

Читатели знаютъ, конечно, что у нѣкоторыхъ племенъ индѣйцевъ сѣверной Америки существуетъ обычай, обрекать молодыхъ людей, претендующихъ на прозвище «храбрецовъ» на такіе подвиги, которые могутъ показаться прямо невѣроятными людямъ, мало знакомымъ съ характеромъ индѣйцевъ.

Вотъ что разсказывалъ своимъ товарищамъ Мундп по поводу испытанія, которое практикуется среди племени Мундруку.

Юноша выражаетъ готовность «одѣть перчатки». Ему тотчасъ же даютъ два пустыхъ цилиндра изъ пальмовой коры, закрытыхъ съ одного конца; глубина этихъ цилиндровъ такова, что въ нихъ можно засунуть руку по самое плечо. Прежде чѣмъ надѣть эти «перчатки» испытуемому, ихъ наполняютъ до половины самыми злыми муравьями, преимущественно «токандейра», по имени которыхъ называется и самая церемонія. Въ такихъ перчаткахъ, сопровождаемый огромною толпою народа, подъ звуки трубъ, барабановъ и другихъ музыкальныхъ инструментовъ, испытуемый обходитъ все селенье, при чемъ ему вмѣняется въ обязанность остановиться у каждой хижины и весело проплясать. Вообще онъ все время долженъ дѣлать видъ, что ему очень весело; онъ долженъ пѣть самыя веселыя пѣсни и при томъ такъ громко, чтобъ голосъ его покрывалъ музыку и крики толпы. Если юноша не перенесетъ этого испытанія и не съумѣетъ скрыть свои страданія, то онъ пропалъ. Всѣ будутъ презирать его и ни одна дѣвушка не пойдетъ за него замужъ. Не только онъ, но вся семья его считается опозоренной. Эти угрозы заставляютъ юношу стойко выдерживать тяжелое испытаніе; кромѣ того друзья и родственники стараются подбодрить его. Одѣвъ на себя ужасныя перчатки, испытуемый невыносимо страдаетъ. Руки его горятъ какъ въ огнѣ. Ядъ насѣкомыхъ проникаетъ къ нему въ жилы, глаза его горятъ, онъ весь въ поту, тяжело дышетъ, губы его бѣлѣютъ, но при всемъ этомъ онъ не смѣетъ даже стонать. Если же онъ выдастъ свои страданія,— онъ опозоренъ и не имѣетъ права сражаться за свое племя. Но вотъ, наконецъ, онъ доходитъ до «тучао» (начальника племени), который сидя поджидаетъ испытуемаго. Тутъ онъ собираетъ послѣднія силы и съ особеннымъ весельемъ начинаетъ плясать и пѣть громче прежняго, пока силы окончательно не покинутъ его. Тогда съ него снимаютъ перчатки и онъ падаетъ въ объятія своихъ друзей. Молодыя дѣвушки окружаютъ его и приносятъ ему свои поздравленія. По ему не до привѣтствій. Онъ спѣшитъ къ рѣкѣ, чтобы хоть немножко освѣжить въ ней свое воспаленное тѣло. Какъ только вода успокоитъ боль, онъ снова идетъ въ деревню и принимаетъ поздравленія. Теперь уже доказано, что онъ достоинъ стать въ ряды воиновъ. Онъ смѣло можетъ просить руки любимой дѣвушки и имѣетъ право увеличить число ужасныхъ трофеевъ, которые украшаютъ залъ [illegible]

ранія его племени, и благодаря которымъ храбрые индѣйцы получили у португальцевъ прозвище «decapitadous», т. е. головорѣзы.

Путешественники говорили не только о «токандейра», но и о другихъ породахъ муравьевъ, которые встрѣчаются въ лѣсахъ и долинахъ Амазонки.

Старикъ индѣецъ насчитывалъ до пятидесяти видовъ этихъ насѣкомыхъ; всѣ они имѣютъ различную форму, цвѣтъ и даже привычки. Естествоиспытатель, который пожелалъ бы подробно ознакомиться съ семействомъ муравьевъ, могъ бы найти богатый матеріалъ въ лѣсахъ Амазонки. Есть муравьи, которые живутъ только на поверхности земли, другіе же исключительно подъ землею; но есть и такіе, которые устраиваютъ свои гнѣзда на самыхъ высокихъ деревьяхъ. По роду пищи они тоже сильно отличаются другъ отъ друга. Есть между ними и плотоядные и травоядные.

Больше всѣхъ поражаютъ путешественниковъ Южной Америкѣ муравьи, называемые «саюба». Проходя по лѣсу или по полю, путешественникъ видитъ вдругъ огромное пространство, покрытое зелеными, движущимися листьями. Присмотрѣвшись внимательно, онъ видитъ, что муравьи тащутъ эти листья, при чемъ каждый изъ нихъ гораздо меньше своей ноши. Слѣдуя за ними, путешественникъ приходитъ къ дереву, гдѣ тысячи этихъ насѣкомыхъ занимаются тѣмъ, что разрываютъ листья на куски и бросаютъ ихъ товарищамъ, которые быстро подхватываютъ и уносятъ ихъ. Работа производится въ полномъ порядкѣ. Листья эти идутъ на постройку ихъ жилищъ. Между муравьями встрѣчаются и такіе, которые нисколько не похожи на трудолюбивыхъ саюба. Таковы, напримѣръ, насѣкомыя, называемыя, «фуражирами», которые не довольствуясь роскошной тропической растительностью, еще занимаются грабежомъ и нападаютъ на селенія другихъ муравьевъ.

«Ecioćus atrax», это муравьи—великаны, которые нападаютъ на обыкновенныхъ муравьевъ. Если по пути индѣйцу попадаются эти насѣкомыя, то онъ кричитъ: «Танока»! Такимъ образомъ онъ предупреждаетъ своихъ товарищей о появленіи этихъ, хотя и маленькихъ, но опасныхъ враговъ. Но все-таки самые интересные муравьи, по мнѣнію Мундруку, это токандейра. Старый индѣецъ въ свое время тоже подвергался вышеупомянутому испытанію и казалось, оно навсегда запечатлѣлось въ его памяти.

Лишь только стало свѣтать наши путешественники проснулись. Подкрѣпившись сыромъ, въ который обратилось молоко массарандубы, находившееся въ скорлупѣ орѣховъ, они снова стали думать о томъ, какъ бы овладѣть сухимъ деревомъ.

Къ величайшему удивленію ихъ, однако, дерево исчезло. По крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ они его оставили, его уже не было.

Съ появленіемъ первыхъ солнечныхъ лучей, туманъ, окутывавшій всю лагуну, разсѣялся, и вдали показался какой то темный предметъ. Монгуба вчера была всего лишь въ ста шагахъ отъ дерева, на которомъ они расположились на ночь. Куда же она могла дѣться?

— Вонъ она!—сказалъ Мундруку, въ то время, какъ всѣ обращались къ нему съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ.—Вонъ, вонъ тамъ, вдали между деревьями.—Видите, господинъ мой?

— Да,—вскричалъ Треваньовъ, это дѣйствительно сухая монгуба; но какъ она могла попасть туда?

— Вѣроятно ее отнесло теченіемъ,—сказалъ Ричардъ.

— Нѣтъ господинъ,—возразилъ индѣецъ, вы ошибаетесь. Теченья здѣсь нѣтъ; просто заливая дерево водой, мы помогли ему освободиться отъ стеблей викторіи, а ночью подулъ вѣтерокъ и погналъ монгубу въ ту сторону. Теперь она застряла тамъ подъ деревьями. Очень возможно, что муравьи переберутся на вѣтки того дерева, подъ которымъ остановилась монгуба; тѣмъ болѣе, что вѣтки эти такъ низко спускаются по сухому стволу.

— Почему ты это думаешь?

— Потому что сухая монгуба не можетъ служить имъ постояннымъ жилищемъ и они не могутъ всегда плавать по гапо. Токандейра живутъ на сушѣ и присутствіе ихъ здѣсь является чистѣйшей случайностью.—Вѣроятно, гнѣздо ихъ находилось въ этомъ деревѣ, когда оно лежало на землѣ; во время разлива оно всплыло и теченье унесло его. На деревьяхъ, возвышающихся надъ гапо, часто встрѣчаются муравьи, но только не токандейра.

Внимательно присмотрѣвшись къ плавающему дереву, путешественники замѣтили, что муравьи еще копошились на немъ. Красныя пятна не переставали двигаться. Казалось, насѣкомыя были въ такомъ же волненіи, какъ въ то время когда пловцы взобрались на ихъ территорію. Индѣецъ понялъ, наконецъ, причину безпокойства насѣкомыхъ; безпокойство это, вѣроятно, продолжалось всю ночь. Хотя сухой стволъ и находился

не далеко отъ дерева, но между нимъ и этимъ послѣднимъ все-таки было разстояніе въ нѣсколько футовъ. Зеленыя вѣтки довольно низко спускались надъ стволомъ, но чтобы добраться до нихъ, нужно было или плыть, или летѣть; ни того, ни другого муравьи не могли сдѣлать. Тѣмъ не менѣе они хотѣли во что бы то ни стало перебраться на дерево, которое спасло бы ихъ отъ опаснаго плаванья.

Путешественники внимательно слѣдили за насѣкомыми; они были увѣрены, что маленькіе обитатели сухой монгубы найдутъ наконецъ выходъ изъ своего затруднительнаго положенія и перебравшись на сосѣднее дерево, предоставятъ плавающій стволъ въ ихъ полное владѣніе.

Вдругъ они замѣтили, что на деревѣ, къ которому стремились токандейра, зашевелились вѣтки и между ними показалось какое то странное животное. Оно было величиною съ кошку. Туловище его оканчивалось большимъ хвостомъ, покрытымъ длинною шерстью. Голова у него была длинная, вытянутая и оканчивалась острымъ рыльцемъ. Глаза его были такъ малы, что ихъ съ трудомъ можно было различить. Изъ круглаго рта, безъ зубовъ, высовывался предлинный языкъ. Все тѣло животнаго было покрыто шелковистой шерстью, цвѣта соломы. Вдоль спины и по плечамъ тянулись темно-каштановыя полосы. Въ хвостѣ тоже перемѣшивались эти два цвѣта.

— Таммандуа!—вскричалъ Мандруку.

— Что это значитъ?—спросилъ Треваньовъ.

— Муравьѣдъ,—отвѣчалъ индѣецъ—животное, которое вы видите, принадлежитъ къ породѣ маленькихъ муравьѣдовъ, живущихъ въ вѣтвяхъ и переходящихъ съ дерева на дерево, отыскивая медъ, пчелъ, осъ и личинки. Ахъ!—сказалъ вдругъ индѣецъ, очевидно осѣненный какою-то новою мыслью, они не хотятъ перебраться на сосѣднее дерево! Какъ разъ наоборотъ.... они не знаютъ куда скрыться отъ таммандуа, который вотъ, вотъ бросится на нихъ.

Дѣйствительно животное спускалось по вѣткамъ, цѣпляясь за нихъ то когтями, то хвостомъ.

Но вотъ оно прыгнуло на монгубу и, припавъ къ ней, принялось слизывать муравьевъ. Около десяти минутъ муравьѣдъ то высовывалъ, то втягивалъ свой длинный языкъ и тысячи муравьевъ исчезали въ его маленькомъ беззубомъ рту. Но вотъ онъ наѣлся и сталъ высовывать свой длинный языкъ только въ томъ случаѣ, если замѣчалъ особенно жирныхъ и аппетитныхъ

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи.

насѣкомыхъ. Наконецъ онъ снова прыгнулъ на вѣтку сосѣдняго дерева и растянулся на ней. Обернувъ два—три раза свой длинный хвостъ вокругъ туловища и спрятавъ голову въ мохнатой шерсти, онъ заснулъ глубокимъ сномъ.

Засыпая, онъ былъ убѣжденъ, что токандейра не уйдутъ отъ него. Кругомъ была вода; не бросятся же они отъ одной опасности къ другой. Однако онъ жестоко ошибся.

Когда онъ проснулся, минутъ черезъ десять, и взглянулъ на плавающее дерево, чтобъ убѣдиться, что муравьи еще тамъ, онъ чрезвычайно удивился, не увидавъ ни одного насѣкомаго. Читатель, вѣроятно, будетъ удивленъ исчезновеніемъ токандейра не менѣе муравьѣда, особенно, когда онъ узнаетъ, что насѣкомыя не могли забраться въ дупло, такъ какъ оно было полно воды, и что отъ сосѣдняго дерева ихъ попрежнему отдѣляла вода.

Послѣ того, какъ муравьѣдъ, насытившись, покинулъ сухое дерево, муравьевъ тамъ оставалось безчисленное множество. Хотя врагъ уничтожалъ ихъ въ большомъ количествѣ, однако почти не было замѣтно, что ихъ стало меньше и дерево по прежнему было покрыто красными пятнами; теперь же оно снова приняло свой обычный, темно-сѣрый цвѣтъ.

Лишь нѣсколько сотъ муравьевъ ползало по стволу; по ихъ испуганному виду можно было понять, что они только что спаслись отъ какого то ужаснаго несчастья.

Вотъ что произошло во время сна муравьѣда. Лишь только животное расположилось на отдыхъ, какъ на деревѣ появилась маленькая птичка и стала перелетать съ вѣтки на вѣтку. Она не представляла изъ себя ничего особеннаго. Величиною со скворца, она была темно-сѣраго цвѣта съ голубоватымъ отливомъ. Ее нельзя было не замѣтить, такъ какъ, летая она все время громко кричала. Путешественники обратились къ индѣйцу съ вопросомъ, что это за птица?

— Это муравьиный дроздъ,—сказалъ онъ; вотъ было бы славно, еслибъ онъ замѣтилъ муравьевъ!... Ага!—вдругъ радостно вскричалъ индѣецъ, какъ будто увидѣвъ что то очень пріятное;—онъ навѣрное избавитъ насъ отъ токандейра.—Вы увидите, господинъ мой, что какъ только птица это замѣтитъ муравьевъ, она тотчасъ же уничтожитъ ихъ всѣхъ. Только бы Великій Духъ направилъ ее въ ту сторону!

Путешественники внимательно слѣдили за птицей; чтобъ не спугнуть ее Мундруку просилъ ихъ не разговаривать и не двигаться съ мѣста.

Вдругъ птица стала метаться и пронзительно кричать; очевидно она замѣтила, что на деревѣ спитъ муравьѣдъ и по его присутствію поняла, что гдѣ-нибудь по близости есть муравейникъ. Она стала тщательно розыскивать добычу. Наконецъ найдя ее, она громко и радостно закричала. На крикъ ея отвѣтила сотня такихъ же голосовъ и цѣлая стая птицъ прилетѣла на зовъ товарища.

Не прошло и десяти минутъ, какъ на мангубѣ не осталось ни одного муравья, а птицы полетѣли дальше за новой добычей.

XIV.

Пораженный внезапнымъ исчезновеніемъ токандейра, муравьѣдъ еще больше удивился, увидя, что какое то чудовище, въ десять разъ больше его направляется къ тому дереву, на которомъ онъ лежитъ. Необыкновенное существо это было темно-бронзоваго цвѣта; туловище было вытянутое, руки длинныя, ноги еще длиннѣе. Круглая голова его была покрыта черными волосами, доходившими до плечъ. Въ первый разъ въ жизни, вѣроятно, пришлось муравьѣду встрѣтиться съ человѣкомъ; можно себѣ представить его испугъ и удивленіе. Человѣкъ, такъ неожиданно появившійся передъ отдыхавшимъ животнымъ былъ никто иной какъ Мундруку. Пора было уже позаботиться объ обѣдѣ, и индѣецъ, рѣшивъ, что изъ муравьѣда выйдетъ прекрасное жаркое, отправился за нимъ. Съ ловкостью обезьяны онъ прыгалъ съ вѣтки на вѣтку, цѣплялся за льяны. Ричардъ Треваньовъ слѣдовалъ за нимъ. Надо было загнать животное на самый край полуострова и отрѣзать ему путь къ лѣсу, гдѣ оно легко могло бы спрятаться.

Охотники думали, что поймать муравьѣда очень легко, но они жестоко ошиблись. Видя, что ему больше некуда дѣваться, животное бросилось на самую верхушку дерева. Мундруку не отставалъ отъ него и наконецъ схватилъ его за заднія лапы. Однако оказалось, что тамандуа обладаетъ необыкновенной силой.

Напрасно индѣецъ изо всѣхъ силъ старался отцѣпить его отъ вѣтки, за которую оно держалось и хвостомъ и лапами. Особенно трудно было отцѣпить хвостъ и Мундруку пришлось разсѣчь ножемъ этотъ Гордіевъ узелъ. Справившись наконецъ съ звѣремъ, индѣецъ обмоталъ вокругъ руки уцѣлѣвшій остатокъ хвоста, размахнулся и изо всѣхъ силъ ударилъ его объ дерево. Убивъ животное индѣецъ и Ричардъ бросились въ воду и по-

плыли къ монгубѣ. Оттуда они позвали товарищей, которые тотчасъ же послѣдовали ихъ примѣру.

На монгубѣ теперь не было ни одного муравья. Взобравшись на нее, путешественники первымъ долгомъ легли спать; возможность вытянуться на горизонтальной плоскости была такъ соблазнительна, что они поспѣшили воспользоваться ею. Дерево было очень толстое, такъ что мѣста хватило всѣмъ.

Однако, индѣецъ не послѣдовалъ примѣру товарищей. Онъ занимался деревомъ, обработка котораго требовала много терпѣнья. Въ одномъ мѣстѣ ствола, гдѣ кора была совершенно суха, онъ нашелъ круглое отверстіе. Собравъ сухіе листья и вѣтки, упавшіе съ сосѣдняго дерева онъ всталъ на колѣни передъ этимъ отверстіемъ и прикрылъ его своею грудью. Между ладонями онъ держалъ прямую, гладкую палочку изъ крѣпкаго дерева и быстро вертѣлъ ее въ горизонтальномъ направленіи. Минутъ черезъ десять изъ отверстія, въ дно котораго упирался одинъ конецъ вѣртящейся палочки, показался дымокъ. Почти слѣдомъ за нимъ оттуда вылетѣли, появившіяся отъ тренія искры. Количество ихъ все увеличивалось и наконецъ загорѣлся слабый огонекъ. Тогда, бросивъ палочку, индѣецъ быстро набросалъ въ отверстіе сухихъ листьевъ и вѣтокъ и сталъ раздувать огонь. Обрадованный тѣмъ, что костеръ вышелъ у него на славу, онъ принялся за приготовленіе обѣда. Поваръ онъ былъ очень нетерпѣливый, а потому сталъ жарить «дичь», не выпотрошивъ ее и даже не снявъ съ нея шкуры.

Однако нужно было позаботиться о томъ, чтобы пламя не распространялось дальше. Вокругъ того мѣста, гдѣ онъ развелъ костеръ, дерево было очень сухо. Снявъ съ себя рубашку изъ бумажной ткани, онъ нѣсколько разъ обмокнулъ ее въ воду. Когда она насквозь промокла, онъ скрутилъ ее и обложилъ ею костеръ. Теперь нечего было опасаться пожара и онъ спокойно сидѣлъ на корточкахъ передъ своей печкой и наблюдалъ за жаркимъ.

Приготовивъ обѣдъ, онъ разбудилъ товарищей. Въ воздухѣ такъ вкусно пахло жаренымъ, что индѣйцу не пришлось повторять приглашенія. Всѣ охотно принялись за ѣду и черезъ нѣсколько минутъ, отъ муравьѣда остались только кости, и тѣ были на чисто обглоданы.

Солнце уже заходило, когда путешественники кончили обѣдать; они рѣшили ничего не предпринимать до слѣдующаго дня и хорошенько отдохнуть. Хотя они и поспали немножко, пока

Мундруку занимался кулинарнымъ искусствомъ, но всетаки они чувствовали еще потребность отдохнуть. Итакъ, рѣшено было лечь спать.

Изъ ствола засохшаго дерева необходимо было сдѣлать лодку, чтобы на ней переплыть лагуну.

Но какъ сдѣлать весла? этотъ вопросъ безпокоилъ всѣхъ. Мундруку увѣрялъ, что это вовсе не такъ трудно и завтра же обѣщалъ приняться за это дѣло.

Путешественники не проспали и часа, какъ вдругъ ихъ разбудилъ страшный крикъ коаиты. Животное дрожало всѣмъ тѣломъ и прижималось къ Типперари Тому, который лежалъ около него.

— Что съ тобой?—спросилъ Томъ свою любимицу. Обезьяна ничего не отвѣтила, конечно, но не переставала дрожать.

Опершись на локоть, ирландецъ смотрѣлъ во всѣ стороны, въ надеждѣ найти причину испуга коаиты. Но на гладкой блестящей поверхности воды, ничего не было. Въ лѣсу тоже, казалось, не было ничего такого видно, что могло бы вызвать крикъ ужаса у обезьяны.

— Но что же съ тобой?—снова спросилъ онъ коаиту, которая какъ будто хотѣла сказать:—«вонъ тамъ», такъ пристально смотрѣла она въ одну сторону. Томъ пошелъ туда и нагнулся надъ водой.—Ахъ, вотъ что тебя безпокоитъ,—сказалъ онъ, замѣтивъ легкое волненіе на водѣ; походило на то, какъ будто кто то барахтался въ водорослях. Что бы это могло быть? —думалъ онъ.

— Можетъ быть это рыба, или страшный аллигаторъ? —Боже мой, а вдругъ это та самая огромная змѣя, о которой индѣецъ говорилъ, что она въ десять разъ больше человѣка и можетъ проглотить цѣлую корову, не давая себѣ труда разжевать ее. Надо разбудить товарищей.

Ирландецъ въ нерѣшимости смотрѣлъ на волновавшуюся воду, искоро для него уже не оставалось сомнѣнія въ томъ, что дѣйствительно какое-то чудовище направилось прямо къ засохшему дереву. Вотъ оно приблизилось на столько, что легко можно было разсмотрѣть его. Хотя это не былъ ни аллигаторъ, ни змѣя, тѣмъ не менѣе видъ этого животнаго привелъ ирландца въ ужасъ. Оно походило на тюленя, только было гораздо больше. Длина его туловища достигала десяти футовъ; толщина соотвѣтствовала длинѣ. Головою животное это походило на вола, или на корову съ очень широкой мордой; у него были толстыя обвис-

лыя губы и очень маленькіе глаза. Вмѣсто ушей у него были два круглыхъ отверстія на верхней части головы. Туловище его заканчивалось широкимъ, плоскимъ хвостомъ, расположеннымъ горизонтально какъ у птицъ. Кожа его была гладкая, совсѣмъ безъ шерсти; только вокругъ рта и около ноздрей виднѣлись щетинки. Оно было свинцоваго цвѣта; грудь и животъ были бѣловатые. Прежде всего ирландцу бросились въ глаза его ласты, величиною больше фута; они тянулись отъ самыхъ плечъ и напоминали собою весла. Этими ластами животное и работало, плывя по водѣ какъ рыба. Въ довершеніе всего нужно замѣтить, что у него было вымя, какъ у коровы

Ирландецъ не успѣлъ подробно разсмотрѣть животное; онъ былъ слишкомъ пораженъ и поспѣшилъ разбудить своего сосѣда, которымъ оказался индѣецъ.

— Посмотри-ка, Мунди, что это такое?—шепталъ онъ ему на ухо, указывая на морское чудовище.

— Гдѣ? Что?— вскричалъ индѣецъ, протирая глаза. Великій Духъ, да это «юаруа»!

По тону индѣйца было слышно, что животное, носившее такое странное названіе, сильно интересовало его. Онъ поднялся было, но потомъ, какъ бы боясь обратить на себя вниманіе «юаруа» снова легъ и неподвижно сталъ слѣдить за приближающимся животнымъ.

— Что это такое юаруа?—спросилъ Типперари Томъ, который въ первый разъ слышалъ это названіе.—Рыба это или животное?

—Щука, другъ мой, щука!—Такъ по крайней мѣрѣ называютъ ее бѣлые.

— Вотъ ужъ нисколько не похожа на щуку!—Смотри, Мунди, смотри! У нея есть дѣтенышъ и она кормитъ его совсѣмъ, какъ корова теленка!

Ирландецъ былъ правъ. Около юаруа былъ дѣйствительно дѣтеныш, только вмѣсто того, чтобъ подобно обыкновенной коровѣ, предоставить ему свободу кормиться около нея, она взяла его своими ластами и прижала къ соску, какъ кормилица прижимаетъ къ груди ребенка, чтобъ ему удобнѣе было спать.

Можно себѣ представить, какъ Типперари Томъ былъ пораженъ этимъ зрѣлищемъ. На него съ интересомъ смотрятъ даже индѣйцы, живущіе на Амазонкѣ и часто встрѣчающіе юаруа.

Ирландецъ вскричалъ отъ удивленія, но индѣецъ попросилъ его быть какъ можно тише.

— Можетъ быть удастся убить ее,—сказалъ тихонько индѣецъ.—Намъ поможетъ въ этомъ дѣлѣ ея дѣтеныш.—Будь какъ можно тише, чтобъ не испугать ее; не буди никого. Юаруа обладаетъ зрѣніемъ ястреба и слухомъ орла, несмотря на то, что у нея очень маленькіе глаза и уши.

Оба молча слѣдили за животнымъ, которое плыло какъ разъ мимо засохшаго дерева. Немного дальше вода образовывала нѣчто въ родѣ бухты; къ этой то бухтѣ и направлялось животное, кормя по дорогѣ своего дѣтеныша.

— Браво!—вскричалъ Мунди.—Теперь я понимаю, почему юаруа направляется туда.

— Почему. Мунди?

— Развѣ ты не видишь, что тамъ на водѣ?

— На водѣ?—нѣтъ... Ахъ, впрочемъ я вижу тамъ траву. Но зачѣмъ ей трава?

—Она же ничего не ѣстъ, кромѣ травы.

— Ну, что-жъ, это совершенно понятно. Животное, которое такъ похоже на корову и должно питаться травою.

— Конечно.—Вотъ она сейчасъ будетъ пастись. Прекрасно.... прекрасно.

— Что прекрасно?

— То что она пробудетъ здѣсь до утра, и такимъ образомъ можно будетъ убить ее.

— Зачѣмъ-же ее убивать?

— Странный вопросъ, Томъ! Я думаю, намъ надо же что нибудь ѣсть.

— Ахъ, понимаю!—Такъ убьемъ ее сейчасъ.

— Чѣмъ же?

— А твоимъ ножемъ.

— Это невозможно. Юаруа никогда не подпуститъ къ себѣ такъ близко. Не стоитъ и пробовать, все равно изъ этого ничего не выйдетъ. Впрочемъ, къ тому времени, какъ она будетъ возвращаться съ пастбища, у меня будетъ уже готово другое оружіе. Мяса этого животнаго намъ хватитъ на долго. —Посмотри! —она начинаетъ щипать траву.

Дѣйствительно, животное ѣло совершенно, какъ обыкновенная европейская корова. Морская корова, пасущаяся на водяномъ лугу, представляла чрезвычайно интересное зрѣлище и пріятели рѣшили разбудить всю компанію.

Только Ричарда картина эта нисколько не удивила. Онъ не разъ ее видалъ въ рукавахъ и проливахъ пересѣкающихъ боль

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи

шую амазонскую дельту. Остальные же смотрѣли на корову съ такимъ любопытсвомъ, какъ посѣтители зоологическаго сада на кормленіе пеликановъ. Между тѣмъ Мундруку тихонько спустился съ бревна и поплылъ по направленію къ лѣсу. Никто не зналъ, что хотѣлъ предпринять индѣецъ. Покидая товарищей, онъ просилъ ихъ не двигаться съ мѣста и быть какъ можно тише.

Увѣренные, что Мунди не безъ основанія обратился къ нимъ съ этой просьбой, они въ точности исполняли ее. Если кому нибудь изъ нихъ и случалось заговорить съ сосѣдомъ, то онъ дѣлалъ это осторожно, чтобъ не нарушить общей тишины. Продолжительная неподвижность стала уже утомлять ихъ. Наконецъ Мундруку вернулся. Въ одной рукѣ онъ держалъ ножъ, а въ другой палку, длиною около двѣнадцати футовъ. Заостренная на верху, она походила на копье.

Мундруку сдѣлалъ себѣ это оружіе изъ тонкаго ствола пальмы пасіуба. Это растеніе отличается тѣмъ, что тонкіе корни его выходятъ изъ земли на нѣсколько футовъ. Только опытный амазонскій индѣецъ могъ такъ ловко оструган пасіубу, кора которой тверда какъ желѣзо; теперь слѣдовало только закалить на огнѣ самое остріе и тогда она будетъ не хуже стали. Къ счастію костеръ еще не совсѣмъ погасъ; на мѣстѣ, окруженномъ мокрой рубахой, еще тлѣло нѣсколько угольковъ. На нихъ то и положилъ индѣецъ заостренную часть своего копья. Когда остріе закалилось, онъ осмотрѣлъ его, и, очевидно, остался доволенъ его твердостью; но, вѣроятно, копье показалось ему недостаточно острымъ, такъ какъ онъ взялъ ножъ и еще заострилъ его. Сдѣлавъ это онъ объявилъ, что теперь смѣло можетъ охотиться на юаруа.

Между тѣмъ животное все еще щипало траву. Болѣе удобнаго момента для нападенія нельзя было ожидать. Юаруа находилась какъ разъ подъ деревомъ, огромныя вѣтви котораго горизонтально тянулись надъ ней. Наклонивъ голову она усердно ѣла. Мундруку только думалъ о томъ, какъ бы добраться до дерева, а тамъ ужъ онъ могъ быть увѣренъ, что добыча въ его рукахъ.

Какъ задумано, такъ и сдѣлано. Не прошло и двухъ минутъ, какъ онъ уже былъ на деревѣ, усѣвшись на той самой вѣтви, которая приходилась какъ разъ надъ коровой. Еще минута, и копье его опустилось въ воду; но вмѣсто того, чтобъ поразить мать онъ убилъ ея дѣтеныша.

Спутники индѣйца, не сводившіе съ него глазъ, никакъ не могли понять, зачѣмъ онъ убилъ маленькое животное, котораго имъ хватитъ только на ужинъ, тогда какъ мяса самой коровы хватило бы на цѣлый мѣсяцъ. Теперь ужъ она конечно уйдетъ отъ него. Думая такъ они совершенно забывали о существованіи материнскаго инстинкта. Не теряя надежды спасти своего малютку, животное бросалось къ нему подъ ударами копья до тѣхъ поръ, пока не получило смертельной раны.

Когда Мундруку вернулся на монгубу, онъ объяснилъ товарищамъ, что еслибъ онъ началъ съ матери, то она могла уйти отъ него захвативъ съ собою и дѣтеныша; тѣмъ болѣе, что оружіе его было не такъ хорошо, чтобъ убить её на повалъ и онъ могъ только спугнуть её. Вообще для ловли этого животнаго употребляется только гарпунъ съ зазубренными концами.

XV.

Всѣ прекрасно выспались въ эту ночь. Съ утра на монгубѣ закипѣла работа. Прежде всего надо было приготовить для вяленья мясо морской коровы. Съ этой цѣлью Мундруку содралъ кожу съ убитаго животнаго и разрѣзалъ мясо его на большіе куски. Нѣсколько кусковъ изжарили на кострѣ, разведенномъ индѣйцемъ по вчерашнему способу. Жаркое это пошло на завтракъ и на ужинъ. Мясо юаруа всѣмъ очень понравилось; оно по вкусу напоминаетъ свинину, хотя мѣстами немного жестче.

Весь день путешественники провозились съ мясомъ юаруи. Въ стволѣ дерева были вбиты палки и на нихъ протянуты льяны вмѣсто веревокъ; на нихъ то и развѣсили мясо, чтобъ оно вялилось подъ лучами солнца. Никто не зналъ сколько времени еще продлится путешествіе, а потому необходимо было запастись провизіей. Обыкновенно изъ сала морской коровы вытапливается жиръ, но путешественники наши выбрасывали его.

Вечеромъ, когда всѣ сидѣли за ужиномъ, они говорили, что давно ужъ они не чувствовали себя такъ хорошо, какъ на монгубѣ. На слѣдующій день рѣшено было отправиться въ путь и переплыть лагуну. Много говорили по поводу страшнаго животнаго, такъ поразившаго ихъ вчера.

Треваньовъ сказалъ, что подобныя животныя, хотя и принадлежащія къ другому виду, водятся въ морѣ, недалеко отъ берега, гдѣ устьемъ какой нибудь рѣки приносится прѣсная вода.

Онъ разсказывалъ, что въ индійскихъ моряхъ водится осо-

бый видъ подобныхъ животныхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ дюгонъ, а въ Вестъ-Индіи «манати», называемый французами «ламантинъ» и испанцами «vaca marina» (то есть морская корова).

Названіе манати дано этому животному, вѣроятно, потому, что ласты его напоминаютъ собою человѣческія руки. Различныя породы этихъ животныхъ, встрѣчающіяся на западномъ берегу Индіи, гораздо крупнѣе тѣхъ, которыя водятся на Амазонкѣ. Въ свою очередь и Мунди сообщилъ кое что объ этихъ интересныхъ животныхъ. Главную особенность ихъ составляютъ легкія. Если ихъ вынуть и хорошенько надуть, то они будутъ похожи на резиновые шары.

— Значитъ они могли бы замѣнить кому нибудь старый плавательный поясъ, еслибъ намъ снова пришлось плыть,—замѣтилъ Ричардъ.

Между прочимъ, индѣецъ разсказалъ, какъ ловятъ юаруа. Охотникъ или рыболовъ садится въ маленькую лодку, называемую у туземцевъ «монтаріа» и запасается гарпуномъ. Онъ гребетъ къ тому мѣсту, гдѣ можно надѣяться встрѣтить животное; обыкновенно это бываетъ какая нибудь уединенная лагуна, или тихая заводь, гдѣ теченья почти нѣтъ и гдѣ растетъ трава, которою питается морская корова. Сидя въ лодкѣ, онъ ожидаетъ появленія животныхъ; онѣ приплываютъ обыкновенно со своими дѣтенышами. Улучивъ минуту, когда коровы съ особеннымъ усердіемъ начинаютъ щипать сочную траву, онъ потихоньку приближается къ нимъ; дѣлаетъ онъ это съ большой предосторожностью, такъ какъ юаруа очень чутки и боязливы. Когда лодка подъѣдетъ достаточно близко къ животнымъ, сидящій въ ней изо всей силы бросаетъ гарпунъ. Къ дереву гарпуна привязана веревка, которая и не даетъ раненому животному уйти отъ охотника.

Индѣйцы, живущіе на Амазонкѣ, часто занимаются такою охотою. Самое подходящее для нея время это когда вода убываетъ и когда лагуны и озера снова входятъ въ берега. Охотниковъ въ эту пору является особенно много. Иногда случается открыть въ какой нибудь лагунѣ цѣлое стадо этихъ животныхъ. Тогда деревня совсѣмъ пустѣетъ. Мужчины, женщины, дѣти и даже собаки,—всѣ спѣшатъ къ мѣсту охоты. Они берутъ съ собою огромные горшки для вытапливанія жира, который потомъ поступаетъ въ продажу. Во время такой большой охоты устраиваются различныя празднества и гулянья. Мундруку

самъ не разъ принималъ участіе въ подобной охотѣ и могъ много разсказать по этому поводу. Почти до полуночи спутники слушали его съ большимъ вниманіемъ; наконецъ рѣшено было ложиться спать.

Съ разсвѣтомъ всѣ поднялись, и, послѣ завтрака, попробовали двинуться въ путь. Однако это было довольно трудно. Дерево, служившее когда то украшеніемъ лѣса и высоко подымавшее надъ товарищами свою великолѣпную голову, теперь неподвижно лежало между водяными растеніями, какъ будто оно было налито свинцомъ.

Можно себѣ представить, какого труда стоило сдвинуть съ мѣста это огромное бревно; къ счастью, Мунди сдѣлалъ наканунѣ, съ помощью своего ножа, два большихъ весла. Хотя они были довольно грубы, но это нисколько не мѣшало имъ прекрасно выполнять свое назначеніе; къ тому же они ясно доказывали необыкновенную изобрѣтательность того, кто ихъ сдѣлалъ. Ручки у нихъ были деревянныя, а самыя лопасти костяныя. Дерево индѣецъ срѣзалъ, конечно, въ лѣсу, а кость, какъ думали его спутники, онъ взялъ изъ скелета морской коровы. Они не ошиблись. Выбрасывая остатки животнаго, Мундруку тщательно спряталъ его кожу и лопатки; изъ этихъ то послѣднихъ [illegible] и сдѣлалъ весла.

Ему не въ первый разъ приходилось пользоваться этой [illegible]стью скелета. Не разъ онъ копалъ землю такой костяной лопат[illegible] чтобъ помѣшать сорнымъ растеніямъ разводиться на поляхъ.

Итакъ, съ помощью веселъ бревно поплыло. Благодаря водорослямъ и огромнымъ листьямъ водяныхъ лилій, оно подвигалось очень медленно, но путешественники надѣялись, что какъ только оно освободиться отъ этихъ препятствій, оно поплыветъ быстрѣе. Кромѣ того, на водѣ появилась зыбь; это доказывало, что подулъ легкій вѣтерокъ. Онъ былъ очень кстати, такъ какъ дулъ отъ лѣса къ лагунѣ. Читатель, вѣроятно, подумаетъ, что вѣтеръ не могъ способствовать движенію такого импровизированнаго судна безъ руля и безъ парусовъ.

Такъ думали и наши путешественники. Однако Мундруку былъ другого мнѣнія. Не даромъ онъ плавалъ по гапо въ теченіе сорока лѣтъ. За это время ему не разъ приходилось устраивать паруса изъ громадныхъ пальмовыхъ листьевъ. Но теперь у него было нѣчто гораздо болѣе подходящее.

Еще наканунѣ спутники его видѣли, какъ онъ вырѣзалъ [illegible]

лѣсу два длинныхъ шеста и принесъ ихъ на бревно; затѣмъ онъ сдѣлалъ углубленіе въ монгубѣ. Товарищи спрашивали его на что ему кожа убитой коровы, но онъ никому не сказалъ ни слова о своемъ намѣреніи. Люди его племени вообще не любятъ преждевременно посвящать другихъ въ свои планы. Они гордятся своими изобрѣтеніями и испытываютъ чувство превосходства надъ непосвященными товарищами. Кромѣ того, Мунди еще не забылъ той неловкости, которую ему пришлось испытать, послѣ неудачнаго совѣта переплыть лагуну.

Товарищи догадались о его вчерашнихъ приготовленіяхъ только тогда, когда онъ вбилъ огромный шестъ въ углубленіе, вырѣзанное на монгубѣ и развѣсилъ на немъ кожу коровы; прикрѣпленная въ разныхъ мѣстахъ все тѣми же льянами, она представляла собою отличный парусъ.

Подъ этимъ импровизированнымъ парусомъ монгуба стала двигаться гораздо быстрѣе. Всѣ съ радостью замѣтили эту перемѣну. Войдя въ лагуну, путешественники задумались. Они не знали въ какую сторону имъ слѣдовало направить свое новое судно.

Послѣ восхода солнца не прошло двухъ часовъ, а потому въ опредѣленіи востока нельзя было ошибиться. Зная же востокъ легко было опредѣлить другія страны свѣта.

Путешественники рѣшили направиться къ противоположному берегу лагуны, отъ котораго, по мнѣнію индѣйца, тянулась суша. Они уже достаточно плавали вдоль берега, не находя ни суши, ни дороги въ лѣсъ; поэтому весьма понятно, что они хотѣли испытать счастья на другой сторонѣ.

Плыть по лагунѣ было очень легко и они рѣшили продолжать путь до тѣхъ поръ, пока солнце не скроется за горизонтомъ. Мозей, какъ самый лучшій морякъ, управлялъ парусомъ, а Треваньовъ, взявъ въ руки одно изъ веселъ, исправлялъ обязанность рулевого; ему помогалъ Типперари Томъ, держа въ рукахъ второе весло.

Между тѣмъ индѣецъ занялся мясомъ; вяленье шло очень успѣшно, такъ какъ солнце свѣтило цѣлый день.

Молодежь сидѣла у самаго края, на толстомъ концѣ бревна. Время проходило въ разговорѣ, или въ игрѣ съ животными, которыхъ такія опасности не могли заставить разстаться съ своими хозяевами. Каждый высказывалъ надежду на то, что теперь, вѣроятно, имъ удастся выбраться изъ гапо. Конечно, ку

это можетъ потребоваться не мало времени, но это не бѣда, лишь бы только выйти изъ этого ужаснаго положенія.

Мяса хватитъ, по крайней мѣрѣ, недѣли на двѣ, если пользоваться имъ экономно; при благополучномъ путешествіи можно было надѣяться въ этотъ срокъ добраться до земли. Какъ кстати судьба послала имъ морскую корову! Не будь у нихъ мяса, они бы умерли съ голода, такъ какъ въ лагунѣ не было ни малѣйшаго признака присутствія рыбы, а по нѣкоторымъ даннымъ можно было заключить, что на противоположномъ берегу не было и плодовъ.

Однако, судно подвигалось довольно медленно; оно проходило не больше мили въ часъ и то только когда дулъ вѣтеръ посильнѣе. До полудня было еще далеко, а солнце уже стояло надъ самой головой и такимъ образомъ лишало путешественниковъ возможности оріентироваться. Даже индѣецъ не могъ съ точностью опредѣлить странъ свѣта. Приходилось идти по вѣтру; къ счастію позади виднѣлись еще нѣкоторыя верхушки деревьевъ, благодаря которымъ можно было держаться надлежащаго направленія, хотя до тѣхъ поръ, пока онѣ не скроются за горизонтомъ.

Къ полудню бревно поплыло еще тише, а затѣмъ и окончательно остановилось. Парусъ пересталъ дѣйствовать, такъ какъ вѣтеръ стихъ и настало полное затишье. Пришлось взяться за весла, но несмотря на всѣ старанія, бревно только подвигалось на милю въ часъ. Наконецъ весла бросили и стали обѣдать. Весь обѣдъ состоялъ, конечно, изъ мяса морской коровы. Индѣецъ все время поддерживалъ огонь, который ему съ такимъ трудомъ удалось зажечь и теперь воспользовался имъ, чтобъ изжарить мясо. Всѣ ѣли съ большимъ аппетитомъ.

Послѣ обѣда путешественники отдыхали и бесѣдовали между собой, такъ какъ плыть дальше пока, не было никакой возможности. Черезъ два—три часа солнце должно было спуститься на столько, чтобъ они могли снова руководствоваться имъ въ своемъ плаваньѣ; кромѣ того, индѣецъ увѣрялъ, что къ вечеру опять поднимется вѣтеръ. Всѣ были прекрасно настроены, несмотря на то, что солнце пекло невыносимо.

Чтобъ хоть нѣсколько освѣжиться Типперари Томъ одѣлъ плавательный поясъ и бросился въ воду. Его примѣру тотчасъ же послѣдовали: самъ Треваньовъ, его сынъ и племянникъ.

Розита сидѣла подъ навѣсомъ изъ огромныхъ листьевъ чужеяднаго растенія сорванныхъ наканунѣ: листья эти были на-

брошены на два нароста сухого дерева. Ричардъ самъ устроилъ эту палатку для кузины и очень гордился своимъ произведеніемъ.

Индѣецъ привыкъ къ палящимъ лучамъ солнца на Амазонкѣ и переносилъ жару довольно терпѣливо; негръ тоже, повидимому, неособенно страдалъ отъ нея и даже умудрился заснуть. Но крикъ Типперари Тома скоро разбудилъ его. Вслѣдъ за ирландцемъ стали кричать и другіе пловцы. Вмѣстѣ съ криками послышался сильный плескъ воды и стукъ пустыхъ орѣховъ, привязанныхъ къ плавательнымъ поясамъ. Всѣ четверо плыли прямо къ бревну. Казалось, они выбивались изъ всѣхъ силъ, чтобъ какъ можно скорѣе уйти отъ чего то страшнаго, что преслѣдовало ихъ подъ водой. Лица ихъ выражали ужасъ.

— Что такое съ ними?—думалъ индѣецъ. Негръ тоже удивился, а Розита страшно испугалась и начала кричать.

Спрашивать, что ихъ такъ напугало, было совершенно безполезно; они сами не знали этого. Они чувствовали только, что кто то острыми какъ пила зубами кусаетъ имъ ноги. Вѣроятно нападавшихъ было много, такъ какъ всѣ четверо закричали отъ боли почти въ одно время.

Только взобравшись на бревно и внимательно осмотрѣвъ ранки на ногахъ, они узнали своихъ враговъ. Если бы вода была прозрачна они сразу бы поняли, кто нападаетъ на нихъ. Индѣецъ взглянувъ на израненныя и окровавленныя ноги товащей, спокойно сказалъ:

— Это пустяки!—васъ покусали пиранги.

Спокойствіе индѣйца ободрило раненыхъ путешественниковъ.

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи!

XVI.

Никто не зналъ, что такое пиранга.

Мундруку объяснилъ товарищамъ, что это рыба, принадлежащая къ семейству лососевыхъ, что въ Амазонкѣ она встрѣчается въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и что она чрезвычайно прожорлива.

Пиранги часто нападаютъ на купающихся и обращаютъ ихъ въ бѣгство, угрожая въ противномъ случаѣ закусать ихъ до смерти своими острыми зубами.

Индѣецъ обѣщалъ отомстить пирангамъ за товарищей. Онъ прекрасно зналъ, что отвѣдавъ крови, пиранги будутъ преслѣ-

довать ихъ; мало того, онъ былъ увѣренъ, что рыба теперь подкарауливала ихъ, чтобъ не упустить случая еще разъ полакомиться ихъ кровью.

Сообразивъ все это, онъ занялся изготовленіемъ удочки, при чемъ приманкой должно было служить мясо морской коровы. Розита дала ему двѣ булавки, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ крючки, а узкая полоска кожи, отрѣзанная отъ паруса и привязанная къ палкѣ, замѣнила леску. Какъ только Мундруку закидывалъ удочку, рыба тотчасъ же набрасывалась на приманку и вскорѣ на бревнѣ лежало уже болѣе двадцати пирангъ. Казалось Типперари Тому доставляло огромное удовольствіе убивать ихъ; онъ отомстилъ за всѣ ихъ укусы.

Рыбная ловля окончилась совершенно неожиданно. Одна изъ рыбъ, попавшись на крючекъ утащила за собой не только приманку, но и почти всю леску.

Мундруку хотѣлось побольше наловить вкусной рыбы и онъ занялся изготовленіемъ второй удочки, пользуясь тѣми же средствами.

Однако когда удочка была готова и индѣецъ снова закинулъ ее, то онъ замѣтилъ, къ своему величайшему огорченію, что рыба перестала клевать; леска оставалась неподвижной, никто не дергалъ ее.

Посовѣтовавшись, путешественники рѣшили, что пора бросить эту забаву, тѣмъ болѣе, что она стала совершенно безполезной. Хотя раны, полученные пловцами, были незначительны, тѣмъ не менѣе, Мундруку увѣрялъ,что пиранги очень опасны и что онъ самъ однажды съ трудомъ спасся отъ ихъ страшныхъ треугольныхъ зубовъ. По его словамъ, въ рѣкѣ, называемой Рапахосъ, особенно много этой рыбы

Пиранги выглядѣли такъ аппетитно, что всѣмъ сейчасъ же захотѣлось попробовать ихъ. Мозей развелъ огонь и изжарилъ рыбу; всѣ находили ее очень вкусной.

Послѣ ѣды путешественники стали еще веселѣе. Между тѣмъ солнце спускалось и подымался легкій вѣтерокъ, который къ вечеру обѣщалъ усилиться. Онъ дулъ все въ томъ же направленіи, что было очень кстати, такъ какъ парусъ сталъ снова надуваться.

Путешественники и не подозрѣвали, что подъ ними было нѣчто, гораздо ужаснѣе пиранги. Ихъ отдѣлялъ отъ этого чудовища слой полусгнившаго дерева всего лишь въ нѣсколько дюймовъ. [illegible] отвратительное [illegible] всегда наво-

дило ужасъ на всѣхъ индѣйцевъ, живущихъ на Амазонкѣ. Въ то время какъ путешественники весело разговаривали, выражая надежду на скорое спасеніе, страшная «мать водъ» лѣниво потягивалась подъ ними, намѣреваясь выйти изъ своего темнаго убѣжища.

Индѣецъ сидѣлъ у костра и чистилъ кости пиранги, какъ вдругъ нѣсколько головешекъ провалились куда то, подобно тому, какъ въ печкѣ проваливаются угли, сквозь сломанную рѣшетку.

— Ахъ!—вскричалъ индѣецъ, дрожа всѣмъ тѣломъ,—это дупло доходитъ, кажется, до самого дна.

— Тутъ, вѣроятно было муравьиное гнѣздо?—спросилъ Треваньовъ.

— Нѣтъ, господинъ мой.—Муравейникъ помѣщался въ полуизгнившемъ, пустомъ суку, а это отверстіе идетъ въ самый стволъ.

Въ это время коаита, сидѣвшая все время на самомъ высокомъ мѣстѣ, начала испуганно кричать.

— Что такое съ обезьяной?—спрашивали всѣ другъ друга, не подозрѣвая ничего ужаснаго.

Желая узнать причину испуга своей любимицы, Типперари Томъ забрался туда, гдѣ она сидѣла. Ирландецъ посмотрѣлъ сверху въ одну и въ другую сторону и съ ужасомъ бросился къ товарищамъ.

Мундруку послѣдовалъ за нимъ, громко крича:—Великій Боже!—да вѣдь это «духъ водъ»!

— Духъ водъ?—съ удивленіемъ спрашивалъ Треваньовъ, глядя то на индѣйца, то на Тома, которые все еще дрожали отъ страха.—Духъ водъ!... повторилъ Треваньовъ.—Но что это означаетъ, Мунди?

Въ отвѣтъ на это индѣецъ только покачалъ головой. Очевидно онъ обдумывалъ какъ имъ спастись отъ чудовища и хотѣлъ, чтобъ ему не мѣшали.

— Что ты видѣлъ, Томъ?—продолжалъ между тѣмъ Треваньовъ свои распросы, думая, что хоть ирландецъ объяснитъ ему въ чемъ дѣло.

— Клянусь вамъ Святымъ Патрикомъ, что я самъ не знаю, что это такое. Я видѣлъ только, какъ изъ воды высунулась голова на длинной шеѣ и уставилась на меня; глаза чудовища свѣтились, какъ горящіе угли.—Клянусь Богомъ, что это злой духъ!

— Дядя,—сказалъ тихонько Ричардъ, «мать-водъ»,какъ называютъ суевѣрные индѣйцы, это ничто иное какъ огромн змѣя,—анаконда.—Она то вѣроятно, и напугала Тома. А впр чемъ, я сейчасъ посмотрю самъ.

Юноша бросился уже къ тому мѣсту, откуда прибѣжалъ Томъ, но индѣецъ схватилъ его за руку.

— Умоляю васъ, господинъ, не ходите туда.—Оставайтесь здѣсь.—Я же говорю вамъ, что это мать водъ!

— Пустяки, Мунди!—Это просто змѣя, называемая анаконда.—Пусти, я взгляну на нее.—Я прекрасно знаю этихъ водяныхъ удавовъ, я ихъ встрѣчалъ сотни разъ около острововъ, въ устьѣ Амазонки—Я ихъ вовсе не боюсь, онѣ не ядовиты. Если только видѣнная вами змѣя не отличается исключительной величиной, то она, быть можетъ, совершенно безопасна.

Подойдя къ краю бревна, Ричардъ взглянулъ внизъ, но тотчасъ же съ крикомъ бросился назадъ.

— Это дѣйствительно анаконда,—сказалъ онъ, только необыкновенной величины.—Я никогда такой не видѣлъ.—Неудивительно, что Мунди принялъ ее за духа водъ.—Какое страшное чудовище!

— Что же намъ теперь дѣлать, Ричардъ?—спросилъ Ральфъ, видя, какъ испугался его двоюродный братъ.

— Мнѣ кажется,—сказалъ Ричардъ, подумавъ, намъ удастся убить ее, прежде, чѣмъ она на насъ нападетъ, только вотъ у насъ нѣтъ оружія.—Какъ быть Мунди?

— Прежде всего, будьте какъ можно тише!—прошепталъ индѣецъ.—Можетъ быть чудовище не двинется съ мѣста и мнѣ удастся убить ее копьемъ.— Но, Боже мой! Вотъ оно направляется къ намъ!—Теперь ужъ поздно.

Неудивительно, что это страшилище такъ испугало нашихъ путешественниковъ.

Тѣло его походило на огромное бревно; глаза свѣтились какимъ то зловѣщимъ огнемъ, а страшныя челюсти и раздвоенный языкъ, могли привести въ ужасъ самаго храбраго человѣка. Вода струилась по ея чешуйчатой головѣ; она была точно изъ стали и вся блестѣла на солнцѣ.

Столпившись на противоположномъ концѣ бревна, путешественники стояли неподвижно и молча смотрѣли на страшное чудовище, которое какъ будто осматривалось и искало добычи. Впереди всѣхъ стоялъ индѣецъ съ копьемъ въ рукахъ; за нимъ слѣдовалъ Ричардъ, вооруженный ножомъ Мундруку.

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи.

Но вотъ змѣя опустила голову и, казалось, намѣревалась ползти за добычей; всѣ бросились на самый край ствола. Теперь намѣреніе змѣи было ясно; она медленно подвигалась къ людямъ, какъ будто увѣренная въ томъ, что они не уйдутъ отъ нея.

Путешественники смотрѣли то на змѣю, то на индѣйца. Они видѣли, что по мѣрѣ того, какъ чудовище приближалось, мужество покидало индѣйца.

Казалось, Мундруку далеко не былъ увѣренъ въ своемъ оружіи; впрочемъ и другимъ было ясно, что мудрено защищаться отъ такого чудовища самодѣльнымъ, пальмовымъ копьемъ

Треваньовъ предложилъ броситься въ воду.

— Нѣтъ, нѣтъ, господинъ мой!—Все что хотите, только не это,—отвѣчалъ индѣецъ. Ей только этого и нужно; она въ водѣ какъ дома и тамъ ужъ намъ не спастись отъ нея.

— А здѣсь вѣдь мы тоже погибли?

— Нѣтъ еще! Нѣтъ еще! отвѣчалъ индѣецъ.

Очевидно, у него явилась какая то мысль.

— Передайте мнѣ обезьяну!—сказалъ онъ стоявшимъ позади.

Типперари Томъ, думая, что слова индѣйца относятся къ нему, какъ къ покровителю обезьяны, немедленно подчинился требованію товарища.

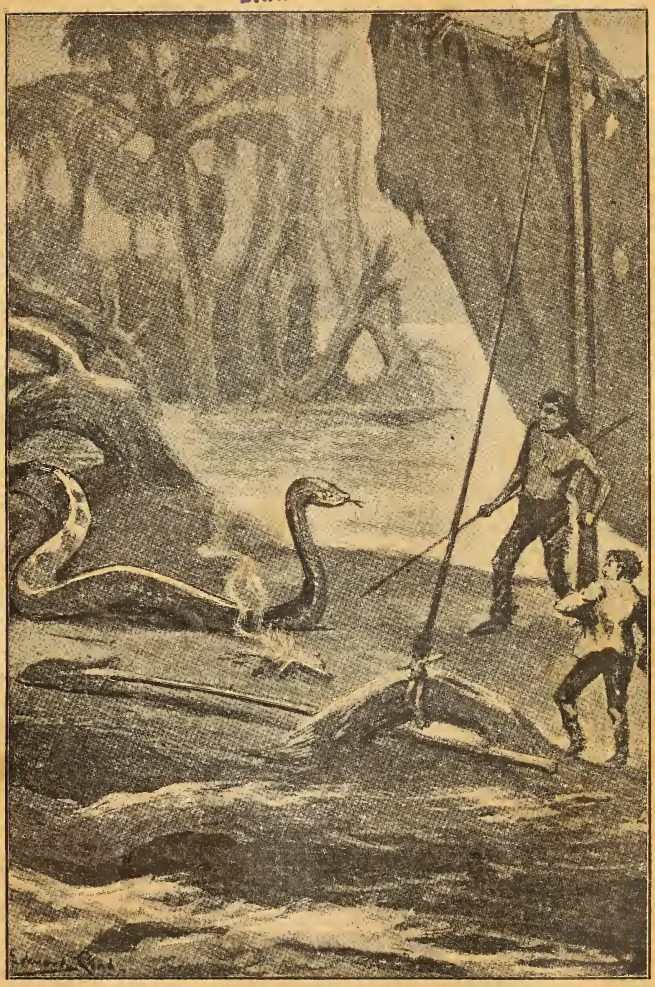
Взявъ обезьяну на руки, Мундруку направился къ противоположному концу бревна; тутъ только всѣ поняли, что онъ затѣялъ. Коаита должна была отвлечь отъ нихъ вниманіе чудовища.

Въ другомъ случаѣ Типперари Томъ не отдалъ бы своей любимицы на вѣрную гибель, но тутъ онъ понялъ, что для общаго спасенія необходимо пожертвовать ею и не протестовалъ

Точно верховный жрецъ, готовящійся принести жертву, Мундруку остановился передъ чудовищемъ и, размахнувшись, бросилъ ему несчастное животное. Змѣя открыла пасть, намѣреваясь схватить свою жертву, но обезьяна, съ свойственной ей ловкостью, отскочила въ сторону, и, однимъ прыжкомъ очутилась на верхушкѣ мачты, оставивъ Мундруку лицомъ къ лицу съ чудовищемъ. Обманутая въ своихъ ожиданіяхъ змѣя готова была броситься на Мундруку.

Планъ индѣйца не удался. Огорченный и еще болѣе испу-

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI



Змѣя ползла такъ быстро, что индѣецъ едва успѣлъ схватить копье.

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи.

ганный, онъ бросился къ товарищамъ. На бѣгу онъ задѣлъ костеръ и угли посыпались въ разныя стороны. Змѣя ползла такъ быстро, что онъ едва успѣлъ схватить копье. Замѣтивъ его нерѣшимость и ужасъ, товарищи содрогнулись. Казалось, онъ совсѣмъ потерялъ голову.

У нихъ былъ одинъ только выходъ: броситься въ воду; къ несчастію они не могли плавать безъ поясовъ, а пояса лежали на противоположномъ концѣ ствола и чтобъ добраться до нихъ нужно было пробѣжать мимо змѣи. Кто нибудь неизбѣжно долженъ былъ сдѣлаться жертвой чудовища... Но кто именно?

Ричардъ рѣшилъ принести себя въ жертву за товарищей. Вѣроятно онъ главнымъ образомъ заботился о Розитѣ. Вставъ впереди всѣхъ, онъ заслонилъ собою индѣйца. Казалось, вотъ насталъ его послѣдній часъ; могъ ли онъ защищаться отъ такого страшнаго чудовища простымъ ножомъ?

Однако Провидѣнію было угодно и на этотъ разъ спасти путешественниковъ. Къ величайшему удивленію ихъ животное вдругъ повернулось и поспѣшно бросилось въ воду.

Можно себѣ представить, какъ обрадовались несчастные неожиданному отступленію своего врага! Читателю, конечно, непонятно, почему змѣя такъ быстро покинула бревно, но путешественники нисколько не были удивлены ея отступленіемъ. Они прекрасно видѣли, какъ она поспѣшно приближаясь къ нимъ, наползла на горящія головни; имъ слышно было даже какъ шипѣла ея кожа. Ожоги, очевидно, были настолько сильны, что змѣя отъ боли бросилась въ воду. Они боялись теперь только, чтобъ она не вернулась. Сначала она плыла изгибами, то удаляясь, то снова приближаясь къ нимъ, но вотъ, какъ бы рѣшивъ окончательно покинуть лагуну, она поплыла въ прямомъ направленіи.

Путешественники не сводили съ нея глазъ; они успокоились только когда врагъ былъ уже далеко. Тутъ они стали доискиваться откуда взялась анаконда. Рѣшено было, что животное проглотивъ лань, или что нибудь въ этомъ родѣ забралось въ пустое дупло мангубы и крѣпко заснуло. Оно спало тамъ, можетъ быть, уже нѣсколько недѣль, не подозрѣвая, что дерево унесло теченіемъ и что оно плаваетъ по водѣ. Проснулась змѣя, вѣроятно, когда Мундруку зажегъ костеръ и когда угли провалились въ дупло.

Въ то время какъ главное дупло было занято огромнымъ

гадомъ, маленькіе муравьи жили въ прогнившемъ суку, нисколько не подозрѣвая такого близкаго сосѣдства.

Между тѣмъ снова поднялся вѣтеръ и бревно быстро подвигалось впередъ; путешественники пристально смотрѣли на горизонтъ, въ надеждѣ увидѣть тамъ землю или, по крайней мѣрѣ, верхушки деревьевъ. Однако въ этотъ день они не увидѣли ни того, ни другого; даже тотъ лѣсъ, который оставался позади, окончательно скрылся съ закатомъ солнца. Къ счастью затишье въ эту ночь не повторилось. Вѣтеръ былъ вполнѣ благопріятный и путешественники рѣшили всю ночь плыть по звѣздамъ.

Разговоръ все еще шелъ про анаконду. Мундруку и негръ многое разсказали по этому поводу. Отъ нихъ товарищи узнали, что эти чудовища водятся въ рѣкахъ Южной Америки, что они достигаютъ тридцати футовъ длины и могутъ проглотить животное, величиною съ лошадь. Эти «водяные удавы» не ядовиты, но они душатъ свою жертву, обвиваясь вокругъ нея; утоливъ же свой голодъ, они погружаются въ спячку.

Въ Южной Америкѣ существуетъ нѣсколько различныхъ видовъ такихъ змѣй. Ихъ можно подраздѣлить на двѣ группы; къ первой принадлежатъ просто удавы, а ко второй «водяные удавы», или анаконды. Первые водятся на сушѣ, а послѣдніе хотя и не живутъ постоянно въ водѣ, но встрѣчаются тамъ, гдѣ много воды. Они хорошо плаваютъ и легко вползаютъ на самыя высокія деревья.

не перегибайте книг при чтеніи.

XVII.

Обрадованные тѣмъ, что вѣтеръ несетъ бревно въ надлежащемъ направленіи, путешественники еще долго бесѣдовали. Когда настало время ложиться спать, они рѣшили, что двое изъ нихъ останутся на стражѣ; при чемъ одинъ будетъ управлять парусомъ, а другой съ помощью весла, постарается удержать бревно въ надлежащемъ направленіи.

Несмотря на то, что Томъ былъ виновникомъ всѣхъ несчастій, которыя имъ приходилось испытывать, товарищи не сердились на него; они знали, что онъ по неопытности направилъ галатею въ гапо. Къ тому же онъ не разъ высказывалъ сожалѣніе по поводу случившагося и терпѣливо переносилъ всѣ печальныя послѣдствія своей ошибки. Даже негръ, несмотря на свою врожденную антипатію къ той на

торой принадлежалъ Томъ, послѣ паденія съ дерева какъ то сблизился съ ирландцемъ.

Въ эту ночь они сидѣли рядомъ и, какъ два брата, бесѣдовали между собой; оба гордились тѣмъ, что именно ихъ, а не кого другого поставили на вахту. Теперь они могли дѣйствовать самостоятельно, тогда какъ обыкновенно приходилось подчиняться индѣйцу. Передъ Мундруку они чувствовали себя какими то приниженными, послѣ того, какъ онъ спасъ имъ жизнь. Они были благодарны ему за спасенье, но имъ было непріятно, что онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на людей совершенно безполезныхъ.

Треваньовъ потребовалъ, чтобъ Мундруку, неспавшій уже нѣсколько ночей, въ эту ночь непремѣнно уснулъ. Хотя у индѣйца была причина, по которой онъ рѣшился не спать и эту ночь, но онъ сдѣлалъ видъ, что соглашается съ Треваньовымъ. Прижавшись спиной къ одному изъ наростовъ, онъ неподвижно сидѣлъ на стволѣ и, казалось, крѣпко спалъ.

Ни негръ, ни Типперари Томъ не принадлежали къ числу молчаливыхъ людей, а потому они продолжали бесѣдовать въ то время, какъ товарищи ихъ спали. Они опять говорили о змѣяхъ.

— Я думаю ихъ много въ вашей сторонѣ?—спросилъ Томъ.

— Да! Да еще какія огромныя.

— Ну, ужъ не такія какъ анаконда, которую мы видѣли сегодня!

— Какъ!...—Это по твоему большая змѣя? Да вся длина то ея была не болѣе десяти аршинъ. У насъ на африканскомъ берегу встрѣчаются змѣи длиною болѣе мили и гораздо толще бревна, на которомъ мы сидимъ.

— Больше мили длиною?..—Ты шутишь?—Ужъ не видалъли ты самъ такой змѣи?

— Да, видалъ.

— И такой толщины, какъ это дерево?

— Да, увѣряю тебя. Такая змѣя можетъ два раза обвиться вокругъ крааля.

— А что такое крааль?

— Это мѣсто гдѣ мы живемъ; то что вы, бѣлые, называете деревней. Такъ вотъ змѣя дважды обвивается вокругъ деревни, въ которой до ста хижинъ.

ПОЖАЛУЙСТА
Не перегибайте книг при чтеніи.

— Нѣтъ, ты шутишь, Мозей!—Какъ же змѣя можетъ обвиться вокругъ сотни хижинъ?

— Я самъ это видѣлъ.

— Когда?

— Когда я былъ еще ребенкомъ.—Если хочешь, я подробно разскажу тебѣ эту исторію. Не будь я тогда ловкимъ мальчуганомъ, я бы не сидѣлъ теперь здѣсь съ тобой.

— Ну разскажи, какъ это все было.

— А вотъ какъ.—Мнѣ было тогда лѣтъ десять. Деревня, въ которой я жилъ, была расположена около большого лѣса; въ этомъ лѣсу водились всевозможныя животныя: буйволы, слоны, носороги, гиппопотамы и огромныя обезьяны. Но больше всего тамъ было змѣй; однѣ изъ нихъ были больше, другія меньше, но всѣ были ужасны и ядовиты. Самая большая змѣя у насъ называется «лѣснымъ дьяволомъ».—Вотъ однажды утромъ, когда всѣ еще спали, нашу деревню и окружилъ такой дьяволъ; онъ дважды обвился вокругъ нея.

— Ты хочешь, вѣроятно, сказать, что змѣя два раза проползла вокругъ деревни?

— Нѣтъ, нѣтъ.—Я говорю, что когда всѣ проснулись, то увидали вокругъ деревни стѣну, вышиною около десяти футовъ; это было ничто иное, какъ змѣя, обвившаяся въ два кольца вокругъ нашей деревни, при чемъ одно кольцо лежало на другомъ.

— Святой Патрикъ, спаси и сохрани!

— Ахъ, да, Томъ!—Ты, кажется, говорилъ, что святой, котораго ты всегда призываешь, истребилъ много змѣй.—Вотъ еслибъ онъ былъ въ то утро въ нашей деревнѣ, мои родители, можетъ быть, до сихъ поръ были бы живы.

— Ты развѣ сирота?

— Да, съ того самаго утра я сталъ сиротой.

— Ну, разсказывай, разсказывай дальше, Мозей.

— Окруживъ дважды деревню, дьяволъ то и дѣло вытягивалъ шею и пожиралъ всѣхъ, кто ему попадался; затѣмъ онъ сталъ заглядывать въ каждую хижину и не оставлялъ въ живыхъ ни одного человѣка.—Нашего вождя онъ проглотилъ также безцеремонно, какъ всякаго простого негра. Дѣтей онъ пожиралъ сразу цѣлыми десятками, какъ муравьѣдъ токандейру. — Нѣкоторые пробовали спастись, но это ни къ чему не привело. Когда они старались перелѣзать черезъ заборъ, который представлялъ собой ту-

ловище чудовища, дьяволъ однимъ движеніемъ стряхивалъ ихъ съ себя.

— Ну, а какъ же тебѣ удалось спастись?

— О!—это очень интересно!—Какъ я уже сказалъ, мнѣ было тогда лѣтъ десять. Я служилъ въ домѣ нашего начальника; домъ этотъ мы называли дворцомъ. На немъ былъ шестъ, а на шестѣ флагъ. И вотъ, какъ только я увидѣлъ страшную пасть, которая поглощала всѣхъ, я понялъ, что прятаться въ дому безполезно.—Я взобрался на этотъ шестъ и флагомъ закутался такъ, что меня совсѣмъ не было видно.—Когда дьяволъ всѣхъ проглотилъ, онъ вытянулся и пополъзъ въ лѣсъ. Ему и въ голову не пришло, что на шестѣ остался мальчуганъ. Какъ только чудовище удалилось, я спустился на землю и побѣжалъ въ свою хижину; родителей моихъ тамъ не было, змѣя проглотила ихъ вмѣстѣ съ другими. Тогда я поступилъ на корабль. Теперь ты знаешь, почему я не живу на родинѣ.

Хотя негръ очень серьезно разсказывалъ все это, тѣмъ не менѣе, Томъ не особенно вѣрилъ ему; онъ подумалъ даже, что пріятель подшучиваетъ надъ нимъ, но рѣшилъ всетаки не возражать. Послѣ нѣкотораго молчанія, заговорили о другомъ.

Рулевой замѣтилъ, что звѣзда, по которой ему было приказано плыть, стала меркнуть, такъ какъ небо все болѣе и болѣе покрывалось тучами. Прошло еще минутъ десять и на небѣ не оставалось уже ни одной звѣздочки.

Однако Томъ продолжалъ править; вѣтеръ дулъ все въ томъ же направленіи. Только часъ спустя онъ понемногу стихъ, и бревно остановилось. Томъ хотѣлъ разбудить товарищей, но Мозей увѣрялъ, что это совершенно лишнее.

— Пускай они лучше выспятся хорошенько; если вѣтеръ снова подымется, бревно поплыветъ и безъ ихъ помощи.—Зачѣмъ ихъ безпокоить напрасно? Пока они совѣщались по этому поводу, ихъ поразилъ какой то странный шумъ. Точно гдѣ то вдали вылъ вѣтеръ и вой его смѣшивался съ крикомъ различныхъ животныхъ.

— Что это такое?—Какъ ты думаешь, Мозей,—спросилъ Тиннерари Томъ.

— Это похоже на шумъ большого лѣса.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Я хочу сказать, что это напоминаетъ крикъ животныхъ, которыя находятся въ лѣсу.

— А вѣдь, кажется, ты правъ, товарищъ; значитъ, мы, приближаемся къ противоположному берегу лагуны, что намъ и нужно.

— Это очень пріятно!—Не разбудить ли хозяина и не сказать ли ему объ этомъ?..

— Нѣтъ, не надо!—Пусть лучше онъ спитъ до утра; теперь скоро начнетъ свѣтать. Вонъ тамъ, кажется, уже заря загорѣлась.

—Смотри-ка, что это тамъ такое?—вскричалъ негръ.

— Гдѣ?

— Вонъ тамъ, впереди. Точно огонь.—Развѣ ты не видишь?

— Да, дѣйствительно, тамъ что-то свѣтится.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Треваньовъ, проснувшись и услышавъ вопросъ негра.

— Смотрите-ка, тамъ какой то огонь!

— Даже, кажется, два огня!

— Правда! Правда!—Два!

— Я слышу какой то шумъ.

— Мы давно уже его слышимъ.

— Отчего же вы насъ не разбудили?—Можетъ быть мы опять заблудились. Шумъ доносится какъ будто со стороны лѣса. Мунди! Мунди!

— Что случилось!—спросилъ просыпаясь индѣецъ. Опять какая нибудь бѣда?

— Нѣтъ! Напротивъ, мы, кажется, подплываемъ къ противоположному берегу лагуны.

— Такъ и есть!—вскричалъ индѣецъ, въ свою очередь услышавъ шумъ.—Вотъ и суша!—Я вижу огонь между деревьями!

— Да; мы ужъ давно его замѣтили.

— Да, да,—это огни.—Мы приближаемся къ твердой землѣ!

— Слава Богу,—вскричалъ индѣецъ, теперь мы спасены. А можетъ быть... прошепталъ что то Мундруку и въ тонѣ его слышалось не только сомнѣнье, но и боязнь.

— Что «можетъ быть», Мунди?—спросилъ Треваньовъ. Вѣдь, если это, дѣйствительно, огни, значитъ тамъ берегъ и на немъ живутъ люди. Они, конечно, примутъ въ насъ участіе.

— Ахъ, господинъ мой!—А вдругъ вмѣсто того, чтобъ намъ помочь, эти люди захотятъ насъ съѣсть?

— Какъ!—Ты думаешь, что здѣсь можно встрѣтить людоѣдовъ?

— Конечно, господинъ мой.

— Да хранитъ насъ Пресвятая Дѣва!—воскликнулъ Типперари Томъ.

Ричардъ, Ральфъ и Розита тоже проснулись; услыхавъ слово «людоѣды», они страшно испугались.

— На наше счастье,—сказалъ Мундруку, озираясь, вѣтеръ стихъ, иначе насъ бы прибило къ берегу.—Я сейчасъ поплыву къ этимъ огонькамъ и узнаю, что насъ ожидаетъ. Молодой господинъ можетъ быть послѣдуетъ за мной?

— О безъ сомнѣнья,—сказалъ Ричардъ.

— Ну, а вы,—продолжалъ индѣецъ, постарайтесь быть какъ можно тише во время нашего отсутствія, вѣдь мы не далеко отъ этихъ огней, до нихъ не больше мили, а по водѣ звукъ доносится очень далеко. Если это, дѣйствительно, враги, и если они насъ услышатъ, намъ не спастись отъ нихъ. Поплывемъ же скорѣе, молодой господинъ, нельзя терять ни минуты. Скоро уже разсвѣтаетъ. Если мы замѣтимъ, что намъ грозитъ опасность, мы только, только успѣемъ скрыться въ темнотѣ. На нее вся надежда. И такъ—поплывемъ!

Сказавъ это, индѣецъ тихонько спустился въ воду и поплылъ къ огонькамъ, которые все больше и больше разгорались.

— Не бойтесь, Розита,—сказалъ Ричардъ, разставаясь съ кузиной.—Я готовъ биться объ закладъ, что мы найдемъ тамъ какую нибудь плантацію и домикъ, въ которомъ живутъ бѣлые; они, конечно, радушно примутъ насъ и помогутъ добраться до Пары. Итакъ до свиданія! Мы скоро вернемся съ добрыми вѣстями.

Проплывъ всего лишь нѣсколько саженъ, пловцы ясно видѣли, что лѣсъ гораздо ближе, чѣмъ это казалось съ берега. Они видѣли только темную полосу надъ поверхностью воды; полоса эта тянулась какъ на право, такъ и на лѣво довольно далеко; въ звукахъ, которые оттуда доносились,

ПОЖАЛУЙСТА
не загибайте книг при чтении.

Пронзительнѣе всѣхъ кричали ревуны; къ ихъ кр примѣшивался меланхолическій вой лѣнивца, или ai. Всѣ эти звуки и многіе другіе составляли тотъ огромный хоръ, который наполняетъ тропическій лѣсъ своей ночной музыкой. Другіе, еще болѣе отдаленные звуки, которые были почти неуловимы, доказывали, что лѣсъ тянется далеко вглубь по всему горизонту. Однако, пловцовъ интересовали только огни; они становились все яснѣе, по мѣрѣ того, какъ Мундруку и Ричардъ приближались къ нимъ. Надо было во что бы то ни стало, узнать кѣмъ и гдѣ именно они были разведены. Ричардъ предполагалъ, что они находятся на берегу лагуны и, конечно, на сушѣ. Спутникъ его высказывалъ сомнѣнье по тому поводу. Огни горѣли очень неровно; они то увеличивались, то уменьшались. Временами они вдругъ гасли одинъ за другимъ, а затѣмъ снова вспыхивали. Юноша дивлялся такимъ перерывамъ, но спутникъ его объяснилъ ему довольно просто.

— Огни,—сказалъ онъ,—разведены въ нѣкоторомъ разстояніи отъ опушки, въ чащѣ лѣса; по временамъ деревья заслоняютъ ихъ и производятъ иллюзію.

Пловцы все подвигались впередъ, дѣлясь тихонько впечатлѣніями. Вскорѣ они подплыли подъ густыя деревья; отсюда огни видны были еще лучше. Сначала Ричардъ подумалъ, что они разведены на краю возвышенности. Вглядѣвшись пристальнѣе, онъ замѣтилъ, что ихъ красный свѣтъ отражался въ водѣ, поверхность которой ярко блестѣла; они какъ бы горѣли надъ водой. Когда пловцы еще ра... приблизились и глаза ихъ свыклись со свѣтомъ, они за...тили, что костры разложены на какихъ то помостахъ, в...вшихся на нѣсколько футовъ надъ водой и что помо...ы эти поддерживались стволами деревьевъ. Они замѣтили еще и другіе, такіе же помосты, но, вѣроятно, потому, что жившіе на нихъ еще не вставали, тамъ не было ни одного огня. Вокругъ костровъ двигались человѣческія фигуры; между деревьями были повѣшены гамаки; нѣкоторые изъ нихъ были пусты, въ другихъ же кто то спалъ. Слышны были голоса мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Индѣецъ наклонился къ Ричарду и шепнулъ ему: —малокка!

Ричардъ зналъ, что малоккой называютъ всякое ...дское селенье.

— Значитъ суша близко?—обрадовался онъ.

— Нѣтъ.

— Но вѣдь тутъ деревня.—Это ясно доказываетъ, что мы приближаемся къ сушѣ.

— Нисколько, господинъ мой. Такая деревня, какъ та, которую мы здѣсь видимъ, доказываетъ совершенно обратное.

— Во всякомъ случаѣ хорошо, что мы напали хоть на эту деревню, висящую между небомъ и землей.

— Ну, это смотря потому, кто въ ней живетъ. Можетъ быть мы наткнулись на племя людоѣдовъ.

— Неужели ты думаешь, что въ гапо можно встрѣтить людоѣдовъ?

— Конечно, господинъ мой.—Въ гапо есть даже такіе дикари, которые способны замучить человѣка, прежде чѣмъ его убить; въ особенности бѣлыхъ! Они, вѣроятно, не безъ злобы вспоминаютъ о томъ, какъ ихъ загоняли въ затопленные лѣса. Боже милостивый!—Если только это малокка мурасовъ, то мы должны какъ можно скорѣе уходить отсюда. Вамъ, бѣлымъ, не будетъ никакой пощады, а мнѣ еще менѣе, хотя я и краснокожій, какъ они. Наше племя въ смертельной враждѣ съ мурасами.

— Что же намъ дѣлать?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Оставаться здѣсь и слушать. Вотъ ухватитесь за этотъ сукъ, не двигайтесь съ мѣста и ни слова не говорите; дайте мнѣ послушать ихъ.—Я знаю ихъ языкъ, мнѣ бы только уловить хоть одно слово. Тс!

Ричардъ послушался индѣйца и притаился. Не болѣе двухъ минутъ прислушивался Мундруку. Вдругъ онъ вздрогнулъ. Лицо его выразило безпокойство; Ричардъ замѣтилъ это при слабомъ отблескѣ отдаленныхъ огней.

— Это мураса, какъ я и предполагалъ, прошепталъ индѣецъ. Надо плыть обратно, не теряя ни минуты.— Все что мы можемъ сдѣлать, это грести, какъ можно скорѣе, чтобы до разсвѣта скрыться отъ нихъ. Если это намъ не удастся,—мы всѣ погибли!

Пловцы удалялись отъ огней гораздо скорѣе, чѣмъ приближались къ нимъ; они съ напряженіемъ всѣхъ силъ безъ отдыха плыли до самой монгубы, такъ какъ ихъ жизнь и жизнь остальныхъ путешественниковъ была на волоскѣ.

Пожалуйста не перегибайте книг при чтении.

XVIII.

Можно себѣ представить, какъ взволновало всѣхъ извѣстіе, принесенное индѣйцемъ.—Треваньовъ не вѣрилъ, что существуютъ такіе кровожадные люди и говорилъ, что Мундруку преувеличиваетъ. Однако, Ричардъ, которому не разъ приходилось дома слышать разсказы купцовъ, путешествовавшихъ по Амазонкѣ, подтвердилъ слова индѣйца. Онъ слышалъ, что въ затопленныхъ лѣсахъ часто встрѣчаются дикія племена, которыя устраиваютъ свои жилища на деревьяхъ; нѣкоторыя изъ этихъ племенъ,—людоѣды, всѣ же вообще чрезвычайно дики и кровожадны. Треваньовъ не сталъ болѣе спорить и тотчасъ же взялся за весло; индѣецъ послѣдовалъ его примѣру.

Мундруку составилъ такой планъ отступленія: сначала они должны были плыть параллельно береговымъ деревьямъ, но лишь только начнетъ свѣтать, надо было спрятаться въ чащѣ. Индѣецъ и Треваньовъ гребли изо всѣхъ силъ. Проплывъ около полу-мили, Треваньовъ оглянулся и посмотрѣлъ на огни. Можно было подумать, что люди, которые ихъ развели, намѣревались сжечь весь лѣсъ; между деревьями появлялись все новые и новые огоньки. Мундруку объяснилъ, что каждый появлявшійся огонекъ обозначалъ, что просыпалась еще одна семья. Вѣроятно, дикари готовили завтракъ.

Съ ужасомъ думали путешественники о томъ, что не будь они такъ предусмотрительны, они можетъ быть жарились бы теперь на этихъ самыхъ огонькахъ. Казалось, никогда еще бревно не плыло такъ медленно; несмотря на всѣ старанія гребцовъ, оно едва, едва подвигалось. Вѣтра или совсѣмъ не было, или же онъ дулъ въ противоположную сторону; при такихъ условіяхъ парусъ только мѣшалъ. Замѣтивъ это, индѣецъ спустилъ его.

Проплывъ всего лишь полъ мили, они замѣтили, что надъ деревьями показалась заря. Они находились въ это время на самомъ экваторѣ, гдѣ вслѣдъ за зарей почти сейчасъ же появляется солнце.

До опушки лѣса оставалось еще съ полъ мили, а солнце уже выплывало изъ лагуны; съ его появленіемъ огни стали меркнуть. Еще десять минутъ, и будетъ совершенно свѣтло!

Треваньовъ и Мундруку гребли, не жалѣя силъ; они знали, что отъ нихъ только зависитъ теперь ихъ собственное спасенье и жизнь товарищей.

Казалось, солнце покровительствовало имъ; оно не только не подымалось выше, но совсѣмъ скрывалось. А можетъ быть, этому способствовали и деревья, до которыхъ они уже успѣли добраться. Вдругъ стало совсѣмъ темно; они вошли въ устье протока, скрытаго подъ сѣнью деревьевъ. Продолжая грести, они добрались до маленькаго залива, окаймленнаго деревьями, верхушки которыхъ перепутались между собою и образовали темный сводъ, подъ которымъ они прекрасно могли укрыться. Кругомъ было такъ темно, что путешественники не могли даже опредѣлить далеко ли простирается потокъ. Они перестали грести и остановились.

Еслибы не свѣтляки, летавшіе подъ деревьями, то подъ сводомъ ничего бы не было видно. Свѣтляки эти были крупные жуки, изъ рода скакуновъ, такъ называемые кокуйо (elater noctilucus). Если одного такого свѣтляка держать надъ книгой, то можно свободно читать. Благодаря тому, что ихъ было очень много, и что они постоянно двигались, путешественникамъ удалось разглядѣть бухту и убѣдиться въ томъ, что она очень не велика.

По мѣрѣ того, какъ солнце подымалось, свѣтъ его, мерцая, сталъ проникать сквозь листву; тогда стало еще виднѣе, что протокъ тянулся всего лишь на одну—двѣ сотни шаговъ. Чтобы выйти изъ него, путешественники должны были бросить бревно и пробираться между деревьями, или же снова выплыть на лагуну. Понятно, что они не могли выбрать ни того, ни другого; по деревьямъ они уже довольно попутешествовали, а о томъ, чтобы бросить бревно, на которомъ они такъ хорошо устроились, они даже и подумать не могли.

Вернувшись снова на лагуну, они рисковали попасть прямо въ руки дикарей, такъ какъ вся водная поверхность была освѣщена солнцемъ и бревно тотчасъ же замѣтили бы въ малоккѣ. У индѣйцевъ были лодки, привязанныя къ стволамъ деревьевъ, которыя поддерживали ихъ воздушныя жилища.

Мундруку и Ричардъ видѣли эти лодки; правда, онѣ были довольно неуклюжи, но какъ бы медленно они не подвигались, въ случаѣ погони, онѣ, навѣрно, догнали бы бревно. Безопаснѣе всего было оставаться подъ сводомъ, въ томъ случаѣ, конечно, если дикари не заглянутъ туда; съ наступленіемъ ночи можно было тихонько выбраться изъ подъ свода, и какъ можно дальше уйти отъ опасныхъ жителей малокки.

Остановившись на этомъ планѣ, путешественники забра-

лись въ самый темный уголъ и, привязавъ къ дереву бревно, расположились на немъ какъ можно удобнѣе. Невесело было было имъ сидѣть въ этой глубокой тишинѣ и въ потемкахъ; къ тому же они все время находились подъ страхомъ, что вотъ, вотъ какой нибудь мурасъ замѣтитъ ихъ и дикимъ крикомъ сообщитъ о своей находкѣ товарищамъ. Впрочемъ, они приняли всѣ мѣры, чтобы не быть замѣченными; они даже не разводили огня, хотя пора было уже позаботиться о завтракѣ. Боясь, чтобы дымъ не выдалъ ихъ, они рѣшили ѣсть сырое мясо.

Хотя кругомъ нихъ была глубокая тьма, однако вдали, у выхода изъ-подъ свода, виднѣлась свѣтлая полоса. Они точно сидѣли въ какомъ нибудь гротѣ, изъ котораго былъ виденъ океанъ. Понятно, что всѣ взоры были обращены къ этой свѣтлой полосѣ, такъ какъ кругомъ больше ничего не было видно. Позади и по бокамъ была сплошная стѣна изъ деревьевъ, перепутанныхъ цѣлою сѣтью ліанъ; казалось, даже животныя, привыкшія къ лѣсной чащѣ, не смогутъ проникнуть черезъ эту стѣну. О томъ, чтобы тутъ могли пробраться люди, нечего было и думать. Вотъ почему путешественники смотрѣли только въ сторону лагуны. Они тихонько разговаривали между собой. До полудня все было тихо; опасенія ихъ мало по малу уступали мѣсто надеждѣ еще до ночи уйти отъ дикарей.

Порой надъ освѣщенной солнцемъ лагуной, пролетала птица. Присутствіе ея доказывало, что вблизи не было людей; это подтверждала и пара морскихъ коровъ, которыя спокойно плавали у входа въ гротъ. Когда одна изъ нихъ уснула недалеко отъ деревьевъ, индѣйцу стоило большого труда удержаться, чтобы не подплыть къ ней и не убить ее ножомъ, или копьемъ. Однако, онъ воздержался отъ этого соблазна, и, хотя и не безъ сожалѣнія, предоставилъ животному наслаждаться отдыхомъ. Къ несчастію для нашихъ путешественниковъ и для морской коровы, Мундруку не одинъ замѣтилъ спящее животное. Ничего не подозрѣвая, индѣецъ и его товарищи уже перестали слѣдить за коровою, какъ вдругъ она высунулась изъ воды и, сдѣлавъ два, три прыжка, быстро скрылась. Движенья эти были такъ неожиданны и такъ неестественны, что ихъ можно было объяснить только внезапнымъ нападеніемъ какого нибудь врага.

Индѣецъ зналъ, что въ гапо нѣтъ ни акулъ, ни меча-рыбы; крокодилъ же, или большая птица кондоръ, не посмѣютъ

напасть на такое огромное животное, какъ морская корова. Нѣкоторымъ изъ путешественниковъ показалась, какъ будто что-то въ родѣ искры, или молніи мелькнуло въ то время, какъ корова выскочила изъ воды.

— Будьте внимательны!—прошепталъ Мундруку, замѣтно встревоженный. Я знаю, что это такое. Будьте, какъ можно тише, или мы погибли!

— Съ чемъ же дѣло?—спросилъ Треваньовъ.

— Посмотрите-ка въ ту сторону, господинъ.—Видите, какъ тамъ рябитъ вода?

— Это вполнѣ понятно,—тамъ только что нырнула корова.

— Нѣтъ, нѣтъ, смотрите вотъ сюда.—Видите, тутъ тянется веревка... А тамъ, дальше, виднѣется еще кое-что.

Индѣйцу не пришлось долго объяснять. Спутники уже видѣли, что за веревкой тянулся поплавокъ, а за нимъ виднѣлась пирога, въ которой сидѣлъ дикарь; очевидно, онъ охотился за морской коровой. Индѣецъ походилъ болѣе на обезьяну, чѣмъ на человѣка. Онъ былъ маленькаго роста съ отвисшимъ животомъ, съ длинными, худыми руками и съ тонкими ногами; на колѣняхъ у него были какіе то наросты. Огромная голова была покрыта густыми, длинными волосами. Выдающіяся скулы и впалые глаза дѣлали его еще менѣе похожимъ на человѣка. Неудивительно было, что, при видѣ его Розита вскрикнула отъ ужаса.

— Тише!—сказалъ Мундруку.—Не говорите ни слова, иначе присутствіе наше будетъ замѣчено.

Приказаніе индѣйца было въ точности исполнено; все замерло на монгубѣ. Очевидно, дикарь еще ничего не слыхалъ и не видалъ; онъ думалъ только о своей добычѣ и всецѣло былъ занятъ ея преслѣдованіемъ. Благодаря «поплавку» онъ не терялъ изъ виду свою жертву и слѣдилъ за ея малѣйшимъ движеніемъ подъ водой. Поплавокъ двигался то въ одномъ направленіи, то въ другомъ; временами онъ неподвижно стоялъ на одномъ мѣстѣ. Тогда дикарь бросалъ весло, брался за веревку и изо всѣхъ силъ тянулъ ее къ себѣ; но это ни къ чему не приводило, такъ какъ боязнь, что животное, уходя, опрокинетъ лодку, заставляла его выпускать веревку изъ рукъ.

Лодка его была грубой работы; она была сдѣлана изъ цѣльной древесной коры, связанной съ двухъ концовъ льянами. Она подвигалась очень медленно даже въ томъ случаѣ, когда сидѣвшій въ ней гребъ изо всѣхъ силъ. Впрочемъ, во время охоты на

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи.

морскую корову большой скорости и не требовалось, тутъ все дѣло было въ терпѣньи. Надо было только дождаться, когда раненое животное окончательно ослабѣетъ отъ потери крови. Наконецъ путешественники потеряли изъ виду и поплавокъ, и лодку; они очень этому обрадовались такъ какъ присутсвіе дикаря сильно пугало ихъ. Но вдругъ животное снова появилось, а за нимъ показалась и лодка. Къ ужасу путешественниковъ, и добыча и охотникъ направлялись прямо подъ сводъ. Глаза индѣйца горѣли. Работая весломъ изо всѣхъ силъ, онъ быстро подвигался въ потемкахъ. Путешественники наши потеряли послѣднюю надежду остаться незамѣченными.

XIX.

Увидавъ передъ собою людей, дикарь испугался не менѣе путешественниковъ, стоявшихъ на монгубѣ. Изъ груди его вырвался дикій крикъ, въ которомъ слышался ужасъ и удивленіе. Подобно дикимъ животнымъ, индѣецъ, въ случаѣ опасности, не взвѣшиваетъ и не обсуждаетъ своего положенія, а дѣйствуетъ исключительно подъ вліяніемъ инстинкта самосохраненія. Выразивъ крикомъ свое удивленіе, дикарь быстро опустилъ въ воду весло и поплылъ назадъ.

Въ нѣсколько секундъ онъ добрался до выхода изъ подъ свода; ему помогло еще то обстоятельство, что лодка ударившись о бревно, снова отскочила отъ него. Онъ спѣшилъ выбраться на лагуну и сообщить своимъ о томъ, что подъ сводомъ скрываются бѣлые.

Никто изъ путешественниковъ и не думалъ гнаться за дикаремъ. Когда лодка ударилась о бревно, Типперари Томъ попробовалъ было задержать её, но она такъ быстро отскочила назадъ, что ирландецъ полетѣлъ въ воду и чуть-чуть не утонулъ. Попытка эта можетъ быть и удалась бы, еслибъ Мундруку принялъ въ ней участіе, но онъ куда-то исчезъ и его нигдѣ не было видно. Розитѣ показалось, что онъ спрятался за дерево, когда лодка стала приближаться къ нимъ, но она могла ошибиться, такъ какъ было очень темно; къ тому же все вниманіе ея было поглощено дикаремъ.

Неужели Мундруку бросилъ товарищей, позаботившись только о своей безопасности?—Этого никто не могъ допустить; Мундруку не былъ трусомъ. Въ порядочности его тоже нельзя было сомнѣваться. Всѣ были поражены его отсутствіемъ и ни-

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи

Ухватившись за край лодки, медведь опрокинулъ ее.

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

Водой по лѣсу. *стр. 10*

кто не могъ объяснить причины его исчезновенія. Однако скоро все объяснилось.

Лишь только лодка подошла къ выходу изъ-подъ свода; какъ надъ водой показалось что то круглое, черное, точно человѣческая голова; за ней появилась длинная сильная рука. Ухватившись за край лодки, она опрокинула её. Дикарь полетѣлъ въ воду. Между врагами завязалась жестокая борьба: точно два крокодила боролись на смерть между собой. Съ бревна были видны только двѣ темныя фигуры, уцѣпившіяся другъ за друга, да временами до путешественниковъ доносился какой то глухой ревъ.

Съ удивленіемъ смотрѣли они на эту непонятную сцену. Но вотъ они увидѣли Мундруку, который тащилъ за собой дикаря.

Въ зубахъ у индѣйца сверкалъ ножъ. Видно дикарь уже успѣлъ познакомиться съ нимъ, иначе онъ не плылъ бы съ такой покорностью; онъ походилъ на вора, захваченнаго полицейскимъ.

— Протяните ему руку, господинъ мой, и втащите его,— сказалъ Мундруку, подплывая къ бревну.—Мнѣ не хотѣлось убивать это животное, хотя, конечно, это было бы самое вѣрное средство спастись отъ его предательства.

— Нѣтъ, нѣтъ, Мунди, ради Бога, не дѣлай этого!—вскричалъ Треваньовъ.—Мы будемъ караулить его, онъ не уйдетъ отъ насъ. Если его крика не слыхали тамъ, въ деревнѣ, то намъ нечего бояться. Говоря это Треваньовъ подошелъ къ самому краю бревна и съ помощью Мундруку и Мозея втащилъ на него плѣнника.

Дикарь дрожалъ всѣмъ тѣломъ и имѣлъ ужасно жалкій видъ. Онъ думалъ, вѣроятно, что сейчасъ его убьютъ и съѣдятъ. Изъ раны, нанесенной ему индѣйцемъ, по спинѣ текла кровь. Только послѣ этой раны онъ сдался.

Всѣ стали разспрашивать Мундруку, какъ онъ поймалъ дикаря.

— Въ то время, какъ дикарь плылъ къ намъ,—разсказывалъ индѣецъ, я тихонько спустился съ бревна и поплылъ ему навстрѣчу. Благодаря темнотѣ и волнамъ, поднятымъ морской коровой, меня не было видно. Ухватившись за вѣтку, я ждалъ, когда дикарь, замѣтивъ васъ, бросится назадъ.

— Но если тамъ, въ маллока, слышали крикъ дикаря, мы пропали,—сказалъ Треваньовъ.—Я думаю, ихъ тамъ цѣлыя

сотни, а у насъ даже нѣтъ никакого оружія.—Хорошо еще, Мундри, что ты не убилъ мураса.

— Почему хорошо?—удивился индѣецъ.

— Потому что они жестоко мстятъ за убійство товарища и еслибъ мы попались имъ, они не простили бы намъ этого.

— О!—возразилъ Мундруку, если ужъ мы попадемся имъ, намъ нѣтъ спасенья. Кромѣ жажды мести, они отличаются еще необыкновеннымъ аппетитомъ, и мы можемъ быть увѣрены, что они насъ съѣдятъ.

Треваньовъ и Мундруку такъ тихо говорили между собой, что словъ ихъ никому не было слышно.

— Боже мой, Боже мой!—шепталъ Треваньовъ, глядя на дѣтей.—Что же намъ дѣлать?—Вѣдь, если дикари до ночи узнаютъ о томъ, что мы здѣсь, мы погибли!

— Если только они не слыхали крика мураса, я увѣряю васъ, господинъ мой, что къ полуночи мы избавимся не только отъ своихъ кровожадныхъ сосѣдей, но и вообще отъ всѣхъ несчастій, которыя намъ приходилось переносить за время плаванья по гапо. — Ахъ! смотрите, смотрите, что съ лодкой то дѣлается!—вдругъ вскричалъ индѣецъ.

Съ этими словами онъ бросился въ воду и быстро поплылъ къ лодкѣ, которую вѣтромъ несло прямо на лагуну. Надо было, во чтобы то ни стало поймать ее. Стоитъ ей только показаться на лагунѣ, въ малокка замѣтятъ ее, увидятъ, что она пустая и бросятся спасать товарища. Но вотъ Мундруку схватилъ ее и потащилъ за конецъ веревки, оставшейся отъ гарпуна. Она должна была сослужить хорошую службу.

Весь день путешественники молча просидѣли въ полумракѣ, подъ сводомъ деревьевъ. Отъ времени до времени Мундруку подплывалъ къ выходу и, сквозь деревья, внимательно осматривалъ лагуну. Кругомъ все было спокойно. Только разъ онъ увидалъ большую лодку съ тремя дикарями, но они направлялись совсѣмъ въ другую сторону. Они плыли по лагунѣ, приблизительно въ двухъ стахъ саженяхъ отъ берега, какъ разъ противъ малокки. Мундруку внимательно слѣдилъ за лодкой до тѣхъ поръ, пока она не скрылась изъ виду; по движеніямъ сидѣвшихъ въ ней было видно, что они занимались рыбной ловлей. Индѣецъ никакъ не могъ понять, какую рыбу они ловили. Около часа простояли они на одномъ мѣстѣ, а потомъ поплыли къ берегу и скрылись за деревьями. Мундруку разсказалъ объ

этомъ товарищамъ и всѣ успокоились. Ясно было, что дикарь въ одиночку охотился за морской коровой и что другіе не подозрѣвали объ его исчезновеніи.

— Но вотъ вопросъ, какъ долго его отсутствіе можетъ оставаться незамѣченнымъ?—Возможно, что у него была жена, или друзья, которыхъ могло удивить его отсутствіе.

— Не безпокойтесь,—сказалъ Мундруку, въ отвѣтъ на всѣ эти соображенія Треваньова. Затѣмъ, презрительно кивнувъ въ сторону дикаря, онъ прибавилъ: товарищи его такъ же мало огорчатся его исчезновеніемъ, какъ огорчаются обезьяны, когда заблудится одна изъ нихъ. Если у него есть жена, чего я положительно не допускаю, то она очень обрадуется, что избавилась отъ него. Что же касается того, чтобы товарищи стали его розыскивать изъ чувства дружбы, какъ вы предполагаете, то это совсѣмъ невозможно. Люди его племени не знаютъ такого чувства. Вотъ еслибы ему удалось поймать морскую корову, тогда всѣ бы бросились къ нему, какъ голодные ястребы. Если никто изъ нихъ сюда случайно не заплыветъ, намъ нечего бояться сегодня. А завтра, если мнѣ удастся исполнить то, что я задумалъ, мы будемъ, какъ я уже сказалъ, не только далеко отъ дикарей, но и отъ этой проклятой лагуны.

Несчастные весь день ничего не ѣли; они боялись, что если они разведутъ огонь, дикари замѣтятъ дымъ и найдутъ ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ не могли болѣе переносить голода и ѣли сырое мясо морской коровы.

Другіе же рѣшили подождать разсвѣта, когда, по словамъ Мундруку, можно будетъ развести огонь. Дикарь по своему объяснилъ воздержаніе ихъ отъ пищи. Онъ рѣшилъ, что они для него берегутъ аппетитъ. Чтобъ онъ не могъ бѣжать. Они связали ему руки и ноги. Кромѣ того они крѣпко привязали его къ самому стволу. Словомъ, они приняли всѣ мѣры для того, чтобы онъ не ушелъ отъ нихъ.

Хотя лодку и спрятали отъ него, но это нисколько не могло помѣшать ему добраться до малокки, такъ какъ, по словамъ Мундруку, мурасы не хуже обезьянъ лазятъ по деревьямъ.

Треваньову не вѣрилось, что сосѣдство дикарей было такъ опасно, какъ это утверждалъ Мундруку. Но представитель племени мурасовъ, находившійся у нихъ въ плѣну, разсѣивалъ его сомнѣнія по этому поводу и подтверждалъ слова индѣйца. Трудно было себѣ представить до какой степени отвра-

ПОЖАЛУЙСТА не перегибайте книг при чтении

тительное лицо было у этого дикаря. Мундруку хорошо зналъ старую поговорку: «мертвые не говорятъ» и охотно покончилъ бы съ дикаремъ, но Треваньовъ не хотѣлъ объ этомъ и слышать.

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтении

XX

До вечера было все спокойно; но съ закатомъ солнца произошло одно обстоятельство, которое напугало нашихъ путешественниковъ: на небѣ показалась луна, и благодаря ей ночь обѣщала быть свѣтлой.

Между тѣмъ Мундруку говорилъ, что онъ можетъ исполнить задуманное только въ томъ случаѣ, если ночью будетъ темно.

Планъ его заключался въ слѣдующемъ: лишь только наступитъ ночь, они должны выплыть на лагуну и, распустивъ парусъ, уйти въ сторону, противоположную маллокѣ. Если же не будетъ вѣтра рѣшено было при помощи веселъ плыть вдоль берега лагуны и, гребя изо всѣхъ силъ, стараться какъ можно скорѣе уйти отъ этого мѣста; въ случаѣ, если они не успѣютъ уйти до восхода солнца, они снова спрячутся между верхушками береговыхъ деревьевъ и просидятъ тамъ до слѣдующей ночи.

Однако, имъ не суждено было осуществить своего намѣренія въ эту ночь; луна плыла по небу и своимъ серебристымъ свѣтомъ озаряла всю лагуну. Даже самый маленькій предметъ не могъ оставаться незамѣченнымъ на зеркальной поверхности воды. Вотъ въ малоккѣ зажгли огни. Ночной хоръ голосовъ снова послышался въ затопленномъ лѣсу. Крикъ ягуара покрывалъ собою всѣ остальные голоса. Треваньовъ утверждалъ, что крикъ этого животнаго несомнѣнно доказываетъ близость суши.

— Это не совсѣмъ такъ, господинъ мой,—замѣтилъ индѣецъ.—Возможно, что наводненіе застигло его въ лѣсу и ему пришлось спасаться какъ и намъ, на верхушкахъ деревьевъ; но онъ счастливѣе насъ, такъ какъ отлично плаваетъ и обладаетъ инстинктомъ, который приводитъ его къ сушѣ. Впрочемъ, въ гапо встрѣчаются такія мѣста, гдѣ земля подымается надъ поверхностью воды; возвышенности представляютъ собою острова во время разлива. Ягуаръ чувствуетъ себя очень хорошо на такомъ островѣ, такъ какъ его добыча на-

ходится какъ бы въ плѣну у него. Нѣтъ, господинъ мой, присутствіе ягуара еще не доказываетъ, что суша на близкомъ разстояніи.

Въ то время, какъ Мундруку говорилъ это, послышался снова крикъ ягуара, вслѣдъ за которымъ все стихло; казалось, всѣ обитатели лѣса вдругъ замолчали. Но вотъ со стороны малокки до путешественниковъ донесся ужасный дикій крикъ. Мундруку, которому хорошо были знакомы нравы и обычаи враждебнаго племени, объяснилъ товарищамъ, что такими криками дикари выражаютъ радость. Такое объясненіе успокоило нашихъ путешественниковъ, подумавшихъ было, что крикъ этотъ вызванъ исчезновеніемъ пойманнаго ими мураса.

Настала полночь, а луна все также ярко свѣтила на небѣ. Мундруку началъ безпокоиться; не разъ онъ пробовалъ плыть по направленію лагуны, но тотчасъ же возвращался къ товарищамъ съ еще болѣе озабоченнымъ видомъ. Впрочемъ, на шестой разъ онъ вернулся довольно веселымъ.

— Чему ты обрадовался, Мундру?—спросилъ его Гребаньовъ.

—Я видѣлъ облако.

— Не понимаю, почему ты съ такимъ восторгомъ говоришь объ этомъ.

— Поймите же, что я видѣлъ облако!—Правда, оно не особенно велико, но зато оно идетъ съ востока, то есть, отъ Гранъ Пара. А это много значитъ!

— Неужели?

—Конечно. Отъ Гранъ Пара, значитъ и отъ Великой Рѣки. Такое облако предвѣщаетъ грозу, а ее то намъ и нужно. Теперь вамъ понятна моя радость? Надо еще разъ поплыть къ лагунѣ и хорошенько осмотрѣть небо. Терпѣніе, хозяинъ, терпѣніе! И молитесь, чтобы я принесъ добрыя вѣсти.

Съ этими словами индѣецъ снова бросился въ воду. Онъ не возвращался цѣлые полчаса; но оставшіеся на бревнѣ по вѣрнымъ признакамъ уже знали, что онъ сообщитъ имъ. Лучи мѣсяца становились блѣднѣе и блѣднѣе и вскорѣ тьма покрыла все гапо; когда индѣецъ возвращался съ развѣдокъ, его совсѣмъ не было видно, только плескъ воды обнаруживалъ его приближеніе.

— Теперь можно будетъ выполнить мой планъ,—сказалъ

Мундруку.—Я не ошибся, гроза дѣйствительно надвигается; черезъ нѣсколько минутъ будетъ такъ темно, что смѣло можно будетъ забраться въ самую малокку.

— Какъ?—въ этомъ и заключается твой планъ?

— Да, господинъ мой.

— Ты одинъ поплывешь туда?

— Нѣтъ; я думаю взять кого нибудь съ собою

— Кого же?

— Того, кто плаваетъ, какъ рыба.

— Значитъ, моего племянника, Ричарда?

— Да, да! Больше мнѣ никого не нужно.

— Но вѣдь плыть туда очень опасно.

— Совершенно вѣрно,—отвѣчалъ индѣецъ; но не плыть еще опаснѣе. Если намъ удастся сдѣлать все, что я задумалъ,—мы спасены; если же мы всѣ будемъ сидѣть здѣсь, намъ остается только готовиться къ смерти.

— Почему же ты не хочешь сдѣлать такъ, какъ было рѣшено раньше?—Отчего намъ не воспользоваться темнотою и не уплыть скорѣе на бревнѣ отсюда?

— Да, теперь темно; но мы не проплывемъ и мили, какъ можетъ наступить разсвѣтъ и тогда...

— Дядюшка,—сказалъ молодой человѣкъ, надо слушаться Мунди.—Правда, я рискую жизнью, но вѣдь мы всѣ дѣлаемъ это ежедневно.— Вы увидете, что мы вернемся здравы и невредимы... Отпустите меня!

Треваньову осталось только уступить такой убѣдительной просьбѣ племянника. Мундруку и Ричардъ, усѣвшись въ лодку плѣннаго мураса, тихонько поплыли по направленію лагуны. Они были очень взволнованы, но оставшіеся товарищи, волновались не меньше ихъ. Какъ только они уплыли, Треваньовъ сталъ сожалѣть о томъ, что отпустилъ Ричарда. Братъ довѣрилъ ему сына и онъ будетъ отвѣчать передъ нимъ, если юношу постигнетъ какое нибудь несчастіе.

Передъ тѣмъ какъ отправиться въ путь, Мундруку шепнулъ ему на ухо:

— Господинъ, если мы не вернемся до разсвѣта, вы останетесь здѣсь до завтрашняго вечера; а тамъ если будетъ темно, вы сдѣлаете то, что было рѣшено на эту ночь, то есть, поплывете по лагунѣ. Пускайтесь смѣло въ путь, ничего не бойтесь. Я говорю это на тотъ случай, если дѣло окончится нашей гибелью, но я почти увѣренъ въ успѣхѣ.

Черезъ часъ, можетъ быть, мы вернемся, захвативъ съ собою нѣчто весьма необходимое для того, чтобы выбраться изъ гапо и какъ можно скорѣе избавиться отъ нашихъ враговъ.

Оставшись на бревнѣ путешественники строили всевозможныя предположенія по поводу таинственнаго плана индѣйца. Они совсѣмъ забыли о томъ, что Мундруку просилъ ихъ зорко слѣдить за плѣнникомъ. Они видѣли, что онъ былъ крѣпко связанъ и не допускали мысли о томъ, что онъ можетъ порвать свои путы. Они не знали съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Замѣтивъ, что за нимъ болѣе не слѣдятъ, мурасъ, какъ угорь, выползъ изъ обвивавшихъ его льянъ; затѣмъ онъ осторожно сползъ съ бревна и тихонько поплылъ къ деревьямъ. Никто изъ путешественниковъ не слышалъ, какъ онъ бѣжалъ; отсутствіе его было замѣчено только полчаса спустя. Можно себѣ представить, какъ всѣ удивились, когда плѣнника не оказалось на бревнѣ; бросились было къ лагунѣ, думая тамъ увидать бѣглеца, но въ потьмахъ можно было разсмотрѣть только нѣсколько лодокъ, быстро плывшихъ по направленію къ своду.

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтении.

XXI.

Выйдя изъ протока, Мундруку и его юный товарищъ направили лодку прямо къ деревнѣ мурасовъ. Плыть было очень легко. Хотя огни уже догорали, тѣмъ не менѣе красноватый отблескъ ихъ еще ясно указывалъ путь; приходилось плыть вдоль опушки лѣса и пловцы старались все время держаться подъ деревьями.

Не прошло и получаса, какъ они очутились во ста ярдахъ отъ деревни. Привязавъ лодку къ дереву такъ, чтобы потомъ ее скоро можно было отвязать, они пустились вплавь. На обоихъ были плавательные пояса; это было необходимо, такъ какъ для выполненія задуманнаго имъ приходилось долго оставаться въ водѣ. Кромѣ того, могло случиться, что имъ пришлось бы держаться на одномъ мѣстѣ, не производя ни малѣйшаго шума. Съ ножомъ въ рукахъ, индѣецъ направлялся прямо къ помосту, прилагая всѣ старанія къ тому, чтобы не быть замѣченнымъ; Ричардъ тихонько плылъ рядомъ съ нимъ.

Въ деревнѣ всѣ еще спали. Кругомъ царила мертвая

тишина и никого не было видно. Къ стволамъ деревьевъ, поддерживавшихъ помостъ, было привязано до десятка лодокъ.

Къ этимъ то лодкамъ и плылъ индѣецъ. Шесть изъ нихъ, такъ называемыя «игарате», были сдѣланы изъ древесной коры; остальныя же были гораздо больше и лучше и въ каждой изъ нихъ могли помѣститься человѣкъ восемь. Мундруку подплылъ сначала къ первымъ и поочередно что то продѣлалъ надъ каждой изъ нихъ, при чемъ онъ все изгибался и старательно пряталъ голову. Товарищъ изо всѣхъ силъ помогалъ ему.

Такимъ образомъ наши пловцы при помощи ножа, прорѣзали дно у пяти лодокъ и потопили ихъ.

Они сдѣлали бы то же и съ остальными, еслибы товарищи ихъ, оставшіеся на бревнѣ, не выпустили мураса.

Какъ разъ въ то время, какъ Мундруку и Ричардъ садились въ лодку, которая осталась цѣла, надъ водой появилась какая-то черная, тѣнь. Ухватившись за ліану, она однимъ прыжкомъ очутилась на помостѣ.

Несмотря на темноту, Мундруку тотчасъ же узналъ плѣннаго мураса.

— «Santo Dios»!—прошепталъ онъ.—Это дикарь. Они не замѣтили, какъ онъ бѣжалъ! Теперь мы погибли. Скорѣе, скорѣе въ лодку!—Берите одно весло, а я возьму другое. Нельзя терять ни минуты.—Смотрите!—лодки тонутъ. Еслибъ только онъ не поднималъ тревогу еще десять минутъ... Ахъ! —я слышу шумъ... Скорѣй! скорѣй!..

Въ то время, какъ Мундруку говорилъ это, сверху слышался какой-то дикій вой. Это мурасъ давалъ сигналъ своимъ единоплеменникамъ. Онъ не подозрѣвалъ, конечно, что пловцы наши только что потопили лодки, но онъ видѣлъ, какъ они куда то отправились въ его челнокѣ и боялся, чтобы они ночью не предприняли чего нибудь противъ товарищей.

На крикъ мураса отвѣчали сотни дикихъ голосовъ Не прошло и десяти минутъ, какъ всѣ были уже на ногахъ и быстро спускались къ лагунѣ. Весьма понятно, что Мундруку и его товарищъ не стали дожидаться результатовъ своей операціи надъ лодками. Они гребли изо всѣхъ силъ, направляясь прямо къ своду, подъ которымъ скрывались ихъ товарищи.

Эти послѣдніе не могли успокоиться послѣ бѣгства мураса; увидѣвъ лодку, которая плыла прямо къ нимъ, они еще

болѣе испугались, рѣшивъ, что это результатъ тревоги, поднятой бѣглецомъ.

Какая то участь постигла ихъ товарищей? Вдругъ они вскрикнули отъ радости: Мундруку и Ричардъ стояли передъ ними.

— Скорѣе, скорѣе долой съ бревна!—говорилъ индѣецъ.—Какъ жаль, что дикарю удалось бѣжать!... Торопитесь же!... Скорѣе въ лодку!...

Говоря это Мундруку вскочилъ на бревно, разорвалъ пополамъ кожаный парусъ и бросилъ его въ лодку вмѣстѣ съ нѣсколькими кусками мяса морской коровы. Минутъ черезъ двадцать они были уже на серединѣ лагуны.

Куда намъ править?—спросилъ Треваньовъ, переставая работать весломъ, замѣнявшимъ руль.

— Подождите минутку, господинъ мой, отвѣчалъ ему индѣецъ. Надо посмотрѣть, собираются ли дикари насъ преслѣдовать,—сказалъ онъ, глядя въ сторону малокки.

— Неужели ты допускаешь, что они спокойно дадутъ намъ уйти и не погонятся за нами?

— Да, это возможно; я былъ бы даже увѣренъ въ этомъ, еслибъ вы не упустили ту отвратительную обезьяну. Теперь намъ нечего было бы опасаться.... Я думаю, однако, что еще не всѣ лодки успѣли потонуть.

Между тѣмъ на небѣ загоралась заря... Хотя до полнаго разсвѣта было еще далеко, тѣмъ не менѣе непроглядная тьма, окутывавшая лагуну нѣсколько минутъ тому назадъ уже разсѣялась. Въ деревнѣ мурасовъ было тихо. Огни погасли... Ни одинъ звукъ не доносился со стороны малокки. По мнѣнію Мундруку это былъ дурной признакъ.

— Почему ты думаешь?—спросилъ Треваньовъ, предполагавшій какъ разъ обратное.

— Это такъ понятно, господинъ мой.—Имъ теперь не до разговоровъ, они всѣ занялись, вѣроятно, дѣломъ; еслибъ они не собирались насъ преслѣдовать, мы бы, навѣрно, услышали, какъ они кричатъ въ своей малоккѣ. Я думаю, они теперь вычерпываютъ воду изъ тѣхъ лодокъ, которыя не успѣли еще утонуть.

Тутъ Мундруку разсказалъ товарищамъ, какъ они съ Ричардомъ прорѣзали лодки дикарей.

— Ну, теперь пора и въ путь!—сказалъ онъ окончивъ свой разсказъ.

О томъ, куда плыть, раздумывать было некогда; надо было стараться какъ можно дальше уйти отъ малокки! Треваньовъ посовѣтовалъ держаться берега; тутъ подъ деревьями они будутъ не такъ замѣтны.

— Нѣтъ,—возразилъ индѣецъ.—Черезъ десять минутъ будетъ совсѣмъ свѣтло и тамъ насъ также легко могутъ замѣтить, какъ посреди лагуны; къ тому же имъ еще легче будетъ насъ догнать, если мы станемъ держаться берега, такъ какъ деревья образуютъ кругъ.

— Это правда,—отвѣчалъ Треваньовъ. Остается только надѣяться, что имъ и въ голову не придетъ прелѣдовать насъ.

— Минутъ черезъ пять мы все узнаемъ, — прошепталъ индѣецъ; сейчасъ разсвѣтаетъ, и мы увидимъ, что они дѣлаютъ и потонули ли пироги.

Однако, не прошло и пяти минутъ, какъ отъ берега отдѣлилась лодка.

— Самая большая «игарате»,—промолвилъ Мундруку, ее то я и боялся больше всего.

— А вонъ тамъ еще другая лодка,—сказалъ индѣецъ.

— Если это все,—мы спасены!—сказалъ индѣецъ.

— Ихъ тамъ, кажется, человѣкъ десять.

— Хотя насъ гораздо меньше, но я думаю, что мы всетаки справимся съ ними.—Ахъ еслибъ только у насъ было какое нибудь оружіе.

Говоря это, Треваньовъ заглянулъ на дно лодки, ища тамъ что нибудь, что могло бы замѣнить оружіе. Онъ вытащилъ пальмовое копье, которое Мундруку бросилъ туда вмѣстѣ съ мясомъ морской коровы и гарпунъ мураса. Кромѣ того у нихъ были еще весла изъ лопатокъ морской коровы, да ножъ индѣйца. Треваньовъ увѣрялъ, что дикари были вооружены только стрѣлами, да копьями.

Кромѣ двухъ лодокъ, замѣченныхъ нашими путешественниками на лагунѣ ничего не было видно.

— Они увѣрены, что догонятъ насъ,—сказалъ индѣецъ, —да это и понятно, вѣдь у нихъ шесть гребцовъ.—Скорѣе! скорѣе! гребите, что есть силы, мы рискуемъ теперь жизнью; чѣмъ ближе мы будемъ къ малоккѣ, тѣмъ опаснѣе будетъ наше положеніе, такъ какъ оставшіеся тамъ починивъ лодку, могутъ придти на помощь своимъ товарищамъ.

Путешественники наши гребли молча, тогда какъ преслѣдователи ихъ дико кричали, желая, вѣроятно, своимъ крикомъ

напугать враговъ. Эти послѣдніе, однако, рѣшили лучше умереть чѣмъ сдаться дикарямъ.

Но вотъ мурасы стали быстро приближаться. Стрѣлы градомъ полетѣли на сидѣвшихъ въ лодкѣ, но ни одна изъ нихъ не попала въ цѣль. Замѣтивъ, что они подошли еще недостаточно близко къ непріятелю и что стрѣлы ихъ не долетаютъ, гребцы снова налегли на весла; между тѣмъ двое изъ сидѣвшихъ въ лодкѣ не переставали пускать стрѣлы въ своихъ враговъ. Оба стрѣлка отличались силой и мѣткостью стрѣльбы. Одна изъ стрѣлъ скользнула по курчавому затылку негра, другая попала прямо въ щеку Типперари Тому, а третья впилась въ кожу морской коровы, подъ которой спрятали Розиту, не причинивъ дѣвочкѣ никакого вреда.

Ловкій стрѣлокъ, которому принадлежали всѣ три стрѣлы, былъ не кто иной, какъ бывшій ихъ плѣнникъ. Вотъ онъ опять прицѣливался и всѣ съ ужасомъ ждали паденія этой четвертой стрѣлы; пролетѣвъ со свистомъ надъ водой, она попала прямо въ лѣвую руку индѣйцу. Онъ выронилъ весло и громко вскрикнулъ; крикъ этотъ былъ вызванъ скорѣе злостью нежели страданіемъ, такъ какъ стрѣла слегка только ранила его. Онъ вытащилъ ее правой рукой и быстро схватился за гарпунъ, который еще раньше онъ привязалъ къ лодкѣ. Вставъ на корму онъ размахнулся, чтобы какъ можно дальше бросить свое оружіе.

— Стрѣляй! стрѣляй!—кричалъ онъ въ то время, какъ гарпунъ, брошенный опытной рукой, впился прямо въ бокъ такъ мѣтко стрѣлявшему дикарю. Товарищи индѣйца вскрикнули отъ радости, тогда какъ дикари совсѣмъ растерялись и перестали стрѣлять.

Гребецъ, сидѣвшій въ маленькой лодкѣ, остолбенѣлъ; весло выпало у него изъ рукъ, лодка вдругъ остановилась и сраженный гарпуномъ стрѣлокъ полетѣлъ въ воду. Мурасы дико вскрикнули. Нѣсколько минутъ они были въ какомъ то оцѣпенѣніи и точно статуи неподвижно стояли на своихъ мѣстахъ. Но вотъ они пришли въ себя и, полные жажды мести, изо всѣхъ силъ стали грести, чтобы догнать враговъ. Еще немного усилій и непріятели будутъ въ ихъ рукахъ.

Стрѣлы градомъ летѣли надъ лодкой, не причиняя однако сидѣвшимъ въ ней никакого вреда. Вѣдь лучшій стрѣлокъ пошелъ ко дну. Замѣтимъ, что стрѣлы не долетаютъ до против-

никовъ, дикари снова взялись за весла, намѣреваясь еще ближе подойти къ нимъ. Какъ только они очутились отъ лодки всего лишь въ двадцати шагахъ, они снова бросили весла и взялись за лукъ. Теперь они были увѣрены, что поразятъ своихъ враговъ; изъ девяти стрѣлъ, пущенныхъ одновременно на такомъ незначительномъ разстояніи, двѣ или три по крайней мѣрѣ должны были попасть въ цѣль. Наши путешественники пришли въ ужасъ. Каждый изъ нихъ могъ ожидать смерти; имъ некуда было спрятаться отъ непріятельскихъ стрѣлъ.

Эта минута ожиданья была ужасна! Вдругъ ко всеобщему удивленію, дикари п бросали оружіе и со страхомъ стали смотрѣть на дно лодки, какъ будто они вдругъ увидали тамъ самаго опаснаго врага.

Мундруку сразу догадался въ чемъ дѣло; отверстіе прорѣзанное имъ въ днѣ лодки, вѣроятно, открылось и мурасы рисковали утонуть.

Онъ не ошибся. Черезъ нѣсколько минутъ лодка стала тонуть и дикари съ крикомъ бросались въ воду. Теперь они были не страшны нашимъ путешественникамъ.

XXII.

Хотя пирога, похищенная ими у дикарей была сдѣлана очень грубо, тѣмъ не менѣе плыть на ней было гораздо удобнѣе, чѣмъ на стволѣ засохшей монгубы. Благодаря весламъ и парусу изъ кожи морской коровы, путешественники могли плыть въ любомъ направленіи.

Прежде всего они рѣшили выбраться изъ лагуны. Оставаться здѣсь было опасно, такъ какъ дикари опять могли погнаться за ними. Можно было съ увѣренностью сказать, что людоѣды, желая полакомиться ими, или же просто изъ жажды мести примутся розыскивать ихъ. Правда, имъ придется отложить эти поиски до постройки новыхъ лодокъ, но какъ только это дѣло будетъ окончено, они пожелаютъ отомстить своимъ врагамъ.

Итакъ наши путешественники старались какъ можно скорѣе выбраться изъ лагуны. Была ли она окружена потопленнымъ лѣсомъ, или въ какой нибудь сторонѣ находилась твердая земля?—Никто не могъ отвѣтить на эти вопросы. Направляться въ ту сторону, гдѣ они уже плавали на бревнѣ, было безполезно. Они знали, что лѣсъ тянулся тамъ на разстояніи нѣсколькихъ миль, такъ какъ при помощи плавательныхъ поя

совъ они проплыли не одну милю вдоль его опушки. Въ эту сторону они направились поневолѣ, когда дикари бросились преслѣдовать ихъ; но теперь врагъ былъ далеко, а потому круто повернувъ, они поплыли совсѣмъ въ другомъ направленіи. На этотъ разъ имъ посчастливилось и они выбрали правильный путь. Подплывъ къ деревьямъ, они замѣтили широкій протокъ, ведущій изъ лагуны; онъ тянулся очень далеко и на горизонтѣ расплывался въ какую то свѣтлую линію. Мурасы были не страшны имъ теперь. Но хотя путешественники наши и избавились отъ преслѣдованія дикарей, тѣмъ не менѣе до окончательнаго спасенья имъ было еще далеко; ихъ все еще окружалъ потопленный лѣсъ, и они по прежнему постоянно подвергались всевозможнымъ опасностямъ.

Долго плавали они еще то по большимъ воднымъ пространствамъ, то по широкимъ каналамъ, то по узкимъ протокамъ, которые иногда оканчивались непроницаемой чащей деревьевъ. Въ послѣднемъ случаѣ приходилось выбирать одно изъ двухъ: плыть обратно, или же, бросивъ лодку, путешествовать по деревьямъ, но этотъ способъ передвиженія никому не улыбался. Иногда они тратили цѣлые дни на плаванье по такимъ мнимымъ «проливамъ».

По дорогѣ имъ попадались всевозможные фрукты, которые были знакомы Мундруку. Нѣкоторые изъ нихъ были очень вкусны, другіе же представляли собою ужасный ядъ. Сборъ плодовъ, которыми они питались, былъ ихъ единственнымъ развлеченіемъ. Никто изъ нихъ не могъ сказать, сколько времени они блуждали по лѣсу, такъ какъ были дни, когда они вовсе не видали солнца; то оно совсѣмъ не показывалось, то лучи его не проникали сквозь чащу деревьевъ, подъ которыми они скрывались.

Наконецъ, послѣ долговременнаго отчаянія и обманутыхъ надеждъ, они увидѣли большое судно. Оно плыло по лѣсу. Правда оно было не велико, но хорошо оснащено, съ мачтами и съ парусами. Это было торговое двухмачтное судно, какія часто встрѣчаются на Солимоесѣ.

Капитанъ согласился принять ихъ и черезъ десять минутъ они были на его суднѣ. Предоставивъ лодку вѣтру и теченью они поплыли дальше по одному изъ каналовъ Солимоеса. Черезъ два дня они вошли въ главную рѣку и быстро поплыли по направленію къ Парѣ.

ПОЖАЛУЙСТА.
не перегибайте книг при чтеніи.

Братья возвратились на родину и поселились вмѣстѣ въ томъ домѣ, въ которомъ они родились. Человѣкъ, присвоившій ихъ имущество оставилъ все своему сыну, который быстро растратилъ деньги и принужденъ былъ продать имѣнье. Братья Треваньовы пріѣхали какъ разъ во время; они тотчасъ же скупили всю землю, которая когда то принадлежала ихъ предкамъ.

Если бы читатель вздумалъ отправиться въ Лендсъ-Эндъ и ему захотѣлось бы повидать нашихъ старыхъ друзей, онъ встрѣтилъ бы въ домѣ Ральфа: во-первыхъ, старика, Ральфа, который сталъ уже дѣдушкой,—во вторыхъ красавицу жену хозяина, Флоренсъ, окруженную дѣтьми, такими же смуглыми, какъ ихъ отецъ. Тутъ же вамъ попался бы человѣкъ, волосы котораго, когда то ярко-рыжіе, теперь уже серебрились на вискахъ; въ немъ вы узнали бы конечно Типперари Тома.

Войдя въ переднюю вы встрѣтите негра,—это вашъ старый знакомый Мозей. Онъ проводитъ васъ къ своему господину, въ которомъ вы тоже легко узнаете Ричарда. Годы не измѣнили его, онъ остался такимъ же веселымъ и жизнерадостнымъ, какимъ вы его знали.

Вы не забыли, конечно, и этой элегантной леди, которая такъ привѣтливо встрѣтитъ васъ. Это Розита,—жена Ричарда.

Для полноты картины не достаетъ только Мундруку.

Старый хозяинъ не остался у него въ долгу. Онъ подарилъ ...лдѣйцу шкуну и такимъ образомъ, вознаградилъ его за беззавѣтную преданность, которую онъ проявилъ во время странствованія ихъ по затопленому лѣсу.

КОНЕЦЪ.

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

ПОЖАЛУЙСТА
Не перегибайте книг при чтении

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтении.

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
Los Angeles
This book is DUE on the last date stamped below.

RECD LD-URL
ORION APR 0 8 '80
LD/URL
APR 0 8 1980

Form L9–50*m*-7,'54(5990)444

PR
5219
R26afR
Reid-
Vodoi po lesu.

PR
5219
R26afR

POPULAR
LIBRARY
ШАЯ БИБЛІОТЕКА
PAUL HENRY
HANGHAI

ЛУЙСТА
КНИГ при чтеній

THE LIBRARY
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LOS ANGELES